

Ольга Малышкина

ЛЕГЕНДЫ ЗЕМЛИ МОСКОВСКОЙ.

ИЛИ...

..НОВЫЕ НЕВЕРОЯТНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ БРЫСЯ
И ЕГО ДРУЗЕЙ

Чита́йте в серии:

Приключения котёнка Брыся.

Брысь, или Кот Его Высочества.

Брысь, или Один за всех, и все за одного.

Брысь, или Приключения одного т.н.с.

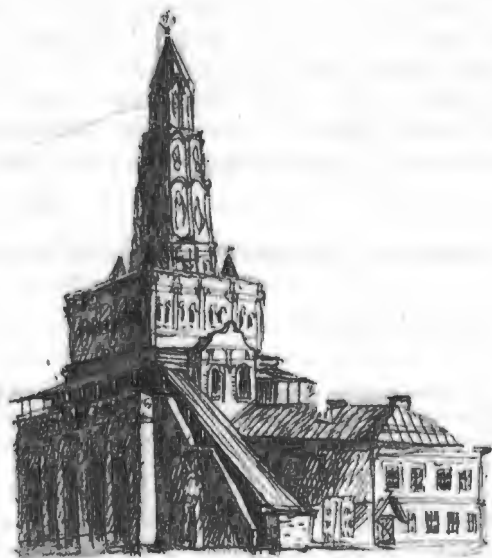
Брысь, или Тайны Царского Села.

Мифические эксперименты, или...

ОЛЬГА МАЛЫШКИНА

ЛЕТЕНДЫ ЗЕМЛИ МОСКОВСКОЙ. ИЛИ...

...Новые невероятные приключения
Брыся и его друзей

УДК 82-311.3-93
ББК 84(2Рус-Рос)6
М 20

М 20 Малышкина О.В.
Легенды Земли Московской, или... Новые
невероятные приключения Брыся и его друзей

Издание второе

Приключенческая повесть / Художник
О. Кагальникова. — М: Брысь & Со, 2022. — 352 с. — ил. — Б.ц.

ISBN 978-5-6042350-7-2

Расследование таинственного похищения домашних питомцев и обувной коробки с эликсирами юного химика приводит следователя капитана Петрова и его помощницу – немецкую овчарку Альму – в московские подземелья. Героев ждут невероятные перемещения во времени и встреча с... призраком. Им предстоит пережить невиданное бедствие – пожар Москвы 1812 года, своими глазами увидеть Наполеона, полетать на воздушном шаре и совершить немало подвигов...

По мотивам легенд и баск московского люда о необычных изобретениях графа Я.В. Брюса, его магической «Чёрной книге», загадках Сухаревой башни и многом другом...

12+

Серия «Для любознательных детей и взрослых»

УДК 82-311.3-93
ББК 84(2Рус-Рос)6

Охраняется законом об авторском праве. Все права защищены. Полная или частичная перепечатка издания, включая размещение в сети Интернет, возможна только с письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-6042350-7-2

©Малышкина О., 2022
©Брысь & Со, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

для тех, кто не знаком с главными героями

Брысь — петербургский кот с богатой биографией, искатель приключений, полиглот, грамотей, обладатель изысканных манер и ошейника, сплетённого из золотистых шёлковых нитей немецкой принцессой Марией Гессенской, когда она была невестой, а он — Котом Его Высочества, наследника российского престола, будущего императора Александра Второго. От сотрудниц Эрмитажа получил кличку Ван Дейк, которой очень гордится, хотя за глаза друзья именуют его по-старому — Брысь.

Савельич — пожилой чёрный кот из Летнего сада, философ, книгочей, друг и наставник Брыся.

Рыжий — пушистый кот, попавший в наше время из XIX века; успел, как и Брысь, «поработать» эрмитажным котом — эрмиком.

Мартин — молодой пёс крупных размеров, неизвестной породы.

Все четверо с недавних пор — питомцы мальчика Саши, второклассника из города Пушкина, бывшего Царского Села.

Пафнутий — самый необычный член команды Брыся — белый крысёнок, питомец Вовы Менделеева (юного химика и изобретателя эликсира перемещений, а также друга, одноклассника и соседа мальчика Саши).

Пафнутий обожает искать, точнее — находить клады; считает себя м.н.с. (младшим научным сотрудником Вовкиной «химической лаборатории»); уверен, что среди его предков были не только отважные корабельные крысы, но и зайцы — именно по этой причине он такой белоснежный; в свободное время любит распевать песни; утверждает, что у него два образования: химическое (потому что пробует Вовкины эликсиры) и экономическое (потому что любит смотреть по телевизору новости про экономику), и вообще гордится тем, что крысы «твари с интеллектом». Впрочем, кое-кто (а именно Савельич) считает Пафнутия «никчёмным балластом» из-за его невероятной способности падать в обморок в самый ответственный момент.

Луна — ночное светило, давняя приятельница Брыся, часто является ему во сне, чтобы побеседовать или предупредить о чём-нибудь этаким.

Важное примечание: эликсир перемещений, изобретённый юным химиком Вовкой Менделеевым, действует только на живую материю, поэтому ни в прошлое, ни из прошлого ничего прихватить с собой нельзя...

Глава первая, в которой Брысь снится плохой сон

Пафнутий воспарял всё выше и выше над городом, увлекаемый в небесные дали воздушным шаром. Брысь наблюдал за полётом из окна детской. Средство передвижения, выбранное помощником юного химика, было вытянутой формы и розового цвета, отчего напоминало аппетитную сардельку. Маленький приятель был подвешен к «колбасному изделию» верёвками и почему-то не выглядел счастливым.

Печальное выражение на острой белобрысой мордочке навело искателя приключений на мысль, что «м.н.с.» отправился в путешествие не по собственной воле, а возможно даже вопреки желанию!

— Пафнутий, ты далеко собрался? — крикнул Брысь, надеясь, что грызун его услышит. Всё-таки он теперь не простой крысук, а телепат с поразительными способностями, приобретёнными в электромагнитном тумане во время Филадельфийского эксперимента*.

* Эти события описаны в книге «Мифические эксперименты, или... Новые невероятные приключения Брыся и его друзей».

Впрочем, необычными свойствами наделена теперь вся их команда. К радости хозяев, забывших о существовании ветеринарных врачей, поскольку любые травмы заживали на питомцах как на собаке. Брысь уточнил бы — как на собаке, которая побывала на подопытном корабле.

— Меня похитили! — пискнул «м.н.с.» и превратился в крошечную точку на небе.

Искатель приключений в отчаянии забарабанил лапами по стеклу, отправляя азбукой Морзе слова утешения и поддержки и надеясь, что обладатель корабельных предков сможет расшифровать его послание.

— Ты чего пихаешься? — недовольно пробурчал сонный Мартин.

Брысь с облегчением уставился на плотный собачий бок и выдохнул:

— Фу, приснится же такое!

— Что именно? — заинтересованно свесился с Сашиной кровати Рыжий.

— Да так, ерунда всякая! — не стал вдаваться в подробности искатель приключений и, потянувшись, отправился на кухню — следовало срочно утолить голод, вызванный видением сочной сардельки.

Помолодевший Савельич хитро прищурился:

— За Пафнутия переживает. Всё-таки на целое лето разлучаются, вот и мерещатся ему кошмары про ненаглядного крысюка.

Бывший летнесадовский мыслитель

широко зевнул, продемонстрировав ослепительную белизну зубов.

— Наконец-то отдохнём от «твари с интеллектом», а то достал своим пением!

Рыжий усомнился в искренности философа.

— Неужели совсем-совсем скучать не будешь?

— Совсем-совсем! — категорично заявил Савельич и тоже направился на кухню, поскольку удивительному возвращению молодости тела сопутствовало возвращение молодого аппетита.

— А ты? — обратился Рыжий к дремлющему псу.

— А что я... Мне вас троих достаточно. Да ещё Саша, мама Лина, папа, бабушка... Когда скучать-то?! К тому же как вспомню, каким опасностям он нас подверг, так вот прямо ужасно злиться начинаю! — окончательно проснулся Мартин.

Рыжий перевёл взгляд на свой роскошный хвост и возразил:

— Зато мы вон какие стали — супер-пупер!

— А вообще-то, Брысь прав, — задумчиво произнёс пёс, прислушиваясь к внутренним ощущениям, — тревожно как-то...

Глава вторая, в которой Пафнутий рассуждает о славе

Я же говорил, что Вовка нас прославит! Он ведь, в отличие от своего закадычного приятеля Саши, с питомцами которого я состою в одной команде, парень общительный. Весь в меня! А может, я в него, если учитывать, что величаюсь Пафнутием Владимировичем. Хотя... отчество-то я присвоил, не спрашивая согласия моего друга и научного руководителя...

В общем, генетика — наука тонкая, а вывод следует такой — одного мы с ним поля ягоды! Славу любим! Не того, который у нас под окнами мяч гоняет и в науках не разбирается (Вовку моего не химиком, а ботаником называет), а другого. Тьфу, другую — когда про тебя в журналах и газетах пишут или даже по телевизору показывают!

Нас, правда, ещё не показывали, но обещали. Дяденька солидный приходил, в костюме с галстуком. С нашими родителями долго беседовал. Не в обиду Вовке будь сказано, обо мне в основном: сколько полных месяцев на свете живу, чем болел, где купили, почём заплати-

ли. Рационом питания моего интересовался. Клетку фотографировал и меня в ней: то на тренажёре, то перед зеркалом, то как я ем, то как я сплю (в последнем, впрочем, не уверен — глаза были закрыты). Даже в обувной коробке позировать пришлось, среди Вовкиных склянок! Я так понял, что в моём исключительном здоровье подозревают действие эликсира. Ну... кусочек истины в этом есть...

Я, как и полагается восходящей звезде экрана, блистал во всей красе: все трюки вспомнил, которыми публику на рынке развлекал, когда ещё Хлыстом в банде Ваньки Белки числился*.

Даже Вовка и родители рты пораскрывали (я и забыл, что они не в курсе моих талантов, приобретённых в путешествиях во времени).

Эх, жаль, обширные знания по химии и экономике, а значит и два моих образования, останутся скрыты от широкой зрительской аудитории. И если бы только они! Во мне столько историй накопилось о невероятных похождениях, что впору лопнуть!

Этим, из соседнего подъезда, с которыми я в одной команде, мои рассказы надоели, о чём они сообщили мне в бестактной форме. Пользуются своими кошачьими ушами и подслушивают, а теперь к ним ещё и Мартин присоединился. Тоже мне

* Эти события описаны в книге «Брысь, или Приключения одного м.н.с.».

— «жертва» электромагнитного излучения! А благодаря кому, спрашивается?! Вот начну сиять по всем каналам — обзавидуются! Ни одна крыса, с нашим ускоренным метаболизмом, не выглядит так свежо и бодро, как я! До бессмертия ещё только не дожил, чтобы проверить, Кощей я теперь или нет...

Но главное, наш с Вовкой отъезд к бабушке на дачу, где у соседей противный кот, откладывается на неопределённый срок! А точнее, на два дня, потому что завтра вечером, когда родители с работы вернутся, дяденька снова придёт, с кинооператором и специальными осветительными приборами, чтобы качественную съёмку про меня делать.

Пока Вовка и его мама прощались в прихожей с представителем главного средства массовой информации, Пафнутий выбрался из клетки и шустро вскарабкался на подоконник, чтобы посмотреть, в какую машину сядет гость и не написано ли на ней крупными буквами: «ТЕЛЕВИДЕНИЕ». К огорчению восходящей звезды экрана, солидный мужчина в костюме и галстук направился в соседний подъезд. Его сопровождал Вовка в футболке и шортах. Не иначе, друг и научный руководитель собрался разделить славу своего любимца с Сашиними питомцами!

Пафнутий взгрустнул — как бы не померкла его белобрысая физиономия рядом с пуши-

стыми котами и здоровенной псиной! Они, конечно, команда, но ведь если измерить вклад каждого в достигнутый результат, то его личная доля несравнимо больше всех остальных, вместе взятых! Ну и Вовкина, разумеется...

И что им дома не сиделось?! Природа их и так не обидела: ни сроком жизни, ни количеством меха! Пафнутий с тоской оглядел свой лысый хвост — затмят, как пить дать затмят!

Повздыхав ещё немного, «м.н.с.» настроил свой усовершенствованный мозг на квартиру приятелей. Так и есть! О съёмках договариваются!

— По всей школе и по всему двору растрепал — вот результат! Тебя кто за язык тянул?! — сердито прошипел Саша, когда дверь за телевизионщиком закрылась.

Вовкины голубые глаза за стёклами очков округлились, а рыжие вихры, которые ещё не успели остричь на лето, встопорчились в знак протеста.

— Ты что?! Это же так здорово — нас всех по телеку покажут! — попробовал Вовка переубедить друга.

— Вот именно! Что, если нашими питомцами всерьёз заинтересуются и заберут на исследования? С чего, мол, они такие особенные?

Юный химик возразил:

— А мы не отдадим! Без согласия хозяев не имеют права!

Уверенный тон приятеля немного успокоил Сашу, и, выводя Мартина на прогулку, он уже не так хмурился и даже принялся обсуждать с Вовкой вопрос, рассказывать ли общественности о том, что питомцы не только не болеют, но ещё и во времени путешествуют? Или их примут за хвастунов и обманщиков?

Глава третья, в которой Брысь высказывает опасения, а Пафнутий теняет итиуж

Брысь окинул Савельича и Рыжего оценивающим взглядом.

— Прикидываешь, хорошо ли мы будем смотреться на экране? — не скрывая восторга от предстоящего развлечения, спросил бывший дворцовый мышелов.

— Да нет... Жду, когда вы начнёте высказывать соображения по поводу происходящего! — слегка насмешливо отозвался искатель приключений.

Савельич легко взлетел на подоконник (он теперь постоянно проверял гибкость суставов,

втайне опасаясь, что благотворное действие таинственного излучения, вернувшее ему молодость, может закончиться так же внезапно, как и действие эликсира перемещений) и проводил глазами Мартина. Пёс так торопился на пустырь за домом, что до отказа натянул длинный поводок и почти волоком тащил за собой худенького Сашу. За ними едва поспевал юный химик.

— Думаешь, Сашины опасения не напрасны? — философ отвернулся от окна и выжидающе уставился на Брыся.

— В любом случае широкая известность нам ни к чему!

(Слышал бы Пафнутий рассуждения «старшего компаньона», задохнулся бы от негодования! Но питомец Менделеевых был занят изучением своего отражения в зеркале, размышляя, что бы такое сотворить с внешностью, чтобы она стала ещё более незаурядной, и склоняясь к использованию «Бриллиантового зелёного» в качестве средства макияжа. В конце концов, кто сказал, что зелёнку можно применять только на Вовкиных локтях и коленках или как чернила для кошачьей стенографии?! К тому же любитель сокровищ не терял надежды обнаружить в очередной бутылочке заявленные на этикетке драгоценности.)

— Да и мужик мне не понравился! — продолжил искатель приключений. — Не на телевизионщика он похож, а...

— А на кого? — перебил Рыжий, опечаленный готовящимся срывом съёмок до глубины души (то есть очень глубоко, поскольку сейчас его душа напоминала бездонный колодец).

— На Вовку Менделеева! — неожиданно завершил фразу Брысь, и друзья ошеломлённо притихли.

— Не обратили внимания, как у него глаза горят? В них такой же азарт и научное нетерпение, как у нашего малолетнего химика! Уверен, он мечтает добраться до наших внутренностей!

Потрясённые Рыжий и Савельич переглянулись.

— Но для этого он должен нами завладеть, — растерянно молвил философ, которому теперь тоже казалось, что обладатель костюма и галстука скользкий тип.

— Думаете, он захочет нас выкупить? — с робкой надеждой спросил Рыжий, зная, что родители-хозяева ни за какие деньги не согласятся продать своих любимцев и на том история благополучно завершится.

— Это вряд ли, — отверг Брысь предположение лохматого приятеля, — скорее всего, нас попытаются выкрасть!

Друзьям невольно вспомнились события, пережитые ими на страницах романа Дюма «Три мушкетёра». А в голове Рыжего ещё и голос графа Рошфора прозвучал, когда тот извиняющимся тоном пояснил кардиналу,

почему принёс именно его: «Какой попался, ваше высокопреосвященство!»*

— Давайте окна закроем, а то сетки от комаров такие ненадёжные, а у нас первый этаж! — забеспокоился бывший пленник Ришелье.

— А свежий воздух? — воспротивился книгочей. — Лето на улице! Лучше будем дежурить по очереди, чтобы злоумышленники нас врасплах не застали.

— Пафнутия нужно предупредить. Он самое слабое звено в нашей команде, — озабоченно изрёк Брысь и собрался по привычке разодрать антимоскитное полотно, чтобы отправиться к Менделеевым.

Савельич его остановил:

— Хватит портить семейное имущество! Попробуем телепатию.

Однако на мысленный вызов «младший научный сотрудник» не ответил, зато изумительный кошачий слух уловил в искомой квартире странное бульканье.

— Может, он занят? — тактично высказался Рыжий.

Пафнутий на самом деле был занят. Долгие размышления всё же склонили его к применению зелёнки, и в тот момент, когда знакомые коты, а ныне — претенденты на его славу, пытались связаться с ним на расстоя-

* Эти события описаны в книге «Брысь, или Один за всех, и все за одного».

нии, помощник юного химика, ловко откупорив склянку, выливал содержимое в свою мисочку, которую предварительно освободил от питьевой воды.

Обстоятельства сложились удачно: Вовка гулял на пустыре с Мартином и Сашей, а мама ушла в магазин, чтобы пополнить продовольственные запасы в холодильнике. Решив использовать временную свободу действий, «м.н.с.» уселся перед зеркалом (которое вкупе с колесом-тренажёром составляло обстановку его личных «шикарных апартаментов») и принялся думать над новым имиджем.

— А что вы скажете вот на это? — обратилась восходящая звезда экрана к отсутствующим приятелям и, макнув изящный коготок в зелёнку, нарисовала на своём белоснежном лбу маленький кружок, как раз посередине между «рубиновыми бусинками».

Получилось очень похоже на третий глаз. Пафнутий расстроился — ещё примут за мутанта какого-нибудь! Он попробовал избавиться от неудачного рисунка, потеряв его лапкой, но сделал только хуже: аккуратный кружок превратился в безобразное пятно неправильной формы.

Охваченный паникой, горе-стилист кинулся в ванную комнату, забрался в барабан стиральной машины с подготовленным к стирке бельём и, втиснувшись в самую сердцевину тугого клубка из полотенец, простыней и наволочек, стал лихорадочно вытираться...

Глава четвёртая, в которой происходит похищение

Входная дверь Менделеевых открылась и тут же захлопнулась с тихим щелчком. Раздались быстрые осторожные шаги — сначала в коридоре, потом в каждой из комнат и на кухне.

— Чёрт-чёрт-чёрт! — трижды чертыхнулся кто-то шёпотом и покинул квартиру...

Новоявленный телепат ничего не слышал, поглощённый единственной мыслью — не скажутся ли радикальные перемены в его внешности на желании господина в костюме и галстукe снимать о нём кино. Из стиральной машины Пафнутий выбрался, лишь когда бельё основательно позеленело — это давало надежду, что на нём самом осталось не так много.

Помощник юного химика заторопился в свои «шикарные апартаменты» и с опаской взглянул в зеркало — оттуда на него растерянно смотрел незнакомый грызун бледно-зелёного цвета с голубоватым отливом. Рубиновые глазки-бусинки восходящей звезды экрана несколько раз моргнули и закрылись, а бывшее когда-то белоснежным тельце растянулось на мягких опилках, устилающих дно

просторной клетки. Причём длинный лысый хвост предательски окунулся в мисочку с зелёнкой.

В таком виде и обнаружил своего «сотрудника» вернувшийся с прогулки «научный руководитель».

Неизвестно, сколько времени провёл бы незадачливый стилист в обмороке, если бы не оглушительная мелодия звонка Вовкиного мобильного, пробудившая Пафнутия от забытья. А обеспокоенный голос, донёсшийся из телефона, и вовсе заставил подскочить.

— Коты опять пропали!

Ощетинившийся Мартин оглушительно лаял и рвался из квартиры, не понимая, как Саша может не чувствовать, что в их доме побывал чужой. Мальчик пытался его успокоить, объясняя, что неугомонный Брысь, видимо, снова отправился в путешествие по историческим эпохам, прихватив друзей. И скоро все они объявятся, как уже не раз бывало.

Если бы не враждебное и незаконное вторжение на их территорию, Мартин и сам бы так подумал. Хотя обиделся бы смертельно на то, что коты не взяли его с собой и даже не предупредили о своих планах!

Чтобы спасти многострадальное дверное полотно от новых царапин, Саша наконец выпустил взволнованного питомца. Мартин промчался мимо консьержки, дремавшей на

скамеечке возле распахнутой двери подъезда, к стоянке машин, а оттуда, не сбавляя темпа, выскочил на проезжую часть и вскоре исчез из виду...

Следы автомобиля, на котором скрылся похититель, затерялись в сплошном транспортном потоке, напомнившем Мартину, что у Людей начался сезон отпусков. Пёс поставил торчком уши, пытаясь задействовать слух, многократно обострившийся после пребывания в таинственном зелёном тумане на подопытном эсминце, но в какофонии звуков отсутствовали голоса его любимых котов. Означало ли это, что они мертвы?..

Мартин решительно отогнал мрачную мысль и поспешил домой за уликами, которые могли бы пролить свет на загадочное происшествие. В квартире непременно должны были остаться свидетельства жестокой борьбы — не в характере приятелей сдаваться без боя!

Возле подъезда в тревожном ожидании застыли Саша и его верный друг Вовка, отложивший мытьё раскрашенного питомца на потом. (Юному химику, кстати, нравился приобретённый Пафнутием оттенок. И, если бы удалось добиться согласия мамы, он вообще оставил бы крысюка в голубовато-зеленоватом обличье.)

Саша накинулся на Мартина с упрёками, но пёс, обычно сразу принимавший виновато-несчастный вид, когда слышал гневные нотки в тоне хозяев, на этот раз повёл себя

иначе — окинул мальчиков серьёзным взглядом, а прежде чем войти в квартиру, тщательно обнюхал придверный коврик и замок. (В принципе, замков было два: верхний и нижний, но пользовались только верхним, потому что ключ от нижнего, громоздкий и неудобный, давно затерялся где-то в ящиках гардероба.)

Вечером собрался семейный совет, на который пригласили и бабушку Александру Сергеевну. Вовка тоже участвовал, поскольку не мог оставить друга в непонятных обстоятельствах, главным из которых было странное поведение Мартина. Пёс явно намекал на то, что в доме побывали грабители.

Впрочем, учитывая, что все «ценные» вещи лежали непо тревоженными на своих местах, включая шкатулку с наличностью на бытовые расходы, следовало переименовать их в похитителей.

— Неужели так трудно было забрать хотя бы деньги! — сердился Николай Павлович на неизвестных. — Были бы основания вызвать полицию! А так... боюсь, от нас даже заявления не примут.

— У меня пропала коробка с эликсирами! — подал тоненький голосок химик-изобретатель. — Может, про них заявление написать, а заодно и котов поищут?

Глава пятая, в которой начинается расследование

Несмотря на пессимизм взрослых членов обоих семейств, заявление в полицию приняли и даже прислали оперативную группу в составе двух человек. К огорчению Саши и Вовы, оба служителя закона явились в штатском. К тому же, по их словам, не подтверждённым звёздочками на погонах (а лишь записями в тёмно-синих книжечках), оба были всего лишь капитанами, а не генералами или хотя бы полковниками, которым мальчики могли бы доверить судьбу пропавших.

Осмотр начался с квартиры Менделеевых, так как коробка со склянками, «имеющими научное значение», числилась пунктом первым в списке похищенного. Один из присланных для расследования сотрудников, нацепив на руки прозрачные перчатки и вооружившись большой лупой, исследовал замки. (Числом два, как и на Сашиной входной двери. Пользовались, как это часто бывает, лишь верхним.)

— Ну что я могу сказать после беглого осмотра... — начал эксперт.

— А вы не торопитесь, тщательно осматривайте! — потребовал юный химик.

— Так вот, — спокойно продолжил криминалист, — никаких следов взлома не обнаружено. Отпечатки имеются, но они, скорее всего, принадлежат жильцам квартиры.

— А вы проверьте! — опять встрял Вовка.

— Обязательно проверим, молодой человек! И пробыём по базе данных — вдруг ваш похититель где-нибудь когда-нибудь засветился. Но я бы на это не рассчитывал, учитывая узко-специфические интересы преступника.

— Что значит «узко-специфические»? — не понял изобретатель пропавших эликсиров.

— Это значит, молодой человек, что среди множества расследованных краж нам ещё ни разу не попадались такие, где речь шла бы о коробке с бутылочками из-под валерьянки и котях, — серьёзно ответил сотрудник полиции, но тут же обнадёжил: — Хотя злоумышленник мог выполнять чей-то заказ.

Обращение «молодой человек» страшно нравилось Вовке, и юный химик даже поминутно поправлял очки и старательно хмурился для придания своему облику пущей солидности.

— Кто-то из вас порезался? — вдруг сменил тему эксперт, переместившись из прихожей в коридор.

Вовкины родители удивлённо перегляну-

лись, а их сын на всякий случай внимательно посмотрел на свои руки.

— Пятнышки зелёнки на полу, — пояснил криминалист и указал на цепочку из точек, протянувшихся от дальней комнаты к ванной.

— А, это Пафнутий красился и наследил, — растолковал происхождение следов малолетний учёный и, заметив непонимание в глазах служителей закона, добавил: — Мой крысюк. Он имидж решил поменять!

Вовкина мама прыснула, а сотрудники полиции заинтересовались:

— Вот как?

— Да вы проходите, полюбуйтесь, какой он стал! Ни у кого таких нет! — похвастался юный Менделеев и гостеприимно провёл «гостей» в детскую, где на широком подоконнике располагались «шикарные апартаменты младшего научного сотрудника».

Зрелище, открывшееся полицейским, на некоторое время лишило их способности задавать вопросы: стоя на задних лапках и вцепившись передними в тонкие прутья клетки, на вошедших с любопытством таращился рубиновыми глазками-бусинками зеленовато-голубоватый грызун с ярким, изумрудного цвета хвостом.

— Да, стильно получилось! — наконец вымолвил следователь капитан Петров, пока его коллега продолжал давиться от смеха.

— Мама, можно Пафнутий таким оста-

нется? — попросил Вовка, воспользовавшись моментом.

— Потом обсудим! — ответила мама и указала полицейским на место преступления. — Коробка стояла там, под кроватью.

Эксперт опять вооружился лупой и наклонился.

— А пол специально пропылесосили? — спросил он, когда снова принял вертикальное положение.

Вовкина мама покраснела.

— Простите, я как-то не подумала, — пробормотала она, извиняясь. (На самом деле она подумала, вот только не о возможных отпечатках похитителя, а о том, чтобы посторонние люди не увидели пыль.)

— Ну-с, теперь рассказывайте, молодой человек, какая связь между вашей коробкой и котами вашего приятеля! — взялся за дело следователь, отправив эксперта в соседний подъезд, а точнее — в Сашину квартиру, где его с нетерпением ждали Мартин и прочие обитатели.

— Видите ли, — смутился юный Менделеев, не зная, как заставить человека, не имеющего никакого отношения к химии, поверить в его сногшибательное научное изобретение, о главном свойстве которого они с Сашкой договорились полицейским не рассказывать.

Выручил папа. Правда, он тоже не стал заострять внимание на «перемещательных»

особенностях жидкости, заключённой в похищенных склянках.

— Мы пока не уверены, но нам кажется, что Сашины коты и наш крысук, попробовав эликсир, приобрели необычные свойства: они перестали болеть и даже... омолодились!

Капитан Петров внимательно посмотрел на главу семейства и произнёс, выразительно подчёркивая каждое слово:

— Вы НЕ УВЕРЕНЫ... Вам КАЖЕТСЯ...

Глава шестая, в которой появляются первые подозреваемые

Вовкины родители смущённо потупились, прекрасно осознавая, что думает сотрудник серьёзных органов о них и всей этой истории с якобы имевшим место проникновением в частное жилище. «Якобы», потому что следов взлома-то не нашли! Что лично Вовкиной маме говорило о двух вещах: либо их замок запросто открывался в опытных воровских руках, либо она, вдохновлённая предстоящими съёмками, вообще забыла запереть квартиру перед уходом в магазин!

Однако с точки зрения представителя полиции ситуация могла выглядеть по-другому. Мягко говоря. Поэтому Вовкина мама заторопилась с объяснениями:

— Вы только не подумайте, что мы сумасшедшие! Мы нигде на учёте не состоим! Можете проверить!

— Уже проверил, — спокойно отреагировал следователь, но Менделеевы почему-то не испытали облегчения от его слов. Заметив это, полицейский доброжелательно добавил:

— Согласитесь, вызов необычный.

Вовкины родители и сам юный химик горячо подтвердили правоту капитана Петрова, выказав желание сотрудничать со следствием.

— Я так понимаю: ни вы, молодой человек, ни ваш друг из соседнего подъезда не делали секрета из удивительных способностей ваших животных, которыми они обзавелись, принимая жидкость с неустановленными свойствами, — обратился следователь к начинающему учёному.

— Ни я, — смутился Вовка, вспомнив Сашины упрёки.

— Допустим, невероятные особенности зверьков могли кого-то заинтересовать. Но, согласитесь, тогда вместе с эликсирами забрали бы и крысу, тем более что это гораздо проще, чем похищать котов!

Все взгляды невольно устремились на клетку, где, всё так же стоя на задних лапках и просунув между прутьями острую зелено-вато-голубоватую мордочку, прислушивался к разговору Пафнутий — самое слабое звено в логично выстроенной версии похищения с научными целями. (Знал бы «м.н.с.», что и друзья считали его «самым слабым звеном», совсем бы расстроился.)

Юный химик вздохнул. Да, не складывалось...

— Незнакомые люди в последнее время не заходили? — капитан Петров взял ручку, чтобы делать пометки в блокноте.

— Как же! — вскричала Вовкина мама,

напугав служителя закона. — Представительный мужчина с телевидения. Про нас завтра передачу будут снимать. Точнее, про Пафнутия и Вову. Как раз об удивительных последствиях эксперимента с эликсирами. И Сашиних котов, тех, которые пропали, тоже собирались показывать.

Следователь ещё раз задумчиво посмотрел на экстравагантное «слабое звено» и, простившись с Менделеевыми, отправился в соседний подъезд — разбираться со второй частью странной истории. Вовка напросился в сопровождающие.

— Ах, с этой кутерьмой совершенно про стирку забыла! У меня же бельё в машинке! — вспомнила Вовкина мама и поспешила в ванную комнату.

Пафнутий открыл было рот — предупредить о необходимости насыпать порошка побольше да поядрёней, чтобы отстирать простыни и наволочки от едкой зелени, которой он с ними щедро поделился, но... голосок-то у него тонкий, всё равно бы не услышала.

Глава седьмая, в которой Мартин и Пафнутий строят предположения

Мартин не спускал придирчивого взгляда с эксперта-криминалиста, с серьезным видом расхаживающего по квартире в перчатках и с большой лупой. (С собой принёс! Не знал, что у папы Николая Павловича штук шесть таких имеется, чтобы исторические документы изучать.)

Остальные члены семейства и Вовка молча сидели в гостиной на диване, ожидая результатов. Следователю они уже рассказали о визите господина в костюме и галстук, а также дали подробные описания пропавших котов и поделились соображениями по поводу связи их поразительного здоровья с вероятным употреблением Вовкиного эликсира.

Капитана Петрова заинтересовало слово «вероятным»:

— То есть вы, молодые люди, не угощали питомцев таинственной жидкостью?

Пришлось мальчикам сознаваться, что Брысь регулярно навещал Пафнутия, лазая к Менделеевым через форточку и ворую пузырьки. Наверное, потому что они из-под вале-

рьянки, от запаха которой, как известно, ни один кот удержать себя в лапах не может.

Мартину было что добавить по теме. Всё-таки именно он являлся главным экспертом по определению состава волшебного эликсира. Да и не мешало бы про электромагнитное излучение поведать, чтобы Вовка про свои изобретения лишнего не думал. Однако пёс воздержался от комментариев, чтобы не отвлекаться от важных следственных мероприятий, которыми занимался криминалист. Тот пришёл к такому же удивительному выводу, к какому недавно пришёл Мартин, ещё до визита полицейских скрупулёзно исследовавший каждый сантиметр площади их небольшой «трёшки», — коты сдались без боя! Вот только у сотрудника серьёзных органов не было поразительно-го собачьего нюха, а потому он не распознал в воздухе присутствие чужеродных примесей. Конечно, странный запах к приходу полиции почти рассеялся, но Мартин продолжал его чувствовать и всячески намекал служителю закона, что дело нечисто, показательно шмыгая блестящим чёрным носом.

Консьержек тоже допросили, пытая про посторонних, но те, обидчиво поджав губы, отрицали саму возможность такого вопиющего нарушения порядка. Утверждали, что мимо них «мышь не проскочит». Однако Мартин в словах пожилых вахтёрш сильно сомневался. Он часто заставлял старушек уютно дремлющими на скамейке под

тёплыми лучами солнышка, в то время как двери подъездов были не только распахнуты настежь («для проветривания»), но даже подпёрты кирпичами, чтобы не захлопывались. Как и в этот злополучный день!

Пообещав держать оба семейства в курсе расследования, полицейские удалились, а Вовка повёл Сашу с Мартином смотреть на преображённого Пафнутия и заодно проверить, не упустил ли эксперт-криминалист каких-нибудь важных деталей.

В квартире Менделеевых следов чужеродного запаха пёс не обнаружил, лишь «аромат» зелёнки. От мрачных раздумий о судьбе котов Мартина ненадолго отвлёк новый имидж «м.н.с.». Говоря точнее, он остолбенел при виде маленького приятеля.

Чтобы не показывать, что и сам огорчён полученным эффектом, Пафнутий гордо продефилировал по клетке, демонстрируя себя во всей «красе».

— Ну ты даёшь! — только и смог вымолвить оторопевший пёс.

— Здорово получилось! — покривил душой горе-стилист и поспешил сменить тему:

— Думаешь, коты без нас куда-то переместились?

— Их переместили, — горько вздохнул Мартин.

— Во времени?! — ахнул «м.н.с.».

— Ну... в пространстве точно. На машине их увезли, а куда — неизвестно. Не смог

я направление определить. След потерял, — покаялся несчастный пёс.

— Сейчас, подожди, попробую до них дотелепатироваться! — решительно пропищал Пафнутий и, зажмурившись, прижал передние лапки к зеленовато-голубоватым вискам, чтобы лучше сосредоточиться.

— Не откликаются, — пробормотал он растерянно спустя несколько томительных мгновений, в течение которых Мартин не сводил с него полных надежды глаз.

— Наверное, они сейчас очень далеко. Даже моих поразительных возможностей не хватает! — посетовал «м.н.с.».

Друзья помолчали.

— А что же они похитителям морды не расцарапали? — спохватился Пафнутий, вспомнив острые, хищно изогнутые кошачьи когти.

Мартин поделился сведениями о неизвестном веществе, распылённом в воздухе их квартиры.

— Их отравили! — собрался рухнуть в обморок впечатлительный грызун.

— Или усыпили, — постарался быть оптимистом Мартин.

— Думаешь, их украл дядька с телевидения? — затаив дыхание, спросил «м.н.с.», которому ужасно не хотелось расставаться с новой мечтой — стать звездой экрана. (Старую, про море, он уже осуществил*.)

* Эти события описаны в книге «Мифические эксперименты, или...Новые невероятные приключения Брыся и его друзей».

— Во всяком случае, эту версию нельзя исключать! — важно ответил «служебно-розыскной» пёс. — Но тогда действовал он не один. Имеется запах ещё одного преступника...

Глава восьмая, в которой Мартина посещает странное видение

Версия о причастности к трагическим событиям господина в костюме и галстуке, казавшаяся самой очевидной, развеялась на следующий день. В оговорённое время в квартире Менделеевых загудел домофон. Через пару минут на пороге возник «телевизионщик». Его сопровождал молодой человек, увешанный камерами. В руках он держал два громоздких штатива.

— Рад вас приветствовать! — бодро воскликнул господин в костюме и галстуке, немного смущённый суровым видом героев предстоящей съёмки.

Первой опомнилась Вовкина мама.

— Добрый день! Проходите, пожалуйста! — выдавила она сконфуженно, приглашая в тесную прихожую (волей архитектора не предназначенную для встречи гостей жильцами квартиры).

— У вас что-то случилось? — высказал догадку официально одетый господин.

Вместо ответа юный химик, с подозрением вглядываясь в лица вероятных преступников, огорошил их вопросом:

— Это не вы украли Сашиных котов и мою коробку с эликсирами?

Растерянность, с которой телевизионщики посмотрели друг на друга, дала Менделеевым повод исключить их из списка подозреваемых. Но из солидарности с другом Вовка всё равно отказался от съёмок и славы звезды экрана. (Пафнутий, быть может, и сам поступил бы столь благородным образом, но его не спросили, а просто лишили возможности сниматься в кино.)

Господин с телевидения вручил Вовкиной маме визитку с номером личного телефона и попросил обязательно уведомить в случае благополучного исхода поисков.

Менделеевы сообщили следователю, что у них не осталось кандидатур на роль похитителей, и занялись неотложными делами — сборами Вовки к бабушке на дачу. Отъезд запланировали на утро.

А ночью случилось странное: Мартина посетило видение. Пёс, конечно, и раньше не мучился отсутствием снов. Но касались они в основном пережитых днём событий или несбывшихся желаний. Например, как он дерётся с ротвейлером из соседнего подъезда или как его красная латексная утка вновь

обретает пронзительный писклявый голосок. Иногда в сновидения подмешивались эпизоды из невероятных приключений, в которых ему довелось участвовать вместе с приятелями. Однако на сей раз сон вообще не был похож на сон, а... на кратковременное перемещение в параллельную реальность!

Сам Мартин, разумеется, ни за что не сформулировал бы произошедшее с ним таким мудрёным образом — это заслуга «м.н.с.», с которым он и Саша вышли прощаться утром. Точнее, Саша прощался со своим закадычным другом, а Мартин — с Пафнутием, ещё не отмытым до прежней белизны, но изрядно побледневшим. Из-за чего помощник юного химика приобрёл болезненный вид. (Вовкина мама не пошла навстречу просьбам сынишки и отказалась сохранить питомцу новый облик. Возможно, виной тому послужили полотенца и постельное бельё, ставшие после стирки одинаково зеленоватыми.)

— Ну-ка, повтори ещё разочек и смотри ничего не упусти! — строго потребовал «м. н. с.», и Мартин снова взялся пересказывать диковинное видение.

— Иду я, значит, на сближение с ротвейлером. Как положено: уши прижал, в глаза его пристально смотрю, чтобы он не отвернулся и от сражения не уклонился. И вдруг ротвейлер исчезает, а на его месте появляется мужик с пышной кудрявой шевелюрой. Так что я даже не сразу сообразил, что он не дама кака-

я-нибудь! И одет не так, как наши одеваются. Кафтан на нём тёмно-зелёный с золотыми пуговицами, кружева на груди, из рукавов такие же торчат. Лоб высокий, глаза выпуклые, щёки пухлые, нос длинный, — старательно рапортовал Мартин. — А главное, совершенно меня не боится! Я даже хотел зубами лязгнуть, мол, напрасно он спокойный такой, а он и говорит: «Зело соскучились камрады ваши и помощи ждут!» И глядит на меня так внимательно, будто я понять и ответить должен! А мне откуда знать, кто такие «камрады» и по какому «зело» они соскучились?! Он возьми да поясни: «Камрады ваши: Ван-Дейк, Рыжий и Савельич!»

На этом месте повествования Пафнутий опять не удержался и хлопнул себя по упитанным щекам передними лапками, а Мартин продолжил:

— Я разволновался и кинулся на него — хотел облизать от радости, но... прямо насквозь промчался! Обернулся, а он сзади как ни в чём не бывало стоит и посмеивается. Я ему: «А куда их увезли? Искать-то где?» А он: «В вельми преславной столице вдовствующей, под башней Сухаревой». И мгновенно пропал! Как... — Мартин поискал подходящее сравнение и завершил рассказ: — Мясо из гречневой каши!

Глава девятая, в которой Пафнутий приступает к решительным действиям

Выслушав рассказ Мартина по второму разу, Пафнутий и пришёл к выводу, что не могло подобное диво обыкновенному псу присниться (пусть у него и появились новые способности после пребывания в электромагнитном тумане). Тем более что Брысь считал их огромного приятеля «лопухом», и, как полагал «м.н.с.», не без оснований. Старший компаньон вообще ничего не говорил и не делал без серьёзного повода. А значит, какой напрашивался вывод? Правильно! Мартин случайно побывал в параллельной реальности!

«Эх, Савельича бы сюда!» — малодушно помечтал помощник юного химика. Без книго-чехи поди разберись, что это за «столица вдовствующая» и где там «башня Сухарева». Одно было ясно — действовать нужно незамедлительно, пока его не погрузили в машину и не увезли на дачу, откуда он друзьям ничем не сможет помочь.

Пафнутий решительно просунул лапку

сквозь прутья своих «шикарных апартаментов» и откинул крючок. Потом, провожаемый изумлённым взглядом Мартина, просеменил к ближайшим кустам сирени, которая обильно произрастала перед их девятиэтажкой, и затаился.

Кроме Мартина, никто манёвра грызуна не заметил. Суета поднялась, лишь когда Вовка, окончательно усаживаясь в машину, увидел, что клетка пуста. К поискам тут же подключили «служебно-розыскного» пса, но он «оплошал» и потерю не обнаружил. Точнее, «нашёл» нору на пустыре за домом, где, по его «авторитетному» мнению, укрылся сбежавший питомец Менделеевых.

По очереди припадая к отверстию, проделанному неизвестным мелким зверьком, Вовка и его родители звали Пафнутия, умоляя вернуться. И даже поставили перед норкой блюдечко с молоком и насыпали горку арахиса. Всё тщетно! «Младший научный сотрудник» дарами не прельстился.

— Наверное, он не хочет на дачу ехать, — предположил Вовка, втайне надеясь, что вообще не придётся разлучаться с загадочным другом Сашей и пропускать такое увлекательное мероприятие, как расследование таинственной пропажи котов и коробки с эликсирами.

— И я без Пафнутия не поеду! — добавил он для пущей ясности.

— Вы идите спокойно по своим делам, — обратился к Вовкиным родителям Саша,

— а мы тут караулить будем. Проголодается Пафнутий — и вылезет!

Во время суматохи Мартин смущённо косился на заросли сирени, в которых укрылся питомец Менделеевых. Окружающие отнесли его сконфуженный вид на счёт пережитой неудачи — ведь это он «упустил» момент, когда грызун выбрался из клетки. Хотя сидел рядом!

— Только один день, — строго сказала Вовкина мама, — и к бабушке, с Пафнутием или без него!

Солнышко припекало всё сильнее. Мальчики нацепили кепки (по настоянию родителей) и разлеглись на траве, не спуская глаз с предполагаемого убежища «м.н.с.». Мартин использовал разгорячённое светило как предлог спрятаться в тени ближайших кустов, куда к нему вскоре перебрался «пропавший» Пафнутий.

Пёс встретил его вопросом:

— Что дальше?

— Будем думать, как выручать наших камрадов! — козырнул «м.н.с.» новым словом.

Думать легче было с закрытыми глазами, и пёс смежил веки. Пафнутий с завистью понаблюдал, как от усердных размышлений подрагивают густые чёрные ресницы лопуха-приятеля, не в пример его — редким и белёсым, и тоже зажмурился.

— Что ты тут делаешь? — сердито проворчал Мартин.

— В смысле? — удивился «м.н.с.» неласковому обращению.

— Это мой сон! И я тебя сюда не звал! Ты мне думать мешаешь! — злился гигант, который в своих видениях всегда был гораздо более свирепым, чем наяву.

— Вот ещё! — заупрямился помощник юного химика. — Сам убирайся!

— Ссориться будете али наконец делом займётесь? — раздался вдруг чей-то голос.

Спорщики дружно обернулись — на них с хитрой усмешкой смотрел человек из ночного видения Мартина. Только сейчас на нём красовался длинный бархатный халат вишнёвого цвета, подвязанный золотистым поясом с золотистыми же кистями.

— Поелику беда большая камрадам вашим грозит! — строго нахмурился нежданный визитёр...

Глава десятая, в которой Мартин и Пафнутий знакомятся с призраком

— **А** вы, простите, кто? Призрак? — пролепетал Пафнутий, со своего небольшого роста разглядевший, что ноги мужчины (пожилого, почти старика по человеческим меркам) не касаются земли.

— Пожалуй! — согласился обладатель кудрявой шевелюры и незаметным образом сменил одеяние на парадное, в котором Мартину являлся: тёмно-зеленый кафтан с золотыми пуговицами и выглядывающими из рукавов кружевами, пышным жабо на груди и широкой алой лентой через плечо, о которой пёс забыл упомянуть.

— Граф Яков Вилимович Брюс! — торжественно представилось привидение. — Генерал-фельдмаршал, дипломат, сенатор, инженер, математик и астроном. Верный сподвижник царя Питера, по-вашему — Петра Великого. Ещё меня считают магом, колдуном и чернокнижником — не верьте! Досужие вымыслы неграмотного населения. Кроме того, календарь в мою честь назван —

«Брюсов», в котором на сто лет вперёд предназначения погоды и деяний человеческих имелись, по течению Луны и прочих планет составленные. Но мне чужого не надобно. Сие Киприянова рук дело, Василия, библиотекарюс такой у нас был, — охотно делился призраком историческими сведениями. — А всё потому, что главной типографией я заведовал, вот на книгах метку и ставили — под надзором Брюса, мол, напечатано! Также мне приписывают славу первого масона российского (старик вдруг подмигнул Пафнутию*), но сие тайна есть, охраняемая Братством Вольных Каменщиков!

— А какое отношение вы имеете к нашим... ммм, — Мартин запнулся на новом для него слове, — камрадам?

— Самое прямое! Они вторглись на мою территорию!

Пафнутий удивился:

— Вы живёте под башней Сухаревой?

— Обретался в самой башне, пока её не снесли, — пожаловалось привидение. — Уж больше восьми десятков лет по подземельям мыкаюсь!

— А что же, у графа, генерала и сподвижника своего дома не было, где привидению было бы вполне комфортно? — поинтересовался окончательно осмелевший «м.н.с.».

— Как же не было?! — возмутился старик

* С масонами Пафнутий «познакомился» в книге «Брысь, или Тайны Царского Села».

и с гордостью поведал: — За заслуги перед Отечеством никак не меньше семисот поместий было пожаловано! И в сорока верстах от столицы вдовствующей имением владел. До сих пор стоит! Глинки, Богородского уезда. Там, кстати, музей имеется, где про меня небылицы всякие туристам рассказывают. Потому и не живу в стенах родных, что слушать тошно! — Разволнованный призрак обиженно умолк, и друзья собрались направить беседу на своих пропавших «камрадов», но Яков Вилимович вдруг с горячностью продолжил жаловаться на музейных работников:

— Представляете, будто бы я человека живого смастерить хотел! Женщину прекрасной наружности. Для чего в качестве материала исходного красивейших цветов набрал и в отдельном доме с ними заперся! Вот скажите — я похож на сумасшедшего? — строго обратился призрак к слушателям.

Пафнутий похлопал белёсыми ресницами, а Мартин осторожно проямлил: — Да нет вроде бы.

— Так они ещё и супружницу мою к истории сей богопротивной приплели! — возмущённо воскликнуло привидение. — Якобы она об эксперименте моём прослышала, разумом от ревности помутилась, дверь в доме плечом вышибла да цветы все уничтожила! Как такое терпеть прикажете?!

«Младший научный сотрудник» согласился, что настоящему учёному слушать

подобные измышления обидно. Хотя идея делать Людей из цветов ему в целом нравится. А грызунов — из орехов и сыра.

— А собак из чего? — ревниво спросил Мартин.

Пафнутий задумался, но призрак вернул отвлѣкшуюся аудиторию к своему повествованию:

— А то ещё хуже! Будто бы я воду живую и мёртвую изобрёл и царю моему, Питеру, с наказом вручил — оживить меня после смерти, коли надобность во мне возникнет. И вот надобность возникла, а он с похмелья! Рука, мол, царская дрогнула и содержимое склянок мимо тела моего вылилось!

— Как досадно! — посочувствовал впечатлительный Пафнутий.

— Вовсе не досадно, поелику на самом деле я его на десять лет почти пережил! В общем, устал я глупости про себя терпеть и в столицу перебрался. Простите старика, по привычке её «вдовствующей» именую. А она давно уж столица и есть, всего Государства Российского!

— Так наши друзья в Москве?! — вскричали хором Мартин с Пафнутием.

— Да уж не в Питер-бурхе! — с сожалением отозвалось привидение, смешно исковеркав название города, в котором родились Брысь, Савельич и Рыжий, коварно похищенные неизвестными.

Пафнутий прижал передние лапки к

щекам, что помогало ему приобретать горестный вид.

— Но это же страшно далеко! — пропищал он в полном отчаянии.

— Вёрст семьсот наберётся, — согласился граф.

Мартин приуныл. Он-то, конечно, согласен и подальше бежать, лишь бы друзей спасти, но ведь Саша и родители совсем одни останутся: и без котов, и без него!

Старик хитро прищурился, легко угадав, что беспокоит верного пса:

— Так ведь время — понятие растяжимое! Вам ли не знать...

Краткие комментарии для любознательных

Яков Вилимович Брюс (1670—1735) — государственный деятель и учёный, сподвижник Петра I, генерал-фельдмаршал, один из наиболее образованных людей своего времени. Происходил из знатного шотландского рода, получил превосходное образование в Оксфордском университете, занимался физикой, математикой, астрономией, астрологией; переводил с английского и немецкого на русский язык научные трактаты; составил карту России от Москвы до Малой Азии. Был коллекционером предметов старины и редких книг.

Сухарева башня: около Сretenских ворот в XVII веке располагался Сухарев полк, названный по имени полковника Лаврентия Сухарева. Именно на том месте была построена башня, получившая название Сухаревская. Высота башни была более 60 метров. К её возведению приступили в начале 1690-х годов. Основные строительные работы продолжались три года. Кто был архитектором башни, неизвестно. Многие исследователи связывают создание её проекта с именем Франца Лефорта и даже самого Петра I. Велика вероятность, что к проектированию и возведению башни «приложил руку» самобытный русский архитектор Михаил Чоглоков, строивший в тот период по указам Петра I казённые здания в Москве. «Брюсов календарь» был первый астрологический календарь в России, удачно соединивший

астрономические «премудрости» со святыми и широко распространёнными народными приметами.

Инициатором выпуска первого светского календаря стал Пётр I, исполнение же было поручено Якову Вилимовичу Брюсу. Именно под его «надзрением» и вышли первые два листа «Календаря повсеместного, или Месяцеслова христианского», за которым на многие века закрепилось народное название «Брюсов календарь». Однако Брюс выступил в роли редактора, тогда как составителем народного календаря стал другой сподвижник Петра I — Василий Киприянов (об его авторстве сообщается на первом листе календаря).

«Брюсов календарь» был настолько популярным во всей России, что издавался два века. Главное его достоинство было в том, что в нём были прогнозы на много лет вперёд. Календарь основан на 28-летнем повторяющемся цикле положений Солнца и пяти планет, а также 19-летнем цикле положений Луны. В случае необходимости в календаре можно было найти географические координаты российских и иностранных городов, узнать расстояние от крупнейших городов до Москвы, изучить список почтовых станций, в том числе и тех, которые расположены по дороге в Китай. Но широкую популярность «Брюсову календарю» принесла вторая его часть — предсказательная, точность которой поражала. По календарю предсказывали не только погоду, но и стихийные бедствия, а также будущую политическую и экономическую обстановку в стране.

Масонство (или франко-масонство) — философское течение, которое зародилось в Европе, в первую очередь в Англии и Франции, в конце XVI — начале XVII века. Само слово "масон" в переводе со старо-французского означало "вольный каменщик". В масонстве было три основных ступени (градуса) развития: ученик, подмастерье и мастер. Одно из главных направлений деятельности масонства — это просвещение. Главные идеи — интернационализм, пацифизм, отрицание самодержавия. Масоны известны своими многочисленными тайными ритуалами. Административно все масоны в мире объединены в Ложы. Масонские символы отражают в основном строительную тематику: угольник, молоток, топорик... Кроме этого, масоны собрали и более древние знаки, такие как шестиконечная и пятиконечная звёзды, всевидящее око, наделив их своими тайными смыслами. Через «окно в Европу», «прорубленное» Петром I, масонство проникло сначала в Санкт-Петербург (одним из первых масонов считается Яков Брюс), а затем, ближе к середине XVIII века, и в Москву. Настоящего рассвета масонство в России достигло в XVIII-XIX веках. Считается, что именно масоны стоят за многими политическими потрясениями в мире, и России в частности.

Пётр I Алексеевич (1672—1725) — первый Император Всерос-

сийский; представитель династии Романовых. К власти пришёл в 17-летнем возрасте. К этому моменту он прекрасно изъяснялся на нескольких европейских языках, владел многими ремёслами (кузнечным, столярным, оружейным, токарным), был физически довольно сильным и активным, проявлял здравый интерес к государственным делам. В годы своего царствования провёл много реформ и преобразований: построил новые города, крепости и каналы, подписал указ о единонаследии, закрепил дворянскую собственность на земли, установил порядок чиновничьего производства, внедрил в массы просвещение и создал мощнейший военно-морской флот. Основал Санкт-Петербург в 1703 году.

Глава одиннадцатая, в которой Мартин и Пафнутий приступают к спасательной операции

О пять сменив облачение на уютный домашний халат, призрак успокоительно произнёс:

— Деткам и макушки напечь не успеет, а вы уж туда-назад обернётесь!

Новый знакомый стал вдруг абсолютно прозрачным, и Мартин с Пафнутием увидели сквозь него разлёгшихся в траве маленьких хозяев. Те действительно стащили кепки, едва ушли родители, и спрятали их в карманы шорт...

— Про подвиги мои военные послушать не желаете? — с затаённой надеждой спросил генерал-фельдмаршал, видимо давно не имевший такой благодарной аудитории.

— В другой раз с удовольствием, — тактично потупился Мартин. Ему не терпелось приступить к спасательной операции.

— Лучше скажите, почему мы с вами на одном языке разговариваем, а с другими Людьми так не получается? — любопытствовал «м.н.с.».

Яков Вилимович сухо объяснил (вероятно, обиделся за нежелание гигантского пса и слегка зеленоватой крысы узнать больше фактов из его богатой биографии):

— Поелику я, как вы правильно заметить изволили, призрак! Да и вы — звери не совсем обычные.

— У меня ещё два образования, — поторопился сообщить Пафнутий.

— Вот и беседуем! — холодно завершил старик и, стащив с головы пышную кудрявую шевелюру, оказавшуюся париком, бесследно растаял в полуденном зное...

Друзья сконфуженно переглянулись.

— Кажется, обиделся на нас, — огорчился Мартин.

А Пафнутий робко поинтересовался:

— Как думаешь, мы всё ещё в параллельной реальности?

— Откуда мне знать... Тут всё такое настоящее, даже вон ротвейлера на прогулку повели.

Из Вовкиного подъезда и впрямь вышел и направился в сторону пустыря огромный мускулистый чёрный пёс с рыжими подпалинами. Его ошейник был усеян острыми, торчащими наружу шипами. Ротвейлер высокомерно озирался по сторонам, выискивая, с кем бы померяться силой, а хозяин, крепко ухватив поводок обеими руками, бдительно крутил головой, чтобы не допустить того, о чём мечтал питомец.

— Ну и образина! — ахнул «м.н.с.», которому ещё не доводилось видеть заклятого врага своего приятеля.

Мартин скользнул взглядом по собственному поводку, размотанному на всю длину. Второй его конец свободно лежал рядом с Сашей и Вовкой. Мальчики были поглощены не столько ожиданием Пафнутия, сколько поеданием арахиса — приманки для «уклонившегося от поездки на дачу» грызуна.

Ещё никогда желание сразиться с мощным противником не было так близко к исполнению! Однако зеленоватый телепат строго напомнил:

— Лучше воспользуйся свободой, чтобы камрадов наших спасти! Где твоя сила воли?! С меня вот пример бери — думаешь, мне легко смотреть, как они орехи мои лопают?! Но я же не сдаюсь!

Пристыженный Мартин вскочил, готовый отправиться в дальний путь.

— А ты как же? — спросил он, с уважением глядя на «м.н.с.».

— Как-как, — ворчливо отозвался Пафнутий и ловко вскарабкался на загрибок к приятелю, так что тот и воспротивиться не успел. — Вот как!

— Ну ты даёшь! — воскликнул пёс, восхищённый смекалкой и храбростью помощника юного химика.

— Теряем время, — лаконично заметил Пафнутий, в котором, судя по всему, опять разыгралась кровь предков — отважных мореплавателей.

До шоссе Мартин домчался за несколько минут и без раздумий понёсся на юго-восток.

— Уверен, что нам туда? — на всякий случай поинтересовался Пафнутий.

— На северо-западе Питер-бурх, а нам в противоположную сторону! — отрывисто бросил пёс, нечаянно скопировав название, которым именовал город граф Брюс — царский сподвижник, генерал-фельдмаршал, инженер, астроном и знаток колдовских наук (от занятий которыми, впрочем, привидение отнекивалось).

Длинный, цепляющийся за всё подряд поводок, перегрызенный острыми крысиными зубами, давно остался лежать на обочине брезентовой змеей, и ничем не сдерживаемый Мартин проглатывал километр за километром и наслаждался свистом ветра в ушах. Пафнутий, ухватившийся за жёсткую собачью шерсть, едва успевал считывать цифры с синих табличек, которые были расположены вдоль дороги через равные промежутки.

«Поелику беда большая камрадам вашим грозит!» — непрерывно звучало в головах у обоих «спасателей», заставляя мужественно терпеть подкравшийся голод и невыносимую жажду...

Глава двенадцатая, в которой грузья доказывают призраку, что утеют гутомь

Солнце перевалило через зенит и неторопливо покинуло июньский небосклон, ненадолго уступив место блёклой закорючке месяца. Мартин бежал всё медленнее и дышал всё тяжелее, пока наконец совсем не выдохся.

— Полежу немного, — виновато объяснил он незапланированную остановку и осторожно, чтобы не раздавить «всадника», опустился на бок, с облегчением вытянув натруженные лапы.

Пафнутий спрыгнул на землю и за неимением тренажёра, на котором обычно разминался после долгого лежания или сидения,

отправился в пробег вокруг рухнувшего без сил приятеля.

— Что это у тебя? — вдруг воскликнул он в испуге, тыча крохотным пальчиком в подушечки лап могучего пса.

Мартин с трудом приподнял голову и посмотрел, на что показывает «м.н.с.». Кожистые выпуклости, выглядывающие из густого меха, обычно чёрные и слегка шероховатые, теперь представляли собой кровоточащие раны. Из-за плотного автомобильного потока бежать пришлось по острому щебню, которым были отсыпаны обочины, — такого сурового испытания не выдержали даже прочные собачьи «подолы»!

— Как же мы до Москвы доберёмся?! — в отчаянии пролепетал Пафнутий. — Ты ведь и подняться толком не сможешь!

— Смогу! — пообещал пёс. — Отдохну, потёртости залижу и дальше отправимся.

— Потёртости?! — вскрикнул чувствительный потомок отважных мореплавателей. — Это кровавое месиво ты называешь потёртостями?!

— Не преувеличивай, — утомлённо выдохнул Мартин и закрыл глаза...

— Похвально, похвально, — не дал ему заснуть невесть откуда взявшийся призрак. — Я вот в скольких сражениях побывал: и города брал, и в знаменитой Полтавской баталии всей артиллерией командовал (мы тогда зело превеликую викторию над шведами

одержали!), а ранений испытать не довелось. О чём не сокрушаюсь, конечно, понеже боли терпеть не люблю. Кстати, я знаток целебных трав и на досуге врачеванием занимался. Неблагодарное население окрест имения моего лечил.

— Почему «неблагодарное»? — заинтересовался Пафнутий.

— Поелику люди в колдовство больше веруют, а не в силу природы! И сборы мои травяные от хворей разных за волшебные почитали. Однако оздоравливались, и на том спасибо.

— Так, может, вы и Мартина вылечите? — понадеялся «м.н.с.».

Яков Вилимович бросил на грызуна сердитый взгляд (видимо, и в нём заподозрил упование на магию), а затем торжественно указал на лист обычного подорожника.

— Сорви и пожуй, чтобы кашица получилась! — велел он помощнику юного химика.

Тот безропотно исполнил приказание и с набитым ртом уставился на раскомандовавшееся привидение.

— А теперь к ранам приложи! Сие растение немалою силой целебной наделено... Однако и на здоровых лапах до града великого бежать не добежать! — надменным тоном закончил свои наставления призрак и стал растворяться в воздухе.

— Что же делать?! — заломил лапки Пафнутий.

— Думать! — насмешливо изрёк граф и пропал.

Природное лекарство помогло, да ещё Мартин своего собачьего добавил, тщательно вылизав стёртые подушечки. Так что спустя некоторое время он смог подняться и дохромать до ближайшей автозаправочной станции.

— Что мы здесь забыли? — удивился «м.н.с.», снова удобно устроившийся на широком загравке приятеля.

Мартин не ответил, внимательно разглядывая очередь за топливом. «Газель» с яркой рекламой на бортах, обещающей перевезти всё, что душа пожелает, и с натянутым наполовину тентом вполне подходила для незаметной транспортировки такого габаритного груза, как он. К тому же водитель, пожилой усач, был занят разговором с другими шофёрами, ожидавшими наполнения пустых баков.

Как только хозяин транспортного средства ушёл в кассу — платить за бензин, Мартин, слегка взыв от боли, запрыгнул в кузов. Пафнутий перебрался туда раньше, чтобы убедиться, что в машине хватит места для обоих путешественников. К счастью, «газель» была совершенно пуста. Выяснив это отрадное обстоятельство, предприимчивый грызун наведалься в кабину и утащил полиэтиленовый пакет с бутербродами, которыми не успел перекусить водитель.

— Значит, думать умеете, сие отрад- ный факт есть! — удовлетворённо произнёс

призрак, зависнув над «спасателями», после ужина прикорнувшими под уютное урчание мотора.

— А скажите... — тут же начал проснувшийся Пафнутий, но Яков Вилимович перебил.

— Вы можете обращаться ко мне запросто — ваше сиятельство! — благожелательно подсказал он...

Глава тринадцатая, в которой призрак уклоняется от ответа

-Ваше сиятельство, — пискнул Пафнутий, но... или голосок у него тонкий, или привидению мысль свою завершить хотелось, услышан он не был.

— Я ведь мало того что граф и генерал, так ещё и потомок шотландских королей! Наш род вообще древний и славный, — с нескрываемой гордостью вещал призрак. — Известно ли вам, что предок мой Роберт Брюс в Шотландии национальный герой? А всё потому, что независимости от высокомерной Англии добился! Давно сие было, в одна тысяча триста

двадцать восьмом году, — пояснил на всякий случай старик. — А родитель мой в середине семнадцатого столетия в Россию перебрался, дабы царю Алексею Михайловичу Тишайшему верно служить!

— Ваше сиятельство, — снова попытался взять слово «м.н.с.». —

Граф на мгновение умолк, упиваясь звучанием титула, и Пафнутий воспользовался паузой, чтобы спросить о наболевшем:

— А кто похитил наших камрадов? И зачем?

— Сие тайна следствия есть! — отрезал призрак, разочарованный, что вопрос касался не достижений прославленного рода Брюсов.

— А почему до них моя телепатия не дотягивается? — решил проявить упорство Пафнутий.

Не скрывая раздражения, Яков Вилимович строго произнёс:

— Поелику нет их в нашем времени! А для связи мыслей сие первейшее условие есть!

— А где же они? — растерялись «спасатели».

— Откуда мне знать! — недовольно буркнуло привидение.

— Но... но вы сказали, что беда им большая грозит, — проямлил «м.н.с.», опасаясь, что призрак исчезнет, оставив их наедине с неразрешимой загадкой.

— А что им там может грозить, кроме беды, скажите на милость! — всё больше распа-

лялся старик, и вправду принимая расплывчатые очертания.

Мартин постарался исправить положение и примирительно произнёс:

— Да вы не обижайтесь, ваше сиятельство! Просто мы думали, что бесплотные духи по эпохам свободно перемещаются, а потому вы в курсе, где наши похищенные друзья.

Граф подобрел и вернул себе чёткий облик.

— Кабы так, — вздохнул он. — Я в своих передвижениях во времени более вас ограничен. На меня даже эликсир не действует!

— Вы пробовали Вовкино изобретение? — удивился «м.н.с.».

— Ась? — притворился, что не расслышал вопроса, Яков Вилимович и быстро растворился в воздухе.

— Уклонился от ответа, — резюмировал Пафнутий и гневно пискнул вдогонку: — А ещё сиятельство! Сиятельства так себя не ведут!

— Тсс, — прошептал Мартин, — не надо его расстраивать. Он и так чересчур обидчивый. А нам без его помощи не обойтись, даже место, где стояла башня Сухарева не найти.

— Ну ладно, — насупился «м.н.с.», снова укладываясь спать под равномерное потряхивание кузова и гудение мотора...

Поблизости раздался чей-то укоризненный голос:

— А говорил, что порожним едешь, а у самого пассажиров полный кузов!

— Каких пассажиров? — недоумённо отозвался другой неизвестный, голосом похожий на водителя.

«Спасатели» тут же проснулись и приподняли головы, в испуге глядя на удивлённого шофёра и бдительного сотрудника ДПС. (Впрочем, «в испуге» глядел только Пафнутий, а Мартин просто голову приподнял.)

— Красавец какой, — уважительно произнёс страж порядка и добавил, обращаясь к водителю: — Счастливого пути!

— Это он про меня! — пришёл в восторг бледно-зелёный «м.н.с.».

Добродушный пёс не стал спорить — вдруг комплимент на самом деле крысюку был адресован. Хотя что-то подсказывало Мартину, что грызуна в предрассветных сумерках вообще не заметили и похвала касалась его, Мартина, внушительной наружности. А насчёт «пассажиров» сотрудник дорожно-патрульной службы просто пошутил, чтобы уставшего шофёра взбодрить.

Отъехав от поста ДПС на приличное расстояние, водитель остановил «газель» и опять возник рядом с кузовом.

— Ну что, заяц, ты как здесь оказался?

Обращение в единственном числе утвердило Мартина в правоте по поводу маленького приятеля — его присутствие «на борту» осталось тайной. Пёс протяжно зевнул, демонстрируя усталость и желание продолжить прерванный сон.

— Ну смотри! До Москвы довезу, а дальше сам. Прости, брат, — извиняющимся тоном проговорил пожилой усач и вернулся в кабину.

— Странно, что из нас двоих только меня всё время замечают... Хотя я на зайца-то теперь не очень похож, разве что крашеного, — удивлённо пробормотал Пафнутий, смеживая веки и теснее прижимаясь к горячему собачьему боку, чтобы согреться в утренней прохладе...

Краткие комментарии для любознательных

Роберт I Брюс (1276—1328) — король Шотландии, самый известный предок Якова Вилимовича Брюса. С молодых лет отличался необычайной отвагой и силой и считался лучшим воином Шотландии. Взошёл на престол в 1306 году во время военных действий против англичан. В 1314 году разбил английскую армию, в чём ему немало помогли рыцари-тамплиеры. Вторжение Роберта Брюса в Северную Англию вынудило английского короля Эдуарда III подписать 1 мая 1328 года Нортгемптонский договор, который признавал независимость Шотландии с Брюсом в качестве короля. Роберт I являлся создателем и магистром первого шотландского ордена «Андрея Первозванного и Шотландского Чертополоха», аналога ордена тамплиеров.

Алексей I Михайлович Тишайший (1629—1676) — Царь Российский (с 1645 г.); второй представитель династии Романовых на российском престоле. Прозвище «Тишайший» рождено христианским смирением в поведении царя, добродушным нравом, умением слушать своих приближённых. Однако многие отмечали, что периоды «тихости» нередко сменялись вспышками гнева, твёрдости и решительности. Вошёл в историю как правитель-реформатор и первый инициатор взаимодействия славянской и европейской культур. Стал первым царём, собственноручно подписывающим документы. При нём началось освоение Сибири. По его приказу на русский язык стали переводить зарубежную литературу и основали придворный театр. При этом он укрепил самодержавие, законодательно оформил крепостное право, дал преимущественное право российским купцам перед иностранцами и начал приглашать в страну специалистов из других стран. Совмест-

но с Патриархом Московским Никоном провёл церковную реформу. Наиболее крупным успехом во внешней политике было воссоединение Украины с Россией (1654 г.) Последней его волей был указ об освобождении всех заключённых и возвращении всех ссыльных.

Глава четырнадцатая, в которой Мартину не нравится план

Усталость и переживания за друзей в сочетании с мерными фырчащими звуками, которые издавало средство передвижения, погрузили «спасателей» в глубокий сон. Очнулись они, когда «газель» остановилась.

— Выходите! — тут же раздался командный голос генерал-фельдмаршала.

— Приехали? — обрадовался Пафнутий и принялся торопливо умываться: столица как-никак, а он непонятного цвета и вдобавок заспанный!

— Быстрей, пока светофор не переключился!

Современное слово из уст привидения в шитом золотом кафтане и пышном парике оказало на Мартина бодрящее действие. Он схватил «м.н.с.» за шкурку и перепрыгнул через задний борт (недавно приобретённые необычные свойства по восстановлению здоро-

вья вкупе с целебной силой подорожника и полезной собачьей слюной сделали своё дело — лапы уже совсем не болели). Автомобилисты принялись возмущённо сигналить, но гигантский пёс с крысой в зубах на проезжей части не задержался. Перескочив на тротуар, он забежал в арку ближайшего здания.

— Что теперь? — спросил Пафнутий, тяжело дыша, словно это ему пришлось тащить Мартина, а не наоборот.

Пёс, в отличие от помощника юного химика, совсем не запыхался и выглядел не растерянным, а сосредоточенным.

— Местных собак будем опрашивать, как до башни Сухаревой добраться.

— Не нужно никого опрашивать, — перебил Мартина граф Брюс, снова возникший рядом с путешественниками. — Да и не помнит ни одна собака московская, где башня сия находилась. Её ведь аж в одна тысяча девятьсот тридцать четвёртом году по камушкам разобрали. Никогда сей печальный день не забуду, — горестно всхлипнул старик. — Якобы проезду мешало сооружение величественное, а на самом деле Книгу мою магическую искали! Научно-отсталое население «Чёрной» её именovalo. Потому и взрывать башню не стали али другой какой способ варварский измышлять — осторожно действовали, бережно, по кирпичику...

— Нашли? — с замиранием сердца спросил бывший кладоискатель, очарованный словом «магическая».

Призрак задумчиво смерил взглядом зеленоватого грызуна, задержавшись на более ярком, чем остальная наружность, лысом хвосте, и произнёс, не скрывая сожаления:

— В том-то и дело, что нет. Сие и странно. Самолично тайник в верхнем ярусе мастерила, где обсерватория моя для наблюдений за течением планет располагалась. Ума не приложу, куда подевалась, — расстроенным тоном изрёк сподвижник царя Петра I, математик, астроном и прочее-прочее, но тут же хитро прищурился и добавил: — Впрочем, личность я загадочная. Может, и не существовало никакой Чёрной книги и сие выдумка есть...

Мартину, всё ещё не постигшему грамоты, разговор о книгах наскучил. Куда больше его интересовала судьба пропавших друзей.

— А чем нам поможет место, где башня стояла, если камрады наши в другом времени? — потребовал он ответа от генерал-фельдмаршала, который, по совместительству, то ли был, то ли не был колдуном и знатоком магии.

— Вот доберётесь и узнаете, — напустил туману Яков Вилимович. — Тут недалеко, не заблудитесь. В Москве вообще заплутать сложно, а всё благодаря предложенному мной градоустройству, простому и ясному: двенадцать главных дорог лучами к сердцу столицы сбегаются, то бишь Кремлю, а по кругу кольцом соединяются. Хотя вам сие знание

лишнее, — оборвал сам себя старик, — вам по першпективе Мира, на которой мы сейчас стоим...

Пафнутий хмыкнул: ноги призрака, обутые в высокие ботфорты, болтались в воздухе. Граф истолковал звук, исторгнутый «м.н.с.», по-своему и пояснил:

— «Першпектива» — сие проспект по-нынешнему есть. Так вот вам прямо двигаться должно, пока по правую руку, ммм... лапу, скверик не узрите, а в нём камень памятный. Там встретимся! Токмо через перекрёсток не перебегайте, подземным переходом пользуйтесь, — не удержался граф от заботливого напутствия и растаял, будто и не было его.

— «По першпективе», — проворчал Мартин. — Не нравится мне этот план — слишком тут людно. Попадётся какой-нибудь прохожий нервный, и влипнем в историю!

«Влипнуть в историю» Пафнутию не хотелось. Они, по большому счёту, и так уже влипли и ещё неизвестно, выберутся ли...

— Ослушаемся сиятельства? — храбро пискнул «м.н.с.», в глубине души надеясь, что Мартин обязательно решит проблему с доставкой его зеленоватой персоны куда требуется. Всё-таки, как показала практика, пёс не так бросается Людям в глаза, как он.

Приятель медлил, прислушиваясь и принимаясь к новым звукам и запахам. «Сей град великий», говоря высокопарным языком привидения, сильно отличался от уютного

родного Пушкина. Ещё никогда Мартину не приходилось видеть столько машин разом. Даже на шоссе, вдоль которого пролегал их путь в столицу. И Людей гораздо больше привычного. И все спешат-спешат-спешат... Может, это и хорошо — не заметят гигантского пса с крысой на загривке?

— Ладно, рискнём! — наконец поставил он точку в размышлениях, и Пафнутий проворно вскарабкался на облюбованное место...

Краткие комментарии для любознательных

Сухарева башня — самое известное из снесённых в Москве в 1920—1930-е годы светское сооружение. К началу 1930-х годов в условиях увеличения количества населения невероятно усложнилась сеть трамвайных путей на площади вокруг Сухаревой башни. Через её ворота проходила однопутная линия. Одновременно планировалось расширение проезжей части на всём протяжении Садового кольца, что тоже требовало переустройства пространства «Сухаревки». 17 августа 1933 года информация о планируемом сносе Сухаревой башни появилась в печати. Ведущие московские архитекторы предлагали вариант передвижки всей башни на несколько десятков метров, на более широкую часть площади, что освободило бы перекрёсток улиц и дало бы сквозное движение по всем направлениям. Однако в период с апреля по май 1934 года башня была разобрана. Существует легенда, что работы по разборке Сухаревой башни велись под личным контролем И.В. Сталина, целью которого было обнаружение таинственной Чёрной книги Якова Брюса. Все «строительные материалы», то есть фрагменты памятника, были переданы городскому отделу «для использования при замощении улиц». Один из наличников окон третьего этажа сохранили и перенесли в Донской монастырь, где его вмуровали в монастырскую стену. Часы с Сухаревой башни сейчас установлены на башне Передних ворот усадьбы Коломенское. Фундаменты башни также сохранились, но скрыты под современной площадью. Сейчас о существовании Башни нам напоминает лишь памятный знак в сквере на Садовом Кольце.

Я.В. Брюс создал астрологическую и геолого-этнографическую карту Москвы, отметив на ней гиблые и благоприятные места. Радиально-кольцевая структура Москвы с разделением на 12 секторов, по знакам Зодиака, была предложена им Петру I во время масштабной реконструкции столицы и легла в основу последующей планировки.

Глава пятнадцатая, в которой происходит странный разговор

Перед тем как покинуть арку, Пафнутий посоветовал:

— Ты вот что, придай физиономии целеустремлённое выражение, тогда никто не усомнится, что мы по делу идём!

— А у меня сейчас какое? — недоумённо поинтересовался Мартин.

Пафнутий опять спустился с удобной собачьей холки и отбежал подальше, чтобы охватить приятеля критическим взглядом.

— Сейчас ты похож на того, кто впервые оказался в большом городе. Испуганный и несчастный.

Мартин сверкнул клыками.

— Вот, уже лучше! — быстро пробормотал «м.н.с.» и кинулся занимать «пассажир-

ское» место, пока рассерженный пёс не передумал брать его с собой.

Совет помощника юного химика не помог: прохожие шарахались в стороны и провожали необычную парочку испуганно-изумлёнными взглядами. Над тротуаром повис разноголосый шёпот (видимо, Люди опасались громкими возгласами привлечь внимание гиганта с «целеустремлённым выражением» на морде):

— Смотри, смотри, что это у него на спине?

— Ужас, крыса! Брр, зелёная!

— Вдруг бешеные? Кусок поводка на шее болтается...

— Зубами перегрыз!

— Безобразие, куда власти смотрят?! А ещё Москва!

Мартин втягивал голову и прижимал уши, мечтая стать ниже ростом. Он готов был даже ползти на животе, если бы это успокоило Людей. Пафнутий, ошеломлённый неласковым приёмом, который оказывали им жители и гости столицы, дрожал от страха и жалобно косился по сторонам. Зря он, наверное, сунулся к Мартину со своими рекомендациями!

Внезапно шёпот окреп и перешёл в одобрительный гул:

— Давно пора!

Мартин не успел понять причину, по которой настроение прохожих изменилось. Перед самым его носом вдруг оказалась тротуарная плитка, и пёс предположил, что это

магические проделки призрака: укоротил ему лапы, чтобы сделать похожим на безобидную таксу! В следующее мгновение ужасно захотелось спать. Даже не нашёл в себе сил, чтобы предупредить Пафнутия и пожелать грызуну сладких снов, если и тот решит вздремнуть.

Сердитые голоса обвинили напоследок в том, чего ни Мартин, ни помощник юного химика никогда бы не совершили:

— Они же детей могли покусать!

Пёс попробовал оправдаться, но язык не послушался. Не получилось и взглянуть с укоризной на тех, кто несправедлив к ним с Пафнутием: веки стали непривычно тяжёлыми.

Чьи-то руки с трудом приподняли и снова опустили его мощное тело, но уже не на тротуар. «В машину погрузили, ту самую, по следам которой я гнался», — вяло подумал Мартин, по обыкновению проанализировав запахи и звуки.

Среди последних, помимо работающего мотора, неожиданно раздалось знакомое старческое бурчание:

— Сие грубое нарушение договорённости есть! Пёс должен был за котами восследовать, дабы в поисках Книги моей помощь им оказать!

— Не кипятитесь, Яков Вилимович! «Воспоследует»! Но теперь только после опытов, — ответил возбуждённый мужской голос. — Вы же учёный и понимаете моё нетерпение!

Граф Брюс язвительно заметил:

— Да-с! Коты хитрее вас оказались, и проворнее!

— Неужели вам самому неинтересно увидеть регенерацию тканей?! — недоверчиво воскликнул неизвестный собеседник.

— Вернём Книгу и без ваших методов варварских обойдёмся! — гордо возразил Яков Вилимович.

Мартин с удивлением вслушивался в странный разговор. Голова гудела, и любопытный смысл ускользал. Пёс сделал попытку пошевелиться, но ни правая передняя лапа, ни левая не отозвались, словно ему не принадлежали. Так же равнодушно отреагировали обе задние. Лишь белая кисточка на хвосте слабо дёрнулась, выражая преданность владельцу.

— Вы не понимаете! — горячился незнакомец. — Животные явно подверглись какому-то излучению! Мне необходимо выяснить, какому! Одного грызуна для экспериментов недостаточно!

— Однако вам придётся им ограничиться, поелику пёс мне целым и невредимым нужен, — упрямо молвил призрак.

Машина затормозила, мотор заглох, и Мартин догадался, что они прибыли на место. Он опять попытался шевельнуть конечностями — безуспешно. Сквозь узкие щёлки между веками смутно виднелись очертания маленькой клетки, а в ней — зеленоватое тельце «м.н.с.», тоже обездвиженное.

Чужие руки снова ухватили Мартина,

и салон автомобиля наполнился кряхтением. Бесплотный дух графа Брюса сообщнику помочь не мог, и тому пришлось вытаскивать пятидесятикилограммовую тушу в одиночестве.

— Долго снадобье ваше действовать будет? — осведомился призрак.

— Не знаю! Я вкатил солидную дозу, чтобы не вышло, как с котами.

— А крысу сие не убьёт?

— С ней проблем не возникло: сама в обморок хлопнулась. Кстати, ваше сиятельство, почему вы так уверены, что коты заняты поисками Книги?

— Поелику я психологии знаток! — надменно изрёк Яков Вилимович.

— Кошачьей? — не без ехидства поинтересовался незнакомец, которого Мартину не удавалось пока разглядеть.

Граф Брюс утвердительно качнул пышным париком:

— Азарт искательский в глазах серо-белого кота золотом полыхнул, его ни с чем не спутаешь!

— Это они от природы у него такие жёлтые, — хотел возразить Мартин, но язык всё ещё не повиновался...

Глава шестнадцатая, в которой Брысь опять видит сон

Голубой, как мушкетёрский плащ, воздушный шар всё выше поднимал плетёную корзину, а Брысь, Рыжий и Савельич, вцепившись в её края, смотрели на быстро удаляющуюся землю с восторгом и страхом. В Брысе преобладало первое, а в Рыжем и Савельиче — второе. Во всяком случае, так казалось искателю приключений.

Внизу собралась внушительная толпа провожающих. Сверху она выглядела большим цветным пятном. Лишь острое кошачье зрение могло различить в ней отдельных участников: вот четвёрка храбрых мушкетёров вскинула руки в прощальном приветствии (ах, как же идёт д'Артаньяну лазоревая накидка!); лицемерно помахали гвардейцы кардинала во главе со своим патроном в красной сутане и алой круглой шапочке на макушке; дружески улыбнулся штабс-капитан, как брат-близнец похожий на славного Атоса. Зоркие медово-жёлтые глаза Брыся заметили щуплого усача — инженера-изобретателя и царского шофёра. Он восседал за рулём блестящего

чёрного автомобиля, в котором бывший руководитель миссии по спасению семьи последнего российского императора разглядел не только их величества и высочеств, но и августейших питомцев.

Просторный «Делоне Бельвилль» вместил даже тех, кто не имел к коронованным особам никакого отношения, но с кем путешественника во времени сводила судьба в разных исторических эпохах: толстого Варфоломея из Петропавловской крепости с неизменной котлетой в лапах, не менее упитанного Тимофея из сырной лавки с Малой Садовой улицы, добросовестно исполнившего свою роль в день трагического покушения на Александра Второго. Втиснулись в царский автомобиль и пузатые кёнигсбергские коты Феликс и Фердинанд, которые помогали Брысю караулить Янтарную комнату и о которых он почти забыл.

Чуть поодаль от машины, жеманно укутав лапки коричневым хвостом, сидела Марго. Она щурила раскосые зелёные глаза, и Брысь гадал, видит ли давнишняя знакомая, как усердно он машет ей лапой, и верит ли, наконец, что в его рассказах о прошлом и будущем не было ни капли вымысла!

Цветное пятно внизу уменьшалось, и Брысь торопился попрощаться со всеми. Среди задранных кверху физиономий он с радостью приметил кардинальского дога и пегую лошадку с забавной кличкой Ретивая

Пегги. Она, кстати, была впряжена в карету с золотыми вензелями, в окошке которой мелькнуло что-то белое и кружевное. Искатель приключений присмотрелся. О! Миледи и Констанция подружились и вместе приехали, чтобы проводить их в дальнюю дорогу! А на коленях у обеих дам уютно устроились марсианские двухголовки!

Пищат что есть мочи:

—Итупоговилтсач! Счастливого пути!

Кто там ещё?.. Трубецкие, само собой. Княгиня послала воздушный поцелуй, а князь смахнул прозрачную каплю с кудрявых бакенбард. Бывший хозяин и друг — его высочество Александр Николаевич — приложил руку к глазам, чтобы не слепило солнце. Рядом с сыном гарцевал на коне царь Николай Первый. Возле августейшей персоны крутился серый пудель. Гусар! И даже вредный адъютант, забросивший однажды путешественника по историческим эпохам в сугроб, не поленился прийти. Ишь, тоже прослезился!

Петрович, охранник из Эрмитажа, привёл эрмиков, но в разномастной толчее не разобрать, кто где. Любочка, продавщица хот-догов, чей киоск Брысь когда-то охранял от крысиных набегов, взмахнула рукой, словно кинула что-то вслед улетающей корзине. Кажется, сосиску. Жаль, не добросила...

Брысь шарил глазами по оставшимся далеко внизу верным друзьям и просто знакомым. На сердце почему-то было беспокойно. Вдруг

он заметил ещё одну группу людей. Расстояние превратило их в букашек, но Брысь узнал семейство Менделеевых и Сашу с родителями и бабушкой Александрой Сергеевной. Не было только... Розовые подушечки лап похолодели, а нос, наоборот, стал горячим. Вот почему ныла и болела душа: среди провожающих отсутствовали Мартин с Пафнутием!

Брысь в отчаянии обернулся к приятелям:

— Наших нет!

— Да тут они! — беспечно отмахнулся Савельич, а добродушный Рыжий успокоил:

— Вон, по верёвке лезут!

Брысь перегнулся через край корзины и вытаращил глаза: лопух Мартин действительно висел на конце длинного каната, обхватив его лапами, а на голове у него сидел «м.н.с.», крепко вцепившись в правое собачье ухо.

— Никуда они не лезут! — возмутил Брыся равнодушный тон Савельича. — У Мартина для этого когти не приспособлены!

— Зато, когда мы начнём снижаться, они первыми на земле окажутся, — с философским спокойствием парировал книгочей.

Рыжий поинтересовался:

— Кстати, а куда мы летим? И зачем?

Брысь собрался ответить, но не обнаружил в голове требуемых сведений. А тут ещё их корзину накрыло плотным, изумрудного цвета туманом.

— Кажется, снова включились излука-

тели, — пробормотал искатель приключений, чувствуя, как тяжелеют веки.

В уши вторглись незнакомые голоса:

— Жаль, что удалось заполучить только котов. Мне необходимо исследовать всех, включая крысу и пса. Только так можно делать какие-то выводы!

— Будут вам и пёс, и крыса. Условие, однако, не забывайте — в прошлое животных отправить надобно. Книгу мою отыскать, вместе с Башней сгинувшую.

— Ох, далась вам эта книга! Наука с тех пор продвинулась далеко вперёд, и ваши открытия, граф Брюс, давным-давно устарели. Им место разве что на музейной полке!

Тот, кого назвали высоким титулом, холодно произнёс:

— Книга сия рецепт бессмертия содержит...

Глава семнадцатая, в которой Брысь анализирует ситуацию

Таинственное содержание беседы помогло Брысю прийти в себя. Веки сопротивлялись, но любитель тайн и загадок открыл их усилием воли. Впрочем, то, что он увидел, больше походило на продолжение сна, нежели на явь. Даже корзина присутствовала! Точнее, короб. Прямоугольный, с крышкой, но плетением вполне напоминающий лукошко, в каком мама Лина и папа Николай Павлович приносили грибной улов из прогулок по лесу.

Теперь «уловом» были путешественники во времени. И сей печальный факт не мог не вызвать досаду искателя приключений и опытного «секретного агента»! Хотя оставалась надежда, что происходящее является очередным порождением его богатой фантазии. Откуда бы взяться в действительности мрачному каменному туннелю, по которому короб с тремя пленниками (кстати, довольно увесистыми!) волочил в неизвестном направлении незнакомец средних лет, беседующий с привидением в зелёном, шитом золотом кафтане и с пышным париком на голове?!

То, что в собеседниках у похитителя именно призраки, сомнений не вызывало: слишком плавно и бесшумно передвигался обладатель старинного одеяния, оказываясь то с одного боку, то с другого, а то спереди! К тому же луч фонарика, которым мужчина освещал себе дорогу, попадая на «графа», пронзал его насквозь!

Брысь попытался вспомнить, как они очутились в незавидной роли жертв похищения, но в памяти всплывал только последний разговор с приятелями о «слабом звене» в их команде, то бишь Пафнутии. Приходилось признать, что они явно переоценили собственные возможности и недооценили хитрость того, кто прослышал об их невероятных способностях.

Подозрения по поводу «телевизионщика» не подтвердились, но это не радовало, поскольку в главном Брысь не ошибся — их собирались «исследовать»!

— Уф! До чего тяжёлые! — незнакомец поставил короб и утёр пот со лба. — Жаль, что вы, ваше сиятельство, не можете мне помочь.

Бесплотный дух ехидно заметил:

— Любопытно, как вы пса тащить собирались, поелику он ведь не кот, весом поболе будет. А сподвижников у вас нет!

— В таком деле они ни к чему. Или проболтаются, или предадут.

— А ежели тот, кто вам котов добыл, языку волю даст?

Брысь наострил уши, но ответ заказчика похищения ясности не внёс:

— Денег за работу он получил сполна, а о нас и наших целях ему неизвестно.

Старик в кафтане и парике насупился:

— Цели у нас разные, позволю напомнить!

Его собеседник примирительно произнёс:

— Если правда то, что мой знакомый о зверюшках рассказывал, то никакого вреда я им не причиню. А вот для науки мои исследования несомненную пользу принесут!

— А у дитяти зачем склянки выкрали? — осуждающе проворчал призрак. И Брысь догадался, что речь о Вовкиных эликсирах.

— Чем чёрт не шутит! Мальчишка хвастался, что его изобретение имеет перемещательные свойства. Вдруг ему удалось то же, что и мне!

Старик сокрушённо покачал головой:

— Все ваши подопытные сгинули в безвестности! Что, если и сих уникальных животных участь подобная ждёт?

— Потому и считаю необходимым сначала с их необычным омоложением разобраться.

Мужчина поволок тяжёлую ношу дальше по туннелю, а Брысь, окончательно стряхнувший сонную одурь, разглядел под пушистым хвостом Рыжего обувную коробку, в которой признал собственность юного химика. Продолжая притворяться спящим, «секретный агент»

принялся анализировать подслушанный разговор. Жаль, нельзя шерстку вылизывать, а то процесс размышлений был бы намного плодотворнее.

Упоминание похитителем его знакомого являлось интересной деталью, но с учётом длинного языка Вовки Менделеева помочь расследованию на данной стадии не могло. Единственное, чему Брысь придумал разумное объяснение, так это способу, каким преступник завладел ими без боя, — вероятно, в квартире распылили усыпляющий газ. Либо через москитную сетку на окнах, либо через вентиляцию. Отсюда и вялость в организме, а не бодрость, как после обычного сна.

Мысленно поставив жирную галочку в графе «Почти доказанные предположения», тоже виртуальной, «секретный агент» отправил туда же версию о роде занятий похитителя. Несомненно, он имел отношение к естественным наукам. Пополнили графу и сведения о призраке и его целях: сиятельство по фамилии Брюс хотел вернуть свою Книгу с рецептом эликсира бессмертия, сгинувшую вместе с Башней.

Продолжив изыскания, Брысь с грустью констатировал, что все прочие галочки выстроились в графе «Неясности». Получилась организованная в столбик птичья стая.

Неясно было:

V — каким образом обычный человек общается с призраком;

V — кто такой граф Брюс;
V — о какой Книге и какой Башне речь;
V — где они находятся;
V — как их собираются «исследовать»;
V — как привидение намерено выполнить обещание, данное злоумышленнику, и выкрасть Мартина с Пафнутием...

Глава восетнацатая, в которой Мартин опять становится экспертом по этикету

Мартин снова подхватили и переложили на носилки, а в его затуманенный мозг ворвался чей-то сиплый голос:

— Как же я с завязанными глазами увижу, куда несть?

— А тебе и не нужно видеть! Держи сзади да неси молча. На месте плату получишь, и обратно тебя выведу, — отозвался похититель.

— Тащить далеко? — опять поинтересо-

вался первый, от которого дурно пахло перегаром, табаком, немытым телом и несвежим бельём, и заискивающим тоном прохрипел: — А пси́на тяжёлая! Добавить бы, а, хозяин?

Наниматель не ответил, сосредоточенно переставляя ноги, чтобы не споткнуться. Мартин приоткрыл веки — его несли по каменному туннелю. Путь освещался тонким лучом карманного фонарика, который злоумышленник умудрялся держать в руке. Правым боком пёс чувствовал клетку с Пафнутием и даже улавливал дыхание бесчувственного «м.н.с.».

— Я не одобряю присутствие сего субъекта в моём подземелье! — сердито заявил призрак.

— Что поделать, ваше сиятельство. Одному мне никак не справиться, — задыхаясь от напряжения, парировал похититель.

— Вмешательство и нетерпение ваши тому виной! Пёс и крыса сами до места прекрасно бы добрались, — проворчал граф Брюс.

— А может и нет! Видели, как люди на их появление реагировали? Кто-нибудь вызвал бы городские службы и усложнил нам задачу, — отбивался сообщник.

«Сиплый» некоторое время прислушивался к разговору, потом не выдержал:

— А чёй-то вы с кем-то беседуете, а шагов его не слышать? По мобильнику, что ль? Дык разве здесь берёт?

— Берёт! — соврал наниматель.

— Долго ещё? — не успокаивался дурно пахнувший «субъект».

Вместо ответа похититель остановился.

— По ступенькам сам потащишь. Я впереди с фонарём пойду. Повязку можешь снять, всё равно один из лабиринта не выберешься!

Зловещий смысл сказанного заставил «помощника» умолкнуть и безропотно подхватить могучего пса. С трудом преодолевая крутые изгибы узкой винтовой лестницы, он поволок Мартина вниз, куда не проникал шум большого города и пахло не просто сыростью и плесневелым камнем, но, казалось, самим ВРЕМЕНЕМ. Как будто злоумышленник обошёлся без всяких эликсиров, найдя проход в минувшие века. Мартин принялся — исчезнувшие коты тоже проделали этот путь. На собственных лапах или пленниками, определить не получилось. Слишком много тумана клубилось в голове, чтобы анализировать точнее.

За очередным поворотом опять поджидала лестница, и выбившийся из сил немый гражданин возмутился:

— Да где ж это мы?! Не бывает таких подвалов глубоких!

Проигнорировав вопрос, похититель наконец велел положить пса и отправился выпроваживать помощника из «графских владений».

— Очнулся? — тут же раздался голос бывшего генерал-фельдмаршала возле самого

уха, а перед глазами Мартина возникла обрамлённая париком физиономия.

Пёс грозно зарычал на предателя, заодно проверяя, вернулись ли силы.

— Не серчай и поторопись! — деловито изрёк Яков Вилимович.

Мартин поднялся на неокрепшие лапы и, пошатываясь, сделал несколько шагов по диковинному помещению с низкими полукруглыми сводами. В одном из углов была оборудована небольшая лаборатория, похожая на кабинет ветеринарного врача. Правда, без привычного компьютера и даже вообще без электричества — на столе лежал ворох исписанных листов бумаги, придавленных человеческим черепом, и горели свечи. В их колеблющемся свете граф на самом деле казался привидением.

На стеллаже среди склянок и колб разной вместимости Мартин разглядел обувную коробку — собственность Вовки Менделеева.

— Да-да! — подтвердил его сиятельство. — Она самая! Выбирай скорей, какая из жидкостей во времени перемещать может, и лей вот сюда!

Призрак указал на след от подсохшей лужицы на полу возле стола. От пятна исходил сложный запах таинственных ингредиентов, которые юный химик подмешивал в свои изобретения. Главенствовал над ароматами знакомый кошачий дух.

— Пафнутия я вам не оставляю, — сурово заявил Мартин.

— И не надобно! Невесть что с ним живодёр сей сотворить может! Ополоумел он совсем в погоне за славою. Ты прости старика, что обманом заманил, пути иного не ведал, — каялся дух графа Брюса. — Надежды питал, что обладание Книгой от опытов над существами живыми его отвлечёт! Сомневаюсь теперь, однако...

Глава девятнадцатая, в которой Советыч рассказывает о графе Брюсе

Пока старик вздыхал и откровенничал, Мартин исследовал склянки. Неугоми-мый химик опять умудрился наполнить ими целую коробку взамен той, что была «похоронена» на пустыре за домом.

— Он ведь как о компании вашей чудесной прознал, так всякий сон потерял! Эх, не в те руки талант попал, — продолжил сетовать призрак. — Снадобье он изобрёл, благодаря которому меня лицезреть и слышать может. А я за столько-то веков по общению живому соскучился, что и не передать! Обрадовался, в общем! Ещё он жидкость перемещательную путём опытов сложных получил, да вот толь-

ко на человека она не действует, а из животных абы кого за Книгой не пошлѣшь. И на приятелях ваших не успел он её опробовать — шустрые больно, — задребезжал старческим смехом Яков Вилимович. — Да и то сказать, повезло им склянку нужную разбить. Не верилось до того, что отрок не просто бахвалится.

— Отрок? — удивлённо переспросил Мартин, остановившись наконец на одном из пузырьков.

— Мальчонка, — охотно пояснил граф, — рыжий, вихрастый, в окулярах, с конопушками по носу. Хозяин Пафнутия. А Книгу мою вы уж в подземелье припрятые, чтобы до сего дня сохранилась. Тайник у меня тут имеется...

— Тайник?! — тут же очнулся и подал тонкий голосок бывший кладоискатель и вскочил на задние лапки. Упёршись макушкой в железные прутья, возмущился: — Это переходит всякие границы и нарушает Женевскую конвенцию о содержании военно-пленных! Даже в банде Ваньки Белки* у меня клетка была больше!

Его сиятельство изумился натиску зеленоватого грызуна и не нашѣлся с ответом, а Мартин посоветовал приятелю не шуметь и скорее выбираться из заточения.

Пафнутий с обиженным видом на шарил лапкой крючок и спустя несколько мгновений повторил свой вопрос, но уже шѣпотом:

* Персонаж из книги «Брысь, или Приключения одного м.н.с.».

— Тайник? А что в нём?

— Пока ничего, — огорчил граф. — Поелику про запас его мастерил. Надеюсь, однако, сокровище в нём обнаружить.

Призрак переместился в дальний, укутанный темнотой угол и велел Мартину нажать на один из кирпичей. Открылась небольшая ниша.

— Пустая, — разочарованно протянул «м.н.с.». — Никакого сокровища!

— Пока пустая, — с ударением на первом слове парировал Яков Вилимович. — Понеже верю в успех поисков ваших!

В отдалении слышались гулкие шаги.

— Возвращается! — заторопился призрак. — В путь, камрады мои, в путь!

Мартин метнулся к письменному столу и, хрустнув крышечкой пузырька, опрокинул его вязкое ароматное содержимое на пятно.

— А где ошейник золотистый, потрёпанный, который на серо-белом коте был? Наш друг им очень дорожит! — успел спросить он, прежде чем эликсир начал своё волшебное действие.

Призрак удивлённо пожал плечами...

...Плетёный короб с тремя пленниками наконец обрёл покой в помещении, напомнившем Брысю аптеку в подвале Зимнего дворца: такие же низкие своды, каменные стены, полки со склянками. И даже стол широкий дубовый,

и свечи в избытке. Похититель, чиркнув спичкой, зажёл сразу несколько, а фонарь выключил. Батарейки, наверное, сэкономил.

При свете стали заметны новые подробности интерьера, довольно устрашающие, так что для побывавшего в переделках искателя приключений комната потеряла сходство с безобидной аптекой. Теперь она смахивала на операционную со множеством хирургических инструментов, разложенных по металлическим кюветам. Человеческий череп, которым злоумышленник придавливал исчерканные таинственными формулами листы бумаги, довершал мрачную картину.

В голове зазвучал голос Рыжего:

— Где это мы?

— Молодец, что телепатией воспользовался, — похвалил опытный «секретный агент» так же мысленно. — Похитили нас! Газом сначала усыпили, а потом ещё вкололи что-то, лапами только недавно шевелить смог.

— А кто это там в зелёном кафтане и парике? — бывший дворцовый мышелов вытирачил глаза. — Мы в прошлом?

— Ещё нет. А в парике привидение графа Брюса.

— Граф Брюс? Ты уверен? — присоединился к беззвучной беседе книгочей.

— Похититель так его называет. Ты о нём знаешь? — обрадовался Брысь пробуждению главного источника информации.

— Яков Вилимович Брюс — персона известнейшая! Буду невероятно рад с ним познакомиться, — разволновался обычно сдержанный философ.

— Может, ты и про Башню с Книгой в курсе? — «секретный агент» приготовился перемещать свои галочки из графы «Неясности» в графу «Доказанные предположения». (Слово «почти» он из заголовка убрал из уважения к эрудиции Савельича.)

— Башня наверняка Сухаревская, — оправдал надежды книгочей, — вот только она в Москве стояла, к тому же снесли её давным-давно.

— Неужели мы так далеко от дома? — ахнул Рыжий.

— А книга, — философ задумался, — вообще-то, у графа была богатая библиотека, он ведь учёный и разносторонне развитая личность. К тому же при царе Петре Первом заведовал всем книгопечатанием России. Может, та, которую «Чёрной» именовали, с магическими заклинаниями?.. — неуверенно предположил Савельич. — Так я думал, что её существование просто слухи...

Краткие комментарии для любознательных

О графе Брюсе при его жизни ходило множество легенд. Самые устойчивые слухи касались Брюсовой библиотеки и особенно Чёрной книги. Книга эта якобы хранилась в Сухаревой башне и давала своему обладателю истинную власть над миром.

Глава двадцатая, в которой Брысь даёт обещание

— Скоро проверим, слухи или нет, — огорошил Брысь приятелей. — Нас хотят в прошлое заслать на поиски некой Книги.

Рыжий и Савельич уставились на обувную картонку с Вовкиными эликсирами.

— Но тут полно пузырьков! Как они определяют, какой именно нужен? — удивился философ.

Брысь вздохнул:

— В перемещательные свойства Вовкиного изобретения они не очень-то верят. У похитителя своё средство имеется.

Про жестокие планы преступников (как минимум одного из них) Брысь старался не думать, чтобы не пугать друзей-телепатов, но они сами вспомнили его мрачные прогнозы.

— Не нравится мне тут, — заявил Рыжий. — Кажется, ты был прав. После того как мы выполним задание, они займутся исследованием наших внутренностей!

Похититель склонился над коробом, собираясь открыть крышку, и друзья замерли, чтобы злодей не догадался, что его жертвы очнулись.

Собственность Вовки Менделеева перекочевала из-под хвоста Рыжего в руки незнакомца.

— Интересно-интересно, — пробормотал тот, ставя украденные эликсиры на стол.

Призрак бывшего учёного тоже с любопытством разглядывал крошечные бутылочки.

— Хм, валерьянка? — удивился злоумышленник, взяв в руки одну из склянок и нюхая содержимое. — Одно неясно: она — часть рецепта или юный химик пренебрёг чистотой и не помыл ёмкости? — озадаченно добавил он.

Дух графа Брюса всплеснул руками, а потом подёргал себя за концы кудрявого парика. Брысь подумал, что ему не терпится приступить к исполнению замысла, но оказалось, Яков Вилимович переживает за исход предприятия.

— Пёс непременно нужен, непременно! — возбуждённо запричитал он. — Лишь ему под силу фолиант из верхнего тайника Башни сюда, в подземелье, переместить!

— Такой тяжёлый? — не отводя алчного взгляда от плетёного короба с котами, спросил похититель.

— Переплёт камнями драгоценными выложен, как водится, — торжественно молвил старик, — да и сама Книга громоздкая. Много знаний великих в ней сокрыто, не токмо бессмертия рецепт!

В глазах Савельича вспыхнули изумрудные искры.

— Вот бы её почитать! — воскликнул философ, заразив своим азартом искателя приключений. (Драгоценные камни тоже пригодились бы, ведь меценатом он пока так и не стал.)

Рыжий испуганно прошипел:

— Что вы орёте?!

— Рановато очнулись, — недовольно пробормотал незнакомец и обратился к призраку: — Выходит, напрасно вы меня торопили. Пока пса и крысу сюда не доставите, перемещение состояться не может!

Похититель направился к стеллажу, извлёк из упаковки шприц и принялся наполнять его неизвестной жидкостью, а граф Брюс заглянул в короб и шепнул пленникам:

— Он снова собирается силы движительной вас лишить!

— Что же делать? — пролепетал Рыжий, пока его приятели с любопытством вглядывались в «разносторонне развитую личность». (Брыся больше всего интересовала внешность обладателя кафтана и парика — всё-таки граф Брюс был первым привидением, какого удалось встретить.)

— Как действует эликсир, якобы изобретённый отроком? — метнув взгляд на сообщника, который занялся вторым шприцем, торопливо поинтересовался призрак у очнувшихся котов.

— Не «якобы»! — вступился искатель приключений за юного гения. — Обычно мы капали его на фотографию нужного места.

— А зачем вам бессмертие, если вы и так вечный? — не удержался от вопроса философ.

— Устал я бесплотным духом скитаться! — пожаловался его сиятельство.

В голосе бывшего учёного прозвучало столько горечи, что жертвы коварного похищения преисполнились сочувствием к старику.

— Найдём мы вашу Книгу! — неожиданно для всех пообещал Брысь и выскочил из плетёного короба. Рыжий и Савельич выпрыгнули следом, хотя чуть замешкались, огорошенные смелым заявлением приятеля.

От внезапности произошедшего граф схватился за сердце, а похититель остолбенел, сжимая в обеих руках по шприцу.

— Ловите же их, ловите! — завопил он, забыв, что его «сообщник» — бесплотный дух.

Пленники, однако, метнулись не к выходу, а к столу, точнее — к обувной коробке с пузырьками, пахнущими валерьянкой.

Недрогнувшей лапой Брысь скинул её на каменный пол, но разбилась лишь одна из склянок. Вязкое содержимое разлилось ароматной лужицей, возле которой тут же оказались коты.

— Вдруг повезёт, — понадеялся философ и лизнул эликсир. Злоумышленник отбросил шприц, зажатый в левой руке, вцепился в лохматую шкурку Рыжего, а правой попытался сделать укол.

Коварство не удалось: зверёк отчаян-

но извивался и царапался. Ему на помощь пришёл серо-белый кот в потрёпанном золотистом ошейнике. Высоко подпрыгнув, он вонзил зубы и когти в лицо врага, и тот выпустил свою жертву...

Глава двадцать первая, в которой подтверждается, что Вовка гений

Кажется, сработало, — первым нарушил тишину подземелья Рыжий, безуспешно пытаясь разглядеть приятелей в кромешной тьме.

— А мне не кажется, я абсолютно уверен, — глубокомысленно изрёк Савельич. — Одной опасности избежали.

Искатель приключений развеял оптимизм философа:

— Не хочется никого огорчать, но вы забыли, что по окончании действия эликсира мы вернёмся в то же самое место и почти в тот же момент времени. Да ещё в сонном состоянии!

— Значит, у нас нет шансов попасть домой в целости и сохранности? — забеспокоился бывший дворцовый мышелов.

— Есть — найти Книгу! Такой подарок из прошлого отвлечёт этого сумасшедшего от наших скромных персон, — деятельно заявил Брысь, а Савельич укоризненно попенял:

— Прежде чем из корзины выпрыгивать, мог бы поинтересоваться у графа, где именно хранился фолиант!

Неунывающий искатель приключений обнадёжил:

— Сами справимся!

И, потянувшись задней лапой к шее, добавил:

— Надеюсь, похитителю достанет ума не выбросить мой ошейник.

В следующее мгновение Рыжего и Савельича оглушил восторженный вопль, адресованный почему-то юному химику:

— Вовка, ты гений!

Бывший Личный Кот Его Высочества в нарушение дворцового этикета принялся носиться кругами, отрывисто восклицая:

— На мне, на мне, на мне!

— Да объясни толком, что случилось! — взмолился философ, опасаясь, не сказались ли многочисленные перемещения на психическом здоровье его друга.

— Вовка изобрёл эликсир с новыми свойствами! Теперь он действует и на неживую материю!

Брысь дал пощупать подарок немецкой принцессы каждому из приятелей.

— Вот это да! — восхитился Рыжий, а

Савельич размечтался, что сможет прихватить назад в будущее какой-нибудь артефакт. Жаль, что нельзя знать заранее, когда произойдёт возвращение. Придётся старинную вещь с собой таскать!

Воодушевление главного заводицы передалось всей компании, и коты устремились на поиски выхода. К тому же им, как любителям тепла, хотелось скорее выбраться из промозглой сырости древних каменных стен.

Блуждание по извилистым туннелям завершилось у подножия винтовой лестницы, крутой и узкой, так что осталось загадкой, как по ней ходили Люди, особенно с учётом немалой высоты ступеней.

С трудом преодолев препятствие, путешественники опять оказались в паутине подземных ходов. Несколько часов кряду они петляли по бесконечному лабиринту, пока перед ними не выросла очередная лестница. Такая же неудобная для подъёма, как и предыдущая. Но и она привела измученных пришельцев всего лишь на новый уровень воистину бездонного фундамента Сухаревой башни! Точнее, дно-то имелось, а вот наличие верха уже вызывало сомнения.

— Всё, больше не могу! Простите меня, — жалобно простонал Рыжий, вытягиваясь на холодных влажных камнях.

Савельич свалился рядом, не найдя сил даже для жалобы. Искателю приключений пришлось смириться с обстоятельствами, хотя

ему и не терпелось выяснить, в какую историческую эпоху забросил их Вовкин эликсир. Он уселся рядом с приятелями, но вскоре заскучал и толкнул философа в бок:

— Не молчи! Расскажи, что знаешь про графа и Башню! Это поможет нам в поисках.

Книгочей вздохнул (первый раз в жизни ему не хотелось никого просвещать, а просто полежать спокойно), но уступил неугомонному другу и начал, как всегда, издалека и обстоятельно:

— Москва, где мы, судя по всему, находимся, была когда-то хорошо укрепленной твердыней с четырьмя кольцами стен: первая шла вокруг Кремля, вторая окружала Китай-город, третья — Белый город, а четвёртая — Земляной. В каждой стене имелись ворота со своими названиями. Число их равнялось количеству ведущих в столицу дорог. Башню соорудили на месте Сретенских в Земляном городе...

Глава двадцать вторая, в которой открывается зловещая правда

Рыжий перестал стонать и охать, едва Савельич приступил к рассказу.

— Почему город «Земляной»? Дома, что ли, из земли делали?

Философ задумался.

— Это вряд ли, — наконец ответил он. — Скорее всего, потому что его отделял земляной вал. А дома тут были в основном деревянные, как и сама крепостная стена и ворота. Так что в народе его «Скородомом» прозвали, за скорость, с какой бревенчатые постройки городили.

— Ты про Башню давай, и графа! — нетерпеливо напомнил Брысь.

— А что про Башню, — приготовился обидеться книгочей. — Пётр Первый велел её возвести, а назвал в честь Лаврентия Сухарева, чей полк Сретенские ворота охранял. Когда случился стрелецкий бунт, он встал на сторону юного царя, которому от своей сестрицы Софьи бежать пришлось.

— Бунт? — робко переспросил Рыжий, вспомнив, сколько страха натерпелся во время

кровавых революционных событий, устроенных Людьми в 1917-м.*

— Тебе же говорят «в честь», — успокоил Брысь. — Башня уже стоит, раз фундамент имеется. К тому же наверху тишина: ни стрельбы, ни криков.

Друзья прислушались. С поверхности и впрямь доносился только приглушённый толстыми сводами редкий собачий лай.

— Может, в мирный период попали? — понадеялись «посланники графа Брюса», снова отправляясь в путь...

В туннеле стало заметно светлее, сырой затхлый воздух посвежел, и вскоре утомлённым взорам путешественников открылся полукруглый проём, а за ним — густая зелень, сквозь которую приветливо синело небо.

— Ура! — возликовал Рыжий, а Брысь удивился — он не ожидал, что подземные переходы выведут их за пределы Башни.

Савельич, по привычке, приберёг выводы до выяснения всех обстоятельств.

«Обстоятельствами» оказался уютный склон, поросший диким шиповником и залитый тёплыми послеполуденными лучами солнца. В некотором отдалении расположились бревенчатые избы, окружённые палисадниками и огородами.

Птицы, чирикая и щебеча на все лады, тормозили созревшие гроздья рябин, и

* События описаны в книге «Брысь, или Тайны Царского Села».

пришельцы из будущего пришли к выводу, что в том времени, куда их занесла судьба, календарное лето подошло к концу. Впрочем, погода благоволила путешественникам по историческим эпохам — было тепло и сухо.

Во дворах громко перебранивались недовольные чем-то собаки. Жужжали шмели, озабоченно исследуя крупные душистые цветки клевера. В пёстрой луговой траве беспечно шуршали мыши, не подозревая, какие гости к ним пожаловали.

— Напрасно Пафнутий не хотел на дачу ехать. Красота-то какая! — наконец изрёк философ.

— Так мы не в Москве? — обрадовался Рыжий и облизнулся, предвкушая сытный и экологически чистый обед.

— Пожалуй, всё-таки в Москве, — отвлёк его искатель приключений, чем спас несколько мышиных жизней. — Посмотрите вон туда!

Друзья обернулись и обомлели — над деревенским пейзажем нависло громадное сооружение из камня. Солнце, будто в шутку, окрасило мощные стены в легкомысленный розовый цвет. В нижнем этаже массивных трёхъярусных палат были проделаны глубокие ниши и въездная арка с деревянными воротами, в данный момент закрытыми. От центра плоской крыши и, как показалось котам, до самого неба тянулся величественный «столб» с окнами в три ряда и четырьмя остроконечными башенками у основания. Венчал его островерхий «шатёр», на

шпиле которого гордо восседал медный двуглавый орёл. Державный символ строго взирал с высоты на живописные окрестности. Из-под когтей хищника торчали пучки острых стрел — грозное предупреждение врагам.

— Она! Башня Сухарева! — воскликнул книгочей севшим от волнения голосом, а зоркий Рыжий спросил:

— Что это там на орле болтается? Брысь и Савельич изумлённо вытаращили глаза.

— Похоже, птица какая-то. Бедняга, у неё верёвки на лапках, вот и запуталась, — сочувственно произнёс искатель приключений. — Уже не шевелится...

— Это Бонапарт! — раздался вдруг писклявый голосок.

Из травяных зарослей вынырнул тёмно-серый котёнок-подросток, от кончика хвоста до кончиков ушей разлинованный чёрными полосками.

Брысь окинул малыша снисходительным взглядом и присмотрелся к неподвижному тельцу в вышине:

— На ястреба смахивает...

— Говорю же — Бонапарт! — упрямо повторил местный житель. — Сам слышал, как его Люди называли. Ещё радовались, что он издох в лапах орла российского. Мол, хорошая примета!

— А где, кстати, Люди? — с любопытством покрутил пушистой головой Рыжий. — Никого не видно! Я думал, в столице много народу.

— Так они все ушли. Скарб в подводы побросали, детишек сверху посадили, дома заперли, и вот — одни мы теперь тут! — важно сообщил котёнок, гордый вниманием взрослых незнакомцев.

Брысь и Савельич переглянулись.

— 1812-й! — мрачно прошептал искатель приключений, а философ печально вздохнул...

Краткие комментарии для любознательных

Наполеон I Бонапарт (фр. Napoléon Bonaparte; 15 августа 1769, Аяччо, Корсика — 5 мая 1821, Лонгвуд, остров Святой Елены) — император французов в 1804—1814 и 1815 годах, полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства, один из наиболее выдающихся деятелей в истории Запада. Свою профессиональную военную службу начал в 1785 году в чине младшего лейтенанта артиллерии. В ноябре 1799 года произвёл государственный переворот и стал первым консулом Франции. В последующие годы провёл ряд политических и административных реформ и постепенно достиг диктаторской власти. 18 мая 1804 года был провозглашён императором. Победоносные Наполеоновские войны, особенно австрийская кампания 1805 года, прусская и польская кампании 1806—1807 годов, австрийская кампания 1809 года, способствовали превращению Франции в главную державу на континенте. Разорвав отношения с Александром I, Наполеон решился на войну с Россией. 450 тыс. солдат, собранных в Великую армию из разных стран Европы, в июне 1812 года перешли русскую границу.

Земляной город вошёл в состав Москвы во время очередной Шведской войны 1590—1595 гг. при царе Фёдоре Иоанновиче, когда после набега Крымского хана Казы-Гирея II (1591) в течение года (1591—1592) был сооружён земляной вал с деревянными стенами и башнями числом 34, а перед валом устроен ров. Вновь присоединённая часть города стала именоваться Деревянным городом, а «в миру» — Скородомом. Существуют две версии происхождения топонима Скородом. Согласно первой, имя отражает необычайную скорость постройки «грандиозных» укреплений, согласно же второй «Скородом» — более раннее название и означает «наскоро построенные дома». От Белого города Деревянный город был отделён стенами с валом и рвом,

а соединялся с ним воротами, располагавшимися на местах нынешних площадей Бульварного кольца. Во времена Смуты, 20 марта 1611 года, Скородом с укреплениями был сожжён польскими войсками, готовившимися к обороне против Первого ополчения. Новый вал, за которым закрепилось название «Земляной город», был сооружён только в 1638—1641 годах при царе Алексее Михайловиче. Он был длиннее предыдущего, укреплялся «острогами» (брёвнами с заострёнными концами) и 57 башнями. В земляной вал было встроено 11 ворот. В 1783 году главнокомандующий Москвы граф Чернышёв, уничтожив стену и некоторые из ворот, возобновил один вал, который вскоре сделался любимым местом гулянья для москвичей. Мало-помалу разрушился и вал, на его месте образовалась широкая улица, выровненная после 1812 года. Сегодня она в некоторых местах носит название Садовой, в некоторых же Земляного вала, Вальной улицы и бульваров (Новинского, Смоленского, Зубовского).

Сухареву башню венчал медный (по другим сведениям бронзовый) двуглавый орёл. Его крепкие лапы держали стрелы, которые, возможно, символизировали молнии. Одна из легенд о башне рассказывает, что за день до вступления наполеоновских войск в Москву, когда из города уходили толпы беженцев на север, на Ярославль, на их глазах низко над Сухаревой башней пролетел ястреб с лапами, опутанными верёвкой, и зацепился за крылья орла на её шпиль. Он долго бился, пытаясь освободиться, но в итоге ослабел и умер. Москвичи говорили: «Вот так и Бонапарт, как этот ястреб, погибнет в лапах русского орла».

Глава двадцать третья, в которой грузья попадают в Башню

Рыжий вспомнил лекцию*, которую однажды прочёл ему Савельич, и недоумённо поинтересовался:

— Так ведь прогнали наши французов! Почему вы оба такие угрюмые?

— Потому что сначала Москва сгорит, — уныло молвил книгочей. — Эх, неудачно мы переместились!

Котёнок с удивлением вслушивался в непонятные речи чужаков.

— Не может она вся сгореть, — наконец решился он оспорить утверждение чёрного кота, — в ней домов каменных много. Да вы на Башню-то поднимитесь — сами увидите!

Малыш кинулся вверх по склону, за ним устремились пришельцы.

— Наверное, мы на земляном валу! — задыхаясь от быстрого бега, успевал вещать философ. — Это всё, что осталось от оборонительных укреплений. За тридцать лет до нынешних событий крепостную стену разобрали из-за ветхости, да и насыпь сохранилась лишь местами.

* Это событие описано в книге «Брысь, или Тайны Царского Села».

Котёнок остановился у лестницы необъятной ширины, которая вела в крытую галерею над первым этажом Сухаревой башни. Наличники, балясины, раковины и прочие декоративные придумки архитектора были выполнены из белого камня, однако здание всё равно выглядело сумрачно. К тому же оно загораживало почти половину неба и по сравнению с ним остальные дома, должно быть, казались Людям игрушечными.

Даже красивый длинный особняк с ротондой под куполом-шаром и множеством белоснежных колонн, изогнутый полукругом и отделённый от улицы ажурной оградой. Над его парадным входом блестела на солнце надпись из выпуклых букв, покрашенных золотой краской.

— С-т-р-а-н, — принялся старательно выговаривать глазастый Рыжий, но Савельич, недовольный «успехами» ученика, перебил:

— Странноприимный дом Шереметева, где бедных лечат. Граф Николай Шереметев построил его в память о рано умершей любимой супруге.

— Выглядит как новый, — не обиделся Рыжий.

— Он и есть новый. Это здание тоже пострадает в пожаре, но после войны с Наполеоном его восстановят на деньги наследников графа и снова сделают больницей, а пока тут французы госпиталь для своих раненых устроят.

Малыш опять возмущённо фыркнул и запрыгнул на высокую каменную ступеньку, приглашая незнакомцев за собой. Однако последовал за ним только серо-белый кот с золотистой верёвочкой на шее. Рыжий и чёрный замерли у подножия, с тоской взирая на устремлённое ввысь препятствие.

— Между прочим, — снова заговорил Савельич, чтобы оправдать заминку и набраться сил перед долгим подъёмом, — при Петре Великом тут располагалась математическая и навигационная школа. Там Людей искусству мореплавания обучали, — пояснил философ бывшему дворцовому мышелову, поскольку котёнок (наверняка совершенно необразованный!) и Брысь (который в разъяснениях не нуждался) ускакали далеко вперёд. — Угадай, кто был её устроителем?

Рыжий простодушно похлопал глазами.

— Граф Яков Вилимович Брюс! — торжественно сообщил книгочей.

— Привидение? — изумился лохматый слушатель.

— Ну, тогда он ещё не был привидением, — поправил философ, — всего лишь астрономом и математиком. Как раз те науки, что особенно важны Людям в морском деле.

— А почему на лестнице с одной стороны ступени стёрты?

— Для удобства. Видишь ли, долгое время Башня принадлежала Адмиралтейской конторе. Тут находились склады провианта,

магазин суконных тканей и прочих материалов для морской амуниции, так что Людям приходилось волоком таскать большие тюки.

Сверху донеслось сердитое восклицание:

— Ну что вы там застряли?! Посмотрите, какой отсюда вид! Это же, — Брысь поискал подходящие слова, — сама История!

И хотя сердце путешественника во времени безраздельно принадлежало родному Петербургу, он по достоинству оценил сказочную красоту города, привольно раскинувшегося на холмистой местности среди парков и садов.

— Неужели всё это сгорит в огне?.. — усомнился искатель приключений.

Неоспоримый исторический факт казался совершенно невероятным. Особенно теперь, когда солнце золотило кресты на сотнях церковных куполов, похожих на гигантские разноцветные луковицы, и они празднично сияли вместе с кровлями домов, крытых полированным железом.

В центре этого великолепия, отделённая с одной стороны рекой, а с других — широким, заполненным водой рвом, обосновалась красивая крепость почти треугольной формы. С высокой колокольней и белоснежными палатами за белой же зубчатой стеной, над которой вздымались шатровые башни.

«Кремль», — решил Брысь.

Пока главный источник информации пытался на крутых ступеньках и не мог ни подтвердить, ни опровергнуть догадку, опытный

«пожарник»*, принялся придирчиво выискивать то, что могло представлять лёгкую добычу для пламени. К его огорчению, среди каменных городских домов, роскошных усадеб и прекрасных дворцов обнаружались и деревянные строения: расписные терема, избы, длинные ряды торговых лавок... Да и мостовые кое-где были выложены не брусчаткой, а брёвнами.

В список того, что горит, пришелец из будущего с грустью добавил лодки и барки, оставшиеся без присмотра на песчаных берегах Москвы-реки, которая вместе с притоками поделила город на части. Кстати, и мосты не все были каменными, с красивыми, поднимающимися из воды арками. Имелись и деревянные, на столбах, попроще.

— Вы призраков не боитесь? — вдруг спросил котёнок и хитро сощурился...

Краткие комментарии для любознательных

До Отечественной войны 1812 года в Москве было около 200 тысяч жителей, более 300 храмов, 24 монастыря, 555 различных промышленных предприятий, почти 10 тысяч домов, больше четверти из них — каменные, через реки было переброшено почти 40 мостов. Каменным был весь центр города в радиусе 1,5 км от Красной площади.

Странноприимный дом графа Николая Петровича Шереметева: строительство было задумано еще в 1792 году. Возвели комплекс, рассчитанный на бесплатное лечение 50 и содержание 100 неимущих человек на месте некогда стоявшего здесь царского Литейного дворца и Черкасских огородов, принадлежавших матери Шереметева. Открылся Странноприимный дом в 1810 году, когда графа уже не было в живых.

* События, в которых Брысю доводилось «участвовать» в тушении пожаров, описаны в книгах «Приключения котёнка Брыся» и «Брысь, или Кот Его Высочества».

Здание имеет подковообразную форму, обрамляющую парадный двор. Интерьеры дома, выполненные Джакомо Кваренги, совершенно не напоминали больницу. Французы, войдя в Москву, даже приняли дом за дворец какого-нибудь вельможи, но с удивлением поняли, что это странноприимный дом, а потому не разграбили, а устроили в нём госпиталь. В начале XIX века здесь также базировалось московское отделение Медико-хирургической академии. А с 1884 года Шереметевская больница стала клинической базой Университета. За сто лет существования Странноприимного дома графа Николая Петровича Шереметева его благотворительностью воспользовалось около 2 миллионов человек. В 1919 году при Шереметевской больнице была создана Станция скорой помощи, а в 1923 году организован Научно-исследовательский институт скорой помощи и переливания крови, которому присвоили имя выдающегося русского хирурга, основоположника неотложной хирургии Николая Васильевича Склифосовского.

С апреля 1700 года Сухарева башня перешла во владение к Навигацкой школе. В Башне провели значительную перепланировку, оборудовали классы для занятий, жилые помещения, большой Рапирный зал, астрономическую обсерваторию, физико-химическую лабораторию. В создании школы, обеспечением её всем необходимым и составлении программ преподавания деятельное участие принял Яков Вилимович Брюс, который с этого времени навсегда связал своё имя с Сухаревой башней.

Долгое время Сухаревская башня находилась в ведении Московской конторы Адмиралтейств-коллегии. На её фасаде, обращённом в сторону Сретенки, был укреплён флотский государственный российский герб. Здесь располагались склады Балтийского флота и Архангельского порта. 28 января 1724 года по устному указу Петра I при Адмиралтейств-коллегии был основан архив для сбора и хранения документов коллегии. В сентябре 1812 года в московском пожаре Сухарева башня выгорела изнутри, хранившийся в ней архив погиб, сгорели пристройки — часовня, амбары и находившийся в одном из них муляжный учебный фрегат “Миротворец”.

Глава двадцать четвёртая, в которой опасность уже близко

— А что? — в нарушение этикета ответил вопросом на вопрос бывший Придворный Кот.

— Да есть, которые боятся, — важно пояснил маленький проводник.

Брысь помотал головой.

— Я не об этом! Ты о призраке подробней расскажи!

— Да я подробней не знаю. Слышал от других, что он в Башне на самом верху обитает.

— А зовут как?

— Меня — Василий! — с готовностью сообщил котёнок.

— Да не тебя, а привидение! — нетерпеливо воскликнул искатель приключений.

— Да нешто у призрака имя есть?! — удивился малыш странностям чужака.

Брысь вздохнул, но переубеждать юного представителя кошачьего племени не стал.

— Неужели наш граф?! — воодушевился философ, и вместе с Рыжим они быстро нагнали убежавших вперёд.

— Определённо он, — уверенно изрёк искатель приключений. — Два привидения на одну Башню был бы явный перебор.

— А какая нам от бесплотного духа практическая польза? — машинально спросил Рыжий, разглядывая панораму, которой только что любовался Брысь. Правда, в отличие от друга, эстета и знатока архитектуры, его внимание больше привлекли собаки и коты с кошками, которые бродили по пустынным улицам, — или бездомные, или брошенные впопыхах хозяевами. Попадались и жители, но их было так мало, что город казался огромным музеем, закрытым для посетителей по случаю выходного дня.

— Как это, какая польза?! — возмутился книгочей. — Он же столько всего может рассказать! В том числе и о Книге!

— Наверняка именно её там караулит. Что бы ещё делать призраку в верхнем ярусе! — заявил Брысь тоном эксперта по привидениям. — Духам полагается в безлюдных подземельях обитать, чтобы их не выгнали.

Василий таращил глаза на чужаков, судя по разговорам, знакомых с таинственным обитателем Башни, и всё больше изумлялся необычным котам.

— Да ужели можно духа выгнать? — робея, поинтересовался он у серо-белого незнакомца.

Рыжий и Савельич тоже уставились на приятеля в ожидании обоснованного ответа, но искатель приключений сменил тему (понял, что погорячился, выдавая себя за знатока потустороннего мира):

— А что, Василий, не пора ли тебе к маме

вернуться? Заодно и о пожаре предупредишь. Кстати, когда он начнётся? — последний вопрос Брысь адресовал книгочею.

— Сразу, как французы в город войдут, — выудил Савельич нужные сведения из своих обширных запасников. — Вечером второго сентября по действующему тут летосчислению.

— Так это уже сегодня! — перепугался котёнок и бросился вниз, высоко взбрыкивая долговязыми лапками и рискуя свалиться с крутых ступеней.

Пришельцы из будущего проводили малыша обеспокоенными взглядами.

— Правильно, ни к чему нам такая обуза, — заключил Рыжий, когда котёнок благополучно достиг подножия лестницы и скрылся из виду. — Нам ведь спешить нужно, раз такое дело!

Друзья заторопились: следовало найти путь на «самый верх», где в неизвестном тайнике хранилась магическая Книга и где, по утверждению маленького аборигена, обитало привидение.

— Вид у Башни заброшенный, — констатировал Брысь, заглянув в очередной зал.

Помещения имели отдельные выходы на галерею, опоясывающую второй ярус здания, и никак не сообщались друг с другом. Деревянные двери разбухли от непогоды и не закрывались; сосновые некрашенные полы вздыбились; на оштукатуренных кирпичных стенах виднелись следы многочисленных протечек; потоло-

ки покрылись ржавыми пятнами от проступающей влаги, а с голландских печей, которые вряд ли были в состоянии обогревать огромные залы, отвалилась кафельная облицовка.

— Да, унылое зрелище, — согласился Савельич. — Хотя тут несколько раз делали ремонт, и после войны с Наполеоном производят ещё один. А потом даже устроят здесь водохранилище!

— В Башне? — изумился Рыжий.

— Да вот прямо тут, где мы сейчас находимся, — заявил книгочей. — Выложат зал плитами чугунными и наполнят водой. Получится целое озеро, где при желании можно на лодке кататься.

После недавних событий, связанных с эсминцем «Элдридж»*, упоминание о воде и лодке не вызвало энтузиазма даже у искателя приключений, не говоря о лохматом Рыжем, которому по возвращении из опасной спасательной экспедиции пришлось потратить немало усилий, чтобы привести свою шерсть в относительный порядок.

— А пока тут только старый архив Адмиралтейства, но он погибнет в пожаре, — завершил философ экскурс в историю.

— И ты так спокойно об этом говоришь?! — рассердился Брысь.

Рыжий удивился возмущению приятеля и успокоительно произнёс:

* События описаны в книге «Мифические эксперименты, или... Новые невероятные приключения Брыся и его друзей».

— Если бы документы были важные, то Люди бы их тут не оставили!

— Да я не об архиве, а о том, что огонь до Башни доберётся! — искатель приключений бросил обвиняющий взгляд на Савельича.

Книгочей смущённо потупился: ему действительно не пришло в голову соединить озвученный им факт с угрозой их собственным жизням. Неужели вновь обрётённая молодость отрицательно сказывается на мудрости, накопленной годами прилежных размышлений?! Философ огорчённо вздохнул и устремился дальше по галерее.

Лестница, винтовая каменная, похожая на те, по которым приходилось карабкаться путешественникам с одного подземного яруса на другой, обнаружилась прямо в стене при входе в средний зал...

Краткие комментарии для любознательных

Сухарева башня была построена из красного, хорошо обожжённого кирпича. Толщина стен башни в нижнем этаже — около 3 метров, в верхнем — около 1 метра. Но, несмотря на это, помещения башни уже к 30-м годам XVIII века сильно обветшали. В 1733 году помещавшаяся в башне Адмиралтейская контора доносила в Сенат: «При той башне с верхних и до нижних перил столб и со сводом обвалился, а в учебной палате среднего апартаamenta своды весьма от сырости плесневеют и от великих верхних палат тягости тронулись и опасно, чтобы людей не побило и нижние палаты, где глобус стоит, сводов не проломило и от того оногo глобуса не утратило, а в верхнем апартаменте палаты в сводах все протекли и перила ветхи и отшатались прочь и впредь от такой ветхости не без опасения, чтобы и мимоезжих людей не побило». В том же году был проведён ремонт, но уже через 17 лет, в 1750 году, протекла крыша, от влаги испортился пол, в верхней палате сгнил потолок и пр. В 1760 году черепичная крыша Сухаревой башни была

заменена железной, исправлены стены и парапет, покрыта железом по деревянным брусам и узкая галерея третьего этажа, а в двух арках — северной и южной третьего этажа — сделаны окна, «дабы не могло набивать снегом и дождём и не проходило бы течи». Однако в начале XIX столетия Сухарева башня снова пришла в такую ветхость, что в 1806 году решено было закрыть под нею проезд. По-прежнему текла крыша, гнили полы и колоды окон, пришли в негодность печи, белокаменные украшения окон частично отвалились и проч. Следующий ремонт в Башне производился уже после пожара, в 1813 году.

В 1829-1830 гг. Сухарева башня стала главным звеном городского водопровода: в восточном зале второго этажа, пользуясь необыкновенной крепостью кладки, устроили резервуар на 6500 вёдер, смонтированный из чугунных плит. Отсюда вода по трубам растекалась в водоразборные фонтаны и бассейны. Так башня стала водонапорной. В 1853-1854 гг. в процессе перестройки водопровода — заключения его в чугунные трубы и удвоения мощности в двух западных залах второго этажа — установили второй чугунный резервуар на 7000 вёдер. "Водопроводные функции" Сухаревой башни продолжались более шести десятилетий. В 1890-е, с вступлением в строй Крестовских водонапорных башен, резервуары Сухаревой башни были демонтированы.

Глава двадцать пятая, в которой появляется Дело №74

Следователь районного отделения полиции, капитан Сергей Анатольевич Петров, задумчиво побарабанил пальцами по тонкой картонной папке, на которой только что рядом с надписью «Дело №» аккуратно вывел синей шариковой ручкой цифры 7 и 4. Веса они не прибавили, зато добавили солидности. Оста-

валось переплести шнурки-завязки в бантик и сунуть папку в сейф, положив на стопку таких же, только значительно более пухлых. Однако вместо простого и привычного в конце рабочего дня действия Сергей Анатольевич снова открыл «Дело № 74», хотя точно знал, что, кроме единственного листочка с заявлением от пострадавших, в нём ничего нет.

Следователь перечитал странный текст. «Надо же, слово какое загадочное — «эликсир», — подумал капитан Петров. — Веет от него стариной и тайнами. А тут их целая обувная коробка! В сочетании с тремя котами затейливая наклёвывается история...»

Он взглянул на часы и захлопнул папку, чтобы в кои-то веки вовремя прийти домой, где его с нетерпением ждала немецкая овчарка Альма (на ближайший месяц вся его семья, так как остальные домочадцы, а именно: жена и дочка шести лет — отбыли в тёплые края, на Чёрное море к родственникам). Ровно в это мгновение ожил мобильный телефон, виртуозно исполнив «В лесу родилась ёлочка». (Мелодию звонка ему установила дочурка на Новый год, и вот уже несколько месяцев он забывал сменить мотив на что-нибудь более подходящее сезону. Хотя в летнюю жару напоминание о зиме было приятным и необременительным, да и очередной Новый год не за горами.)

— Слушаю! — по-служебному чётко произнёс капитан Петров, пробуя справиться с завязками на папке одной рукой.

— Здравствуйте! — раздался тоненький

детский голосок, и Сергей Анатольевич оставил попытку изобразить бант. Наоборот, потянул за шнурок, опять раскрывая «Дело № 74».

Звонил изобретатель и хозяин похищенных эликсиров, а значит — появились новости. Возможно, однако, что нетерпеливый мальчуган хотел узнать их от следователя.

Верным оказалось первое предположение: к списку пропавших добавились разукрашенный зелёной грызун с забавной кличкой Пафнутий и пёс Мартин гигантских размеров, который вчера усердно помогал эксперту-криминалисту в поисках зацепок.

— Когда это произошло? — заинтересованно спросил капитан.

— Утром! Мы с Пафнутием на дачу должны были ехать, а Саша с Мартином нас провожали, а потом Пафнутий выбрался из клетки, а потом мы думали, что он в нору забрался, а потом Мартин пропал!

— А почему звонишь ты, а не родители, твои или Сашины?

— Они стесняются, — бесхитростно поведал юный химик. — Говорят, что Мартина уж точно никто не мог похитить!

— М-да, тут не поспоришь, — согласился следователь. — А почему ты звонишь только сейчас, вечером?

— Мы надеялись, что они сами вернутся, — Вова Менделеев всхлипнул. — А меня завтра всё равно к бабушке отправляют! — пожаловался он, шмыгая носом.

Сергей Анатольевич снова посмотрел на часы:

— В таком случае, молодой человек, объявляю построение через тридцать минут у вашего дома. Прибуду с розыскной собакой!

В конце концов, Альму нужно выгулять, да и самому воздухом невредно подышать...

Мальчишки уже поджидали, держа наготове «личные вещи» пропавших: клетку грызуна и красную латексную утку — любимую игрушку огромного пса.

Альма с интересом обнюхала то и другое, после чего с важностью приступила к поискам. Для начала она повертелась на автомобильной стоянке, где, по словам зарёванных владельцев, исчез крыс Пафнутий и где за выходной субботний день накопилось немало посторонних и не относящихся к делу следов. Тем не менее молодая, но уже хорошо обученная команда овчарка уверенно протащила хозяина по зарослям сирени, а затем повлекла его дальше по улице.

Мальчишки с восторгом и надеждой устремились было за сотрудником следственных органов (к их великому сожалению, опять одетым не в парадную форму, а в футболку и джинсы), но капитан Петров строго приказал им оставаться во дворе, а ещё лучше — отправляться домой, чтобы родители не волновались.

Пробежка завершилась у Московского шоссе, по которому в обоих направлениях плотно двигались автомобили. Альма огорчи-

лась: хозяин запыхался, а ей так жалко было бросать успешно начатое расследование!

Сергей Анатольевич ласково погладил умную собаку по голове:

— Молодец, Альма!

И добавил в задумчивости:

— Говоришь, в сторону Москвы они двинулись?

Альма вдруг снова рванулась вперёд, так что капитан Петров едва удержался на ногах, и остановилась возле длинной брезентовой ленты, небрежно брошенной на обочине. При ближайшем рассмотрении лента оказалась собачьим поводком. Один из его концов был явно перегрызен.

— Намекаешь, что это сделал пёс?

Альма отрицательно помахала хвостом.

— Крыса?

Овчарка удовлетворённо гавкнула и тут же заскулила, призывая продолжить увлекательную «прогулку»...

Глава двадцать шестая, в которой происходит встреча с призраком

Лестница привела в просторное помещение, где пришельцы из будущего обнаружили ещё большее запустение, чем этажом ниже. Здесь своды потолка не просто покрылись пятнами, но почернели от плесени, а штукатурка во многих местах обвалилась.

— Видимо, крыша протекает, — со вздохом молвил Савельич, расстроенный жалким состоянием архитектурного шедевра.

— Бедный призрак, неуютно ему тут живётся, — посочувствовал добросердечный Рыжий.

Искатель приключений воспринял бытовые трудности привидения спокойно, рассудительно заметив, что нынешнее положение графа гораздо лучше грядущего пожара и тем более прозябания в мрачном холодном подземелье, где вельможе предстоит поселиться в будущем.

У дальней стены зала путешественники разглядели ещё одну лестницу, на этот раз деревянную, с подгнившими ступенями. Судя по всему, она вела в «столб», венчающий здание,

где на самом последнем этаже, по уверениям книгочея, находилась когда-то обсерватория, устроенная бывшим царским сподвижником, астрономом, астрологом и вообще уникальной личностью.

Внезапно вдалеке ударил колокол. К нему присоединились другие, в том числе и совсем близко от Башни. Тяжёлый низкий звук покотился над городом, наполняя воздух тревожной вибрацией, немедленно передавшейся котам. Пришельцы бросились вверх по лестнице, испуганно тараща глаза и мечтая, чтобы призрак в зелёном кафтане и пышном парике оказался «у себя». С ним было бы не так страшно пережить набат, сотрясающий кирпичные стены.

— Вдруг она рухнет? Что, если рухнет? — вопрошал Рыжий на бегу, дёргая пушистыми ушами и сконфуженно взглядывая на друзей.

Запыхавшийся Савельич нашёл в себе силы успокоить приятеля:

— В истории такой факт не отразился, а значит — Башня устоит.

Гул колоколов стих, но тишины не наступило: вместо неё со стороны Кремля донеслись ружейные выстрелы и крики, в которых русская речь смешалась с французской. Грохнули пушки. Пальба напугала птиц — они взмыли ввысь чёрными, истощенно вопящими стаями и принялись метаться по небу, словно грозовые тучи, гонимые ураганным ветром.

— Ах, что делается! Мыслимо ли град древний, великий, славный супостату на растерзание отдать?! Царь Питер никогда бы сие не допустил! — всхлипнул вдруг старческий голос.

Коты резко остановились, пытаясь унять колотящиеся сердца и отдышаться после стремительного подъёма.

Возле узкого прямоугольного окна небольшой комнаты спиной к пришельцам зависло привидение. Из знакомых деталей внешнего облика на нём имелся только пышный седой парик. А вот одет призрак был весьма странно: сверху донизу закован в блестящие железные латы, будто рыцарь перед смертельным поединком.

— Это воинская хитрость фельдмаршала Кутузова! — наконец решился философ привлечь внимание бесплотного духа.

Тот вздрогнул и... растворился в воздухе.

— Кто-нибудь успел его разглядеть? — обратился озадаченный Брысь к приятелям.

— По парикку вроде бы наш граф, а по остальному вроде не он, — растерянно пробормотал Рыжий.

Призрак вернул себе «видимость» и в удивлении уставился на непрошенных гостей, а друзья облегчённо перевели дух: из-под кудрявых накладных волос на них таращился Яков Вилимович Брюс собственной персоной.

— Что сие означает — «ваш граф»? — с любопытством спросило привидение.

— Вы нас не узнаете? — опешил искатель приключений.

— А должен? — искренне изумился старик.

— Мы вас тоже не сразу узнали, — при-шёл на выручку приятелю Рыжий. — На вас ведь кафтан зелёный был, а ещё кружева и пуговицы золотые!

Призрак неуловимым образом сменил облачение, приняв знакомый котам облик, но на его памяти это никак не отразилось — он по-прежнему взирал на своих посланцев в полном недоумении.

— Я всё понял! — воскликнул Савельич. — Вы не тот граф, который нас в прошлое за Книгой отправил. В том смысле, что вы до того ещё не дожили.

И, обернувшись к друзьям, философ пояснил:

— Он хоть и бесплотный дух, а во времени не перемещается.

— А вам сие, значит, подвластно? — съехидничало привидение и тут же потребовало: — Тогда скажите немедленно, что с Москвой-матушкой станет?

— Пожар ей большой грозит, — мрачно вздохнул Брысь.

Призрак ахнул и горестно запричитал:

— А Ростопчин-то, генерал-губернатор московский, всю пожарную команду из города вывел, вместе с обозами и всей амуницией! Как тушить будут?! И кто?! Жителей почти не осталось...

Добросердечный Рыжий хотел было утешить старика заверением, что город отстроят, но снаружи снова грохнул пушечный выстрел и бывший дворцовый мышелов оцепенел от страха...

Краткие комментарии для любознательных

Граф Ростопчин Фёдор Васильевич (1763 — 1826) — генерал-адъютант (с 1796). В мае 1812 г. был назначен главнокомандующим (генерал-губернатором) Москвы. В августе 1812 г. в соответствии с указом Александра I организовал своевременный вывоз из Москвы государственного имущества, сокровищ Оружейной палаты, Патриаршей ризницы, Троицкого и Воскресенского монастырей. В намеченные сроки из столицы были эвакуированы Сенат, военная коллегия, архив Министерства иностранных дел. По поводу эвакуации пожарных труб (96) и команды (2100 человек) граф заявлял, что не хотел, чтобы ими воспользовался Наполеон. 19 сентября 1812 г. Ростопчин велел поджечь своё подмосковное имение Вороново и так писал об этом: «Я сжёг Вороново, потому что это моя собственность. Я не хотел, чтобы моё мирное любимое жилище было осквернено присутствием французов». Во время оккупации Москвы, живя во Владимире, он своими посланиями поднимал крестьян против захватчиков. После оставления французами Москвы Ростопчин много сделал для её восстановления и обустройства жителей. К началу января 1814 г. было вновь построено и отремонтировано после пожара 4806 каменных и деревянных домов, что составило более половины существовавших на 1 июня 1812 г.

Глава двадцать седьмая, в которой Альма продолжает распеклование

Сергей Анатольевич посмотрел в умоляющие глаза своей питомицы, рвущейся показать навыки, приобретённые в собачьей школе, и вспомнил ещё более умоляющие глаза малолетних владельцев пропавших животных. Что ни говори, а история закрутилась лихо. Взрослый пёс, да ещё в компании с грызуном без веской причины хозяев бы не бросили. Не подлежало сомнению, что они отправились по следам похищенных приятелей.

— А вдруг ниточка до самой Москвы тянется? — с укоризной обратился капитан Петров к овчарке. — Семьсот километров не шутка, даже если мы поедem на машине!

Альма виновато склонила голову набок и призывно тявкнула.

— Напекаешь, что завтра выходной? Собака радостно завиляла хвостом.

— Всё ясно! Покататься хочешь! — поддел «напарницу» Сергей Анатольевич.

Впрочем, желание размотать таинственный клубок охватило и самого следователя, а потому он позвонил начальству и уведо-

мил о новых обстоятельствах в «Деле №74», которые вынуждают его, капитана Петрова, совершить многокилометровый вояж. Вполне вероятно, до самой столицы. И хотя он готов пожертвовать собственным выходным, одного дня может не хватить, даже с учётом того, что начать он собирается прямо сейчас, на ночь глядя, чтобы облегчить Альме задачу по выявлению нужных запахов...

Спустя всего сорок минут в плотный поток машин, в крайний правый ряд влилась тёмно-зелёная «Шевроле-Нива». Невысокий темп движения вполне устраивал сыщика и его собаку. Всё равно они периодически останавливались, чтобы Альма могла выскочить на обочину и удостовериться, что пёс Мартин и крыс Пафнутий следовали именно этим маршрутом, а не свернули куда-нибудь в сторону.

Вскоре Сергей Анатольевич заметил, что радостно-оживлённое выражение на морде молодой овчарки, впервые участвующей в настоящем деле, сменилось озабоченностью и даже грустью.

— Что случилось, Альма? Плохо читается след? — ласково обратился он к питомице.

Альма вздохнула — как доступно объяснить хозяину, что бедный пёс, которого они ищут, натёр себе подушечки до кровавых мозолей и, наверное, очень страдает от боли?! Немного подумав, она подняла правую переднюю лапу и лизнула её.

— Поранилась? — встревожился Сергей Анатольевич, но овчарка недовольно гавкнула

в ответ и выразительно потянулась языком к другой лапе.

Капитан Петров сообразил:

— Наш пёс поранился? Немудрено — столько по щебню пробежать!

На автозаправочной станции, где сыщик остановился, чтобы пополнить запасы топлива, Альма совсем разволновалась, норовя выскочить в приоткрытое для неё окно. Сергей Анатольевич выпустил собаку и понаблюдал, как она, покрутившись на площадке, принялась обнюхивать колёса выстроившихся к бензоколонкам машин.

— Всё ясно, — позвал он питомицу, — дальше они отправились в чьём-то автомобиле. Усложнилось наше дело, — посетовал он, когда Альма с понурым видом вернулась в машину. — Ничего, не переживай, ещё не всё потеряно! Для чего людям даны глаза? — озадачил капитан Петров молодую овчарку и сам же пояснил: — Чтобы по сторонам глазеть!

Следователь отправился к служащим АЗС, и спустя несколько минут он и его верная «напарница» уже владели информацией: всего пару часов назад гигантских размеров пёс, описание которого полностью совпало с выдающейся наружностью Мартина, запрыгнул в кузов «газели» с рекламой грузоперевозок на бортах. Более того, камеры видеонаблюдения зафиксировали номерные знаки транспортного средства!

На ближайшем посту ДПС удалось выяснить, кому принадлежала машина.

— Видишь, какая польза от современ-

ных технологий! — похвастался сыщик человеческими достижениями. — Теперь подключим коллег. Нечего им спать, когда мы с тобой вовсю трудимся! Пусть добудут телефон водителя.

Альма согласилась со всеми утверждениями хозяина и с чувством временно исполненного долга улеглась на заднее сиденье, чтобы подремать.

«А этот Мартин симпатичный, — подумала она, закрывая глаза. — Интересно, у него есть подружка?»

Глава двадцать восьмая, в которой Брыся осеняет догадка, а в Башню являються новые «гости»

Призрак, не касаясь пола, но перебирая ногами (видимо, по сохранившейся привычке) метнулся к дугообразной арке — проходу в соседнее помещение. А точнее — к старинному шкафу в простенке слева от неё. Возможно, когда-то на пустых запылившихся полках и за распахнутыми,

затянутыми паутиной дверцами с искусной резьбой громоздились книги по астрономии и приборы для исследований ночного неба.

— Ах, мне бы силу в руках! — с досадой воскликнул граф Брюс и доверительно сообщил нежданным визитёрам: — Тайник у меня имеется, а в нём труба зрительная. Кабы достать удалось, не мучились бы сейчас неизвестностью, поелику с высоты нашей весь град как на ладони лежит!

Брысь, будучи опытным кладоискателем, деловито осведомился:

— Куда нажимать?

Бесплотный дух повеселел:

— Под шкапом камень по центру нижнего ряда!

Любитель приключений и автор данного графу обещания со вздохом оглядел свой белоснежный живот и забрался под указанный предмет мебели, проделав борозду в толстом слое пыли.

Впечатлительный Рыжий довёл глаза до размеров чайных блюдец и затаил дыхание, а Савельич, не выдержав напряжения, присоединился к Брысю. Вдвоём они изо всех сил упёрлись в секретный кирпич, раза в полтора больше тех, из которых была сложена их девятиэтажка.

— Толкайте, толкайте! — азартно поднабивал призрак и в нетерпении теребил концы длинного парика.

Добровольные помощники поднатужились и вскоре были вознаграждены — кирпич

подвинулся, издав почему-то металлический скрежет.

— Уж сколько лет не пользовался — заржавел механизм, — посетовало привидение, объясняя странный звук. — Сырость в Башне и холод, а сие для железа первейшие враги есть!

— Где же тайник? — разочарованно выдохнул Рыжий, заглянув под шкаф, где Брысь и Савельич с удивлением рассматривали получившееся небольшое углубление.

Граф Брюс хихикнул и таинственно понизил голос:

— Уж точно не здесь! Сие слишком просто было бы для гениального механика, каковым являлся ваш покорный слуга. Извольте следовать за мной, — важно добавил он и увлѣк всех под арку.

Толщина стены, в которой она была проделана, впечатлила пришельцев.

— В нашем бы доме такие перегородки, а то никакой звукоизоляции! — позавидовал Рыжий, а Брысь замер, поражѣнный внезапной догадкой:

— Точно! Вот как они про нас узнали! И про то, что мы в квартире одни остались! Наверное, знакомый вашего сообщника — наш сосед либо сверху, либо сбоку, — в горячности обратился искатель приключений к бесплотному духу, от волнения забыв, что нынешнее привидение не в курсе грядущих событий.

Граф растерянно поморгал выпуклыми глазами:

— Моего сообщника?

Пришлось вкратце рассказать бывшему генерал-фельдмаршалу, какими несправедливыми путями добыл он себе посланцев в прошлое. Однако больше всего Якова Вилимовича потрясло известие, что Башню разрушат до основания.

Призрак в унынии завис в переходе между комнатами и погрузился в продолжительное молчание, в течение которого путешественники во времени прислушивались к звукам, доносящимся через окна: редким выстрелам и вскрикам, цоканью лошадиных копыт, бодрым тактам «Марсельезы» (видимо, по городу в сопровождении оркестра двигалась вражеская конница), тревожному хлопанью птичьих крыльев...

— Сие странно есть, — наконец вымолвил дух графа Брюса, — множество собратьев ваших по Башне шастало, а ни с кем беседовать не довелось...

— Это потому, что мы особенные! — раздался вдруг тонкий голосок.

Присутствующие изумлённо оглядели друг друга, пытаясь определить, кто из них явился источником писклявого звука, а затем поспешно обернулись, осенённые счастливой догадкой.

Впрочем, счастливой она была только у котов, а хозяин заброшенных апартаментов поторопился исчезнуть при виде огромной псины с зеленоватой крысой на голове. «Прямо

нашествие какое-то!» — возмущённо подумал призрак, взлетая под своды потолка и надвигая на глаза парик, чтобы не стать свидетелем жестокой драки.

Вновь прибывшие действительно сцепились с оторопевшими от неожиданности котами, однако не в безжалостной схватке, а в радостных объятиях. Из чего следовало, что представители фауны, самой природой разведённые по враждующим кланам, прекрасно знакомы и вполне ладят. Весёлое недоумение котов вызвала лишь зеленоватая окраска грызуна, и Яков Вилимович с облегчением предположил, что мелкий зверёк обычно выглядит более традиционно.

Граф Брюс вернул себе видимость и плавно спустился, с любопытством взирая на новых «гостей» ...

Глава двадцать первая, в которой друзья снова вместе

- Ваше сиятельство, а вы с возрастом ничуть не изменитесь! — пропихивал Пафнутий, решив начать с комплимента. — И кафтан ни капельки не износится!

— А вы-то его откуда знаете?! — изумился философ.

— Неужели вас тоже усыпили и похитили?! — добавил Рыжий, с сомнением оглядывая габаритного Мартина и прикидывая, сколько человек потребовалось для его перетаскивания.

Граф округлил глаза и приподнял брови, выслушивая очередную историю о своём коварстве. Но смущение бывшего учёного многократно умножилось, когда зеленоватый грызун с видом знатока поведал о некоем электромагнитном излучении, в котором побывали необычные визитёры и которым объяснялись их удивительные качества, а с ними — привлекательность для злоумышленников.

— Вы разбираетесь в физической науке? — уважительно поинтересовался призрак.

— Вообще-то, я химик и экономист, — дружелюбно посверкивая рубиновыми глазками-бусинами, заявил зверёк, чем окончательно потряс собеседника.

Мартин и коты ухмыльнулись, но не стали портить несостоявшейся звезде экрана минуту славы, тем более что «м.н.с.» её вполне заслужил храбростью, с какой присоединился к операции по спасению друзей.

— Вы уже забрали Книгу? — с воодушевлением спросил Пафнутий, озираясь вокруг в надежде увидеть таинственный предмет.

Привидение нахмурилось и буркнуло:

— Не ведаю, о чём твердить изволите.

— Ну как же?! Вы же сами нас за ней отправили! — возмутился Мартин. — Ещё

место в подземелье указали, куда Книгу перепрятать, чтобы она не пропала!

Рыжий миролюбиво пояснил:

— Мы как раз в тайник направляемся. За трубой зрительной.

— В трубу будем Книгу искать?! — восторженно пискнул потомок отважных мореплавателей, снова вообразив себя на капитанском мостике (который в данный момент прекрасно заменяла голова Мартина).

— Нет, — прервал его мечтания Брысь, — посмотрим для начала, что Бонапарт делает.

Пафнутий и Мартин похлопали разновеликими ресницами, выдавая равновеликую неосведомлённость о том, кто такой Бонапарт. Савельич открыл рот, чтобы просветить неучей, однако его опередил призрак.

— Сие хорошо, что вы такой огромный, — одобрил он размеры пса. — Понеже камрадам вашим туговато бы пришлось...

Седой от времени и постоянной влаги кирпич, на который, по распоряжению графа, опять следовало надавить, находился в стене под аркой на высоте человеческого роста, так что коты не поняли, почему его сиятельство употребил слово «туговато». Не появивсь Мартин, задача оказалась бы попросту невыполнимой!

Пафнутий крепче вцепился в короткую шерсть на голове приятеля, намереваясь быть первым, кто увидит тайник знаменитого чернокнижника (хотя сам Яков Вилимович,

судя по всему, собирался ограничиться славой астронома).

...На голову Мартину «м.н.с.» перебрался сразу, как только они выскочили на поверхность, на бешеной скорости промчавшись по подземелью по следам котов. То есть проделал всё пёс, но Пафнутий чувствовал себя так, словно пробежал дистанцию на собственных лапках. Во всяком случае, свист в ушах, тяжёлое дыхание и напряжение в мышцах он испытал в полной мере. И если бы кто-то сказал, что перечисленные признаки всего лишь результат его стараний не свалиться с загровка Мартина, он бы ни за что не согласился!

С новой высоты открылись новые горизонты: сначала мирный сельский пейзаж, затем городские улицы, поглощённые тенью гигантского каменного монстра, затем...

— погоди! Нам не туда! — заупрямился «м.н.с.», когда пёс собрался взлететь по ступенькам лестницы необъятной ширины и невероятной высоты.

— Туда-туда! — решительно ответил приятель, доверяя своему нюху.

Однако Пафнутий, потянув цепкими коготками за собачье ухо, попытался развернуть «транспортное средство» в направлении дощатых столов, добротно сколоченных и выстроившихся на площади перед мрач-

ным зданием Башни. Бывший «пособник» воров-карманников безошибочно угадал в них торговые ряды. По неизвестной причине они пустовали, чем уже воспользовались дальние серые родственники «м.н.с.», а также воробы, галки, вороны и тощие бродячие псы с не менее худыми котами, которые поспешно ретировались при виде мощного чужака и его зеленоватого «напарника». Впрочем, их вполне мог спугнуть внезапный колокольный набат и выстрелы.

Пафнутий тоже испугался, но голод перешибил страх, а потому он настойчиво потребовал:

— Давай сначала заглянем на базар. Наверняка найдём, чем подкрепиться!

Мартин с тоской обернулся на крутые ступени, по которым убежали приятели (долгое петляние котов по подземелью позволило «спасателям» почти нагнать пропавших), но желудок предательски встал на сторону грызуна.

— Ладно, только быстро! — уступил пёс, обоняние которого уже вовсю впитывало ароматы продовольствия, совсем недавно возлежавшего на деревянных настилах.

Пафнутий оказался прав: Люди обошлись с продуктами довольно небрежно, оставив «угощение» в виде разбитых яиц и опшётков мяса, застрявших в щелях между досками. Мартин даже прихватил несколько кусочков для друзей, почему-то не уделивших внима-

ния продуктовому рынку. Наверное, не были такими голодными, как они с Пафнутием.

В последнее особенно хотелось верить, поскольку во время подъёма на Башню подарки бесследно растворились в пасти ...

Глава тридцатая, в которой Альма находит свищетеля

Альма почувствовала Москву издали, и невероятное количество запахов привело её в сильное волнение. Молодая овчарка тревожно ёрзала на заднем сиденье автомобиля, то высовываясь в окно, то снова прячась в салон; прижималась мордой к плечу Сергея Анатольевича и жарко дышала ему в ухо, отвлекая от дороги.

«Не справлюсь! — обеспокоенно думала Альма. — Подведу хозяина и мальчиков, которые в меня поверили!»

Капитан Петров понял состояние своей «напарницы» и ободряюще произнёс:

— Не переживай ты так! С водителем мы созвонились. Наши беглецы действительно воспользовались его «услугами», и

он подробно объяснил, в каком месте они выпрыгнули из кузова и на какую сторону улицы перебежали. Считай, что мы их почти нашли!

Припарковав машину на проспекте Мира рядом с аркой, в которую, по свидетельству водителя газели, забежала необычная парочка, капитан Петров и его «розыскная» собака приступили к исследованию местности.

Снова занявшись делом, Альма успокоилась и перестала обращать внимание на посторонние звуки и запахи, хотя сначала они набились к ней в уши и ноздри, словно пух из разодранной подушки. Следы недавнего пребывания в подворотне симпатичного пса Мартина и смешного грызуна, пахнувшего зелёнкой, вселили в «сыщицу» надежду на скорую встречу с пропавшими. Однако её постигло разочарование...

Альма снова и снова водила носом по нагретой солнцем тротуарной плитке и недоумевала: «Он что, упал? Но тут нет ничего, обо что можно споткнуться! Ему стало плохо? Но он молодой и здоровый! А тот, кто его поднял и увёз в своей машине, друг или враг? Хотел помочь или навредить?..»

Вопросы теснились в голове молодой овчарки, но ответов она не находила. Однако сдаваться и опускать лапы начинающая «сыщица» не собиралась и повлекла Сергея Анатольевича дальше по тротуару, изо всех сил втягивая ноздрями воздух чужого города.

Оказавшийся на пути перекрёсток поставил перед ней очередную дилемму: сворачивать на другую улицу или спуститься в подземный переход и продолжить двигаться вдоль проспекта?

Альма подняла морду, ища подсказку в глазах «старшего по званию», но тот, кажется, решил полностью довериться собачьему чутью. Вздохнув, она отправилась по убегающим вниз широким ступеням.

А дальше случилось чудо. Или это называется везением? А может, у неё сработала интуиция прирождённого детектива?

Что бы это ни было, но оно привело к неопрятного вида мужчине мощной комплекции, который восседал посреди подземного перехода, прислонясь спиной к прохладной кафельной стене. Дух, который исходил от субъекта, заставил Сергея Анатольевича задержать дыхание, и он потянул Альму, чтобы скорее подняться снова на улицу. Однако «напарница» вдруг уткнулась прямо в источник жуткого запаха и ликующе замахала хвостом, а потом ещё принялась отрывисто лаять, объясняя свой выбор.

Шум привлёк внимание наряда полиции, и капитану Петрову пришлось предъявлять удостоверение и рассказывать, что привело его в столицу. Альма между тем караулила «находку», которая при виде полицейских сделала попытку подняться на ноги и смыться, но не смогла осилить и первую задачу.

— Получку получил! — икнув, объяснил гражданин своё нетрезвое состояние.

— От кого? — резонно поинтересовался один из московских коллег Сергея Анатолевича.

Связно описать человека, который подрядил его для перетаскивания огромного пса по каким-то старым туннелям, дурно пахнущий субъект не смог, зато сообщил любопытную подробность — наниматель постоянно разговаривал с кем-то, чьих шагов не было слышно, обращаясь к нему «ваше сиятельство».

— Допился ты до белой горячки, — констатировал полицейский из наряда.

После всех странностей, что имелись в «Деле № 74», следователь Петров не был настроен столь же категорично, а потому продолжил расспросы. Однако пробиться сквозь сумбурные показания «свидетеля» относительно места, где начинался спуск в подземелье, оказалось не под силу даже патрульным, хотя они знали каждую подворотню в округе и каждый подозрительный подвал.

— У меня приятель есть, из диггеров, — вспомнил один из полицейских. — Может, он в курсе, поскольку это вот «сиятельство» ещё долго не сможет ничего показать...

Глава тридцать первая, в которой грузья нападают в потайную комнату

Кирпич не смог противиться усилиям могучего пса, и прищельцы снова услышали металлический скрежет, а призрак кинулся к противоположной стене, возбуждённо тыча пальцем в следующий камень, который надлежало задействовать. Глаза его сиятельства лихорадочно блестели, парик сбилсЯ на сторону, ноздри раздувались, придавая графу безумный вид.

Впрочем, одержимость охватила всех присутствующих: Пафнутий нетерпеливо подпрыгивал на голове приятеля, по кошачьим телам пробегала нервная дрожь, белая кисточка на хвосте Мартина неистово трепыхалась. Никто из путешественников не верил, что в столь тщательно спрятанном тайнике хранилась лишь подзорная труба для наблюдения за отдалёнными объектами. Если только она не покрыта бриллиантами, изумрудами и рубинами...

Брысь с сожалением отметил, что Мартин явился без своего кожаного ошейника, а значит, эликсир, которым воспользовались

приятели, был из «старой» партии и самого крепкого члена команды не удастся нагрузить сокровищами. Хотя... ценности можно перетащить в подземное хранилище, указанное призраком из будущего. Графу ведь только Книга нужна, а у искателя приключений много неосуществлённых спонсорских проектов: выплаты по ипотеке за Сашину квартиру, финансовая помощь на содержание эрмиков, морской круиз для Пафнутия, если потомок корабельных грызунов не передумал...

Метания по комнатам и нажимания на потайные камни наконец завершились. Невидимый механизм, приведённый в движение стараниями Мартина, хоть и скрежетал натужно, но отворил секретную дверцу, которая для непосвящённых выглядела просто частью стены рядом с голландской печью. На самом деле кирпичи оказались наклеенными на деревянный щит, отъехавший в специальную полость и открывший изумлённым путешественникам не просто тайник, но целое помещение! Хотя и тесное из-за присутствия гигантского пса.

— Алхимическая лаборатория! — высказался Савельич на правах книгочея и философа.

Многочисленные полки были заставлены пыльными колбами и ретортами всевозможных форм и размеров. Некоторые из них соединялись сложным переплетением стеклянных трубок. Со стороны потайной комнаты «голландка» имела открытый очаг и, судя по

закопчённым бокам, некогда часто использовалась. На дубовых столах возлежали груды железа, в которых пришельцы с удивлением распознали части человеческого тела, точнее — робота.

— Вот, помощника себе мастерил, — вздохнул бывший учёный.

— Ого! — с уважением отозвались путешественники во времени, а «м.н.с.» сочувственно пискнул:

— Не получилось?

Граф приосанился:

— Изволью напомнить, что ваш покорный слуга — гениальный механик! И в доме моём городском, что на Первой Мещанской, тут недалеко, кукла самодельная мне и гостям за столом прислуживала: чай разливала и трубки курительные подавала.

— Курить вредно, это я, как химик, ответственно заявляю! — перебил «м.н.с.», а Яков Вилимович опять округлил глаза, не в силах привыкнуть, что зеленоватый грызун не просто зверёк, но коллега.

Пафнутий ловко перебрался с головы Мартина на ближнюю полку и отправился исследовать её содержимое, рисуя хвостом замысловатые узоры на «холсте» из пыли. Коты проследили за шустрым приятелем, а Рыжий даже сглотнул, нестати вспомнив, что в последний раз обедал ещё дома. А ведь после этого произошло столько всяких событий! В животе бывшего дворцового мышелова

заурчало, и Савельич бросил на друга сочувственно-понимающий взгляд, поскольку его собственный желудок тоже был пуст, а в голове теснились отнюдь не философские мысли.

Долго предаваться созерцанию, опасному для здоровья «м.н.с.», Рыжему и Савельичу не пришлось — искатель приключений отвлёк их внимание нетерпеливым восклицанием:

— Где же труба?

Призрак переместился к одному из стеллажей и торжественно произнёс:

— Вот! Между прочим, зеркала металлические я изобрёл, взамен тех, что сэр Исаак Ньютон из сплава мышьяка, олова и меди производил.

Брысь в изумлении уставился на громоздкий предмет, никак не меньше двух метров в длину, и осторожно провёл по нему лапой — блеснул желтоватый латунный бок.

— Имел ещё одну, самолично сделанную, больше восьми сажень! — похвастался его сиятельство. — В имении моём, что в Глинках, обсерваторию соорудил, как в отставку вышел.

— В одной сажени больше двух метров... Ого, получается почти восемнадцать! — быстро пересчитал Савельич.

Искатель приключений сокрушённо вздохнул:

— Да и это не труба, а целый телескоп! Как мы её потащим?!

Бывший астроном с надеждой воззрил-

ся на Мартина, но пёс ответил растерянным взглядом — уж слишком габаритной была вещь! К тому же астрономический прибор наверняка требовал бережного обращения...

Глава тридцать вторая, в которой Альта становится диггером

Аиггером и вообще знатоком Москвы оказался молодой человек по имени Костя. Заинтересовавшись историей пропавших животных, он прибыл довольно быстро. По скудным приметам, которые выдавил из себя «свидетель», юноша определил, в подвале какого дома мог начинаться таинственный путь в глубины старинного лабиринта.

— Тут ведь когда-то Сухарева башня стояла. Когда метро копали, наткнулись на её фундамент, а под ним оказалось несколько уровней подземных лабиринтов! — весело рассказывал диггер, сопровождая капитана Петрова и Альму к месту предположительного спуска. — Вероятно, ходы, прорытые ещё

при Иване Грозном, соединили с более поздними. Существует легенда, что в каком-то из них спрятана знаменитая царская библиотека. И Наполеон по одному из таких туннелей от пожара из Кремля бежал! Верхними «этажами» сейчас пользуются всякие сомнительные личности, а вот на нижние почти никто не заходит, не отваживается — уж слишком они запутанные!

Нужный подвал был закрыт на замок. А то, что подвал именно тот, подтвердила Альма, сразу уловив запах пса и грызуна. Котами тоже пахло, и «сыщица» надеялась обнаружить всю компанию разом, полностью исполнив долг перед мальчиками — владельцами похищенных питомцев.

Сергей Анатольевич пожалел, что отказался от помощи московских полицейских: ему-то служащие местной жилищной конторы вряд ли откроют вход в подвал. Диггер Костя, впрочем, даже и не думал обращаться к кому-то за разрешением. Он извлёк из рюкзака, с которым явился на встречу, связку разнообразных ключей и быстро справился с замком.

— Ну, Альма, теперь твоя очередь, — смирившись с вынужденным нарушением закона, произнёс капитан Петров.

Молодая овчарка уверенно провела спутников по обветшалым помещениям с не менее ветхими коммуникациями и демонстративно уселась перед одним из простенков. На первый взгляд, в нём не было ничего

особенного, а уж тем более прохода. Однако поведение «напарницы» не оставляло сомнений — он здесь. При свете Костиного фонарика Сергей Анатольевич скрупулёзно исследовал поверхность и под облупившейся масляной краской обнаружил крохотную замочную скважину.

— М-да, под специальный ключик делалось, — задумчиво протянул диггер и вместо уже знакомой связки вытащил из рюкзака набор отмычек. — В нашем деле без них никак, — объяснил он. — В подземельях мы часто натываемся на запертые двери.

Преодолев очередное препятствие, троица оказалась на чугунной винтовой лестнице, словно огромный бур пронзившей старинный каменный пол.

«Ну, держись крепче за поводок!» — предостерегла Альма хозяина выразительным взглядом и ринулась в темноту. Правда, вскоре пришлось умерить пыл, так как Люди за ней не поспевали. Особенно диггер Костя, которому очень хотелось внимательно изучить неизвестные ему ранее подземные ходы, а потому он постоянно останавливался и отставал.

Туннели разветвлялись, лестницы сменяли друг друга, воздух становился всё более спёртым, камни всё более замшелыми, и если бы не Альма, то не только капитан Петров, но и опытный диггер давно бы заплутали и впали в отчаяние.

Внезапно впереди показался колеблющийся свет, видимо от свечей, и Костя выключил фонарик, чтобы не выдать появление их группы.

— Альма, стой! — шёпотом отдал команду Сергей Анатольевич. «Напарница» обиженно оглянулась: она и сама сообразила!

— Это ваша вина, граф! Из-за дурацкой книги я лишился всех образцов для исследования! — недовольно выговаривал кому-то мужской голос.

После небольшой паузы (словно неизвестный собеседник — обладатель высокого титула — сказал в ответ несколько слов) голос продолжил:

— Да я уже тысячу раз слышал об эликсире бессмертия, но, простите, не верю в его существование!

Осторожно ступая и почти не дыша, следователь и его маленькая команда приблизились к чуть приоткрытой невысокой двери (явно древнего происхождения: с закруглённым верхом, накладными коваными лентами и железными заклёпками на массивном дубовом полотне) и заглянули в щель. По небольшой комнате, похожей на врачебный кабинет, вышагивал, нервно жестикулируя, мужчина лет сорока, среднего роста и комплекции, с наметившейся лысиной на голове, в очках и с причудливым рисунком на лице, из-за которого он был похож на индейца в боевой раскраске. Судя по голосу — автор произнесённых

ранее реплик. Никакого «графа» рядом с ним не наблюдалось, как и животных, чьи следы привели именно сюда...

Краткие комментарии для любознательных

Основу библиотеки Ивана Грозного составляли книги, привезённые византийской принцессой Софьей Палеолог в качестве приданого своему жениху Ивану III (деду Ивана IV Грозного). В то время в Москве все здания были деревянными и часто возникали пожары. Для сохранения книг Софья Палеолог выписала из Италии талантливого архитектора, которому поручила построить под Кремлём каменный тайник для своего «приданого». При Иване Грозном доступ в эти хранилища был разрешён только самым преданным людям, входящим в ближайший к царю круг. Предания гласят, что Иван IV собрал несколько сотен древнейших свитков из папируса, а также множество пергаментных книг. Эта библиотека получила название Либерея. После смерти монарха её следы потерялись, а вся информация о ней постепенно превратилась в легенду. Одним из тех, кто искал уникальную библиотеку Ивана Грозного, был и Наполеон Бонапарт. Когда французское войско вошло в Москву в 1812 году, первым его приказом стало поручение искать Либерею в подземельях Кремля. Однако французы ничего не нашли.

Подземная Москва — огромная загадка. Говорят, что это целый город, а диггеры насчитывают 12 его уровней. Исследователи утверждают, что недра столицы напоминают термитник или головку голландского сыра: к началу XIX века центр Москвы уже был изрыт во всех направлениях. А XX век прибавил к проложенным ходам новые, по которым прошли поезда метро и протянулись коммуникации. Ещё Иван Грозный велел вырыть подземные ходы от Кремля к Земляному валу и к лесной чаще, на месте которой ныне расположены Красные Ворота и Мясницкая улица. Один из выходов этого лабиринта находится в подвале дома на углу Большой Никитской и Кудринской площади. В более поздние времена появились подземные ответвления — под башню Меншикова, «масонские дома», дом князя Пожарского, здание Тайной канцелярии. Тайные ходы были под всеми многочисленными монастырями старой Москвы и под её древними церквами, эти каменные строения с толстыми стенами легко превращались в крепости. Огромные комплексы таинственных сооружений до сих пор существуют на Таганке и в Хамовниках, от Лубянки есть прямой подземный ход до Кремля. Особенно много подземных кори-

доров внутри холмов, на которых стоит Москва: у Таганки, Китай-города, под Воробьёвыми горами. Однако до сих пор не обнаружены древние подземные ходы под Москвой-рекой, о которых упоминается в исторических документах.

Глава тридцать третья, в которой Пафнутий отправляется на поиски сокровищ

Только стекло и железо, никаких драгоценностей! — огорчённо доложил Пафнутий, вернувшись из «экспедиции» по алхимической лаборатории.

При виде компаньона-кладоискателя, а точнее — его длинного изумрудно-зелёного хвоста, глаза Брыся вспыхнули:

— Нам нужна верёвка!

Бесплотный хозяин апартаментов засуетился, пытаясь вспомнить, где у него что лежит.

Наконец, с помощью всё того же Мартина, из пыльного плена был извлечён внушительный моток пеньковой косички, дожидавшийся своего часа на крюке, вбитом в стену.

Яков Вилимович с восторгом понаблюдав,

как ловко, с помощью одних только зубов, спеленали коты его латунное детище. Грызун переплёл верёвку в узел, а могучий пёс надёжно затянул концы и поволок телескоп к окну, откуда открывалась панорама покинутого жителями города.

Дубовый стол, который должен был послужить подпоркой для тяжёлого и длинного астрономического прибора, жалобно скрипел и грозил развалиться, пока на него водружали «зрительную трубу», для чего на запылившуюся поверхность сначала взгромоздился Мартин.

Генерал-фельдмаршал руководил процессом, корректируя слаженность действий, а «м.н.с» бесстрашно забрался в оконную нишу и через распахнутую створку всмотрелся в горизонт, выбирая подходящий для наблюдения объект. Однако взгляд рубиновых бусинок как магнитом тянуло вниз, к торговым рядам на площади перед Башней. Туда снова вернулись окрестные коты и собаки. С высоты они казались мелкими и безобидными, похожими на мышей, его дальних родственников.

Интересно, в трубу будет видно, что именно они едят? Пафнутий украдкой оглянулся на хлопотавших возле Мартина котов — целеустремлённое выражение на физиономиях приятелей свидетельствовало о том, что некий Бонапарт им гораздо важнее продуктов питания. «М.н.с.» набрал побольше воздуха в лёгкие и страдальчески выдохнул, до преде-

ла втянув грудную клетку, но на ухищрения грызуна никто не обратил внимания. Воодушевлённые многообещающим: «Ну-с, посмотрим-посмотрим!» — путешественники во времени сгрудились вокруг бесплотного астронома. Тот прильнул одним глазом к телескопу, который Брысь и Рыжий тщательно протёрли хвостами с обоих концов.

«Ну и ладно! — обиделся Пафнутий. — Пойду ещё раз по лаборатории пройду. Не может быть, чтобы в таком старинном месте да без драгоценностей! Наверное, запылились сильно, вот их и незаметно».

Кладоискатель просеменил в потайную комнату, а его сиятельство наконец воскликнул:

— На горе Поклонной группа всадников! В трубы зрительные Москву изучают. Не иначе, Бонапарт среди них!

Граф Брюс подвинулся, уступая место перед окуляром своим «гостям».

— Ван Дейк, давай ты! — предложил Рыжий, по справедливости поставив многоопытного друга в самое начало «очереди».

Однако Брысь, как ему ни хотелось поскорее заглянуть в таинственный зрачок телескопа, рассудил, что первенство в этом деле должно принадлежать книгочею.

— Он Наполеона на картинках видел, так что непременно его узнает! — объяснил искатель приключений своё решение.

Савельич, слегка взволнованный от нава-

лившейся на него ответственности, уставился в старинный прибор (впрочем, ему и в современные смотреть не доводилось).

— Ой, они прямо на меня глядят! — завопил ошарашенный философ и отпрянул в сторону.

Яков Вилимович зашёлся добродушным смехом:

— Сие вряд ли возможно, поелику труба наша зрительная стократ мощнее будет! У них-то маленькие, походные... Хотя Башню они видят, несомненно. Она, после колокольни Ивана Великого, самое высокое здание в Москве, к тому же на холме расположена.

Пристыженный книгочей снова приник к окуляру и наконец сообщил:

— Точно Наполеон! Тот, который ниже остальных ростом, по самому центру. Эх, послушать бы, о чём французы говорят.

— Да и так ясно, о чём. Удивляются, почему ключи от города никто им не выносит, — уверенно изрёк генерал-фельдмаршал. — Бонапарт ведь, супостат этакий, привык к покорности, а в матушке России всё не так, как в Европе.

— Если они ждут, то кто же стрелял? — напомнил Мартин.

Бывший военный растолковал:

— Наверняка отряд передовой для разведывания обстановки отправили, а из горожан оставшихся нашлись храбрецы, кто сопротивление врагу оказал!

При последних словах его сиятельства раздался звон разбитого оконного стекла: створка с силой ударилась о торчащий край телескопа. От неожиданности все вздрогнули.

— Ветер поднялся! — воскликнул Рыжий, которому налетевшим порывом вздыбило длинную шерсть.

— И вправду, — растерянно молвил граф, — ничто не предвещало... По прогнозам, мною лично составленным, перемен в погоде не предвиделось.

Словно в доказательство, что предсказания ошибочны, безмятежно-голубое небо стремительно потемнело, а ветер превратился в настоящий ураган...

Краткие комментарии для любознательных

Колокольня Ивана Великого, расположенная на границе между Соборной и Ивановской площадями, является композиционным центром Кремля. Он создавался на протяжении трёх с лишним веков — с 1505 по 1815 год — и состоит из трёх разновременных объектов: столпа колокольни Ивана Великого, Успенской звонницы и Филаретовой пристройки. Колокольня была возведена в 1505—1508 годах и в те времена являлась самым высотным зданием в Москве. Через столетие она получила ещё один ярус звона и её высота достигла 81 метра. В 1812 году отступавшие из Москвы войска Наполеона взорвали ансамбль колокольни, однако столп Ивана Великого устоял. Звонница и Филаретова пристройка были разрушены до основания, но в 1814-1815 годах их восстановили в прежних объёмах. Сегодня на колокольне и звоннице находятся 24 колокола XVI-XVII веков.

Пребывание Наполеона на Поклонной горе было вызвано не простым желанием обозреть Москву из подзорной трубы. Командующий «Великой армией» ждал здесь ключи от Москвы, а также «хлеб-соль», по русскому обычаю. Более двух часов потерял французский император на Поклонной горе, так и не поняв, почему же русские не принесли ему ключей от своего города?

Глава тридцать четвёртая, в
которой
Альма остаётся одна

Альма пребывала в растерянности — она могла бы поклясться, что пахучий след закончился в этом таинственном помещении!

«Поверь мне, я не ошиблась!» — умоляла она глазами, устремлёнными на Сергея Анатольевича, потому что её пасть он обхватил рукой, опасаясь, как бы малоопытная «напарница» не заскулила от огорчения и не выдала их присутствие.

— Сумасшедший, что ли? Сам с собой разговаривает... — вопросительно прошептал Костя.

Незнакомец между тем сердито воскликнул, обращаясь к загадочному, невидимому собеседнику:

— Не мелите чепухи, ваше сиятельство! Какие тут могут быть лю...

Внезапно он обернулся и уставился прямо на дверь. Капитану Петрову ничего не оставалось, как распахнуть её и войти внутрь. Альма тут же подбежала к «хозяину» диковинной комнаты, замершему с открытым ртом

и вытаращенными глазами. Вблизи разъяснился странный рисунок на физиономии злоумышленника: «узоры» были нанесены явно когачьими когтями и зубами, а уж потом гражданин обвёл их йодом и кое-где заклеил лейкопластырем. Теперь отпали последние сомнения, что перед ними похититель. Альма обнюхала его для порядка и кинулась к большому письменному столу, на котором следователь увидел обувную коробку. Вполне возможно, ту самую, что принадлежала юному химику Вове Менделееву.

Овчарку же заинтересовал собачий ошейник с огрызком знакомой брезентовой ленты, валяющийся на полу рядом с подозрительным маслянистым пятном. Она поводила носом, заинтригованная скоплением запахов, и лизнула почти подсохшую лужицу.

— Следователь Сергей Анатольевич Петров! — представился капитан и предъявил удостоверение ошеломлённому их визитом гражданину с расцарапанным лицом.

«Что-то спать захотелось, — зевнула молодая «сыщица», — полежу, пока они разговаривают».

— Как вы меня нашли? — промямлил незнакомец. — Ах да, собака!

Взгляды присутствующих невольно устремились на Альму, точнее, на то место, где она только что была...

Ничего не понимая, капитан Петров потянул поводок, и он послушно скользнул к ногам

вместе с кожаным, в золотистых звёздочках ошейником его питомицы, по-прежнему сохраняющим форму окружности.

Пока «гости» пребывали в потрясении от случившегося, хозяин необычных апартаментов опомнился, с силой оттолкнул следователя, бросился к двери и выскочил из комнаты.

Сергей Анатольевич и Костя кинулись за ним, но преступник исчез, поглощённый непроглядным мраком подземелья.

— Не догоним! Он в этих катакомбах лучше нас ориентируется, — убеждённо произнёс диггер.

Капитан Петров и сам это понимал, как и то, о чём умолчал его спутник: без Альмы им не выбраться...

Пробуждение никак не наступало. Альма то жмурилась, то старательно пучила глаза, однако результат столь противоположных действий каждый раз оказывался одинаковым — тьма не рассеивалась! Но даже не это было самым страшным — самым страшным было отсутствие запаха любимого хозяина! Молодая овчарка принялась звать его громко и заливисто, пока не охрипла и вместо лая из её горла не стали вырываться непонятные кхыкающие звуки, словно у простуженной вороны.

«Какую команду нужно выполнять, когда хозяин уходит? — пыталась успокоить себя Альма. — “Ждать!”»

Она села и замерла в привычной настороженной позе, как на экзамене в школе служебных собак, где следовало быть очень послушной, чтобы заработать хорошую оценку и похвалу в виде лакомства.

Про последнее, впрочем, она напрасно вспомнила — тут же отчаянно захотелось есть.

«А сколько ждать? — обеспокоенно рассуждала овчарка. — Как если бы он ушёл на работу? Но ведь мы далеко от неё уехали! Или как будто он отправился за покупками? Так он меня всегда с собой брал и долго в магазине не задерживался!»

Альма тоскливо вздохнула. Может, выполнить команду «Искать!»? Например, Мартина и, как там его, Пафнутия? В отличие от исчезнувших следов хозяина, запах этой парочки она чувствовала прекрасно, как и кошачий, так что темнота не помешала бы обнаружить беглецов.

Ещё немного поколебавшись, «сыщица» двинулась в путь. Сначала медленно, прислушиваясь, не окликнет ли её родной голос, а потом всё быстрее и быстрее, пока окончательно не перешла на бег...

Глава тридцать пятая, в которой разгорается пожар

Невиданной силы ветер словно оживил Город, и, ожив, тот приготовился сам дать отпор неприятелю: грозно гремел железными крышами; гудел и звенел раскачивающимися от ураганных порывов церковными колоколами; гнул и ломал деревья, забрасывая ими мостовые; поднимал в воздух тучи дорожной пыли, слепя лошадей и всадников; неистово хлопал ставнями, разбивая стёкла и посыпая марширующих наполеоновских солдат острыми осколками.

Но, несмотря на героические усилия Природы и Города, улицы продолжали заполняться вражескими мундирами...

И тогда Москва решилась на отчаянный шаг — спалить себя дотла вместе с захватчиками...

— Смотрите, пожар! — вскричал Рыжий, и пришельцы, оставив телескоп, который пытались спасти от разъярившейся оконной створки, с ужасом увидели, как там и тут за клубился чёрный густой дым и появились оранжево-багровые всполохи.

Подгоняемое ветром пламя, словно гигантская кошка, прыгало по крышам,

заглядывало в окна, накрывало огненным хвостом прекрасные особняки и дворцы. Оттуда выскакивали всё новые «хищники», голодные и беспощадные. И вскоре уже целая стая неслась по городу, проглатывая дом за домом, улицу за улицей. Москву накрыл удушающий купол из дыма и пепла, а воздух наполнился свирепым треском пылающих зданий и человеческими воплями...

— Кто-нибудь видел Пафнутия? — спохватился Брысь.

Оказалось, что в последний раз «м.н.с.» был замечен в оконной нише, когда всячески намекал присутствующим, что неплохо бы подкрепиться. А потом все увлеклись разглядыванием Бонапарта, пока не начался ураган...

Искатель приключений похолодел:

— Его сдуло! Он же маленький и лёгкий!

— Ах, беда! — запричитал призрак, успевший проникнуться уважением к зеленоватому зверьку, который разительно отличался от своих крысиных собратьев не только цветом, но и прочими диковинными талантами.

Мартин попробовал определить местонахождение грызуна, используя свой превосходный нюх, но едкий сизый туман уже заволок Башню, легко проникнув через разбитые окна и многочисленные щели. Поэтому бедный пёс только расчихался от напрасных стараний.

Взволнованные пришельцы бросились к лестнице и помчались вниз, толкаясь на крутых ступеньках. Призрак сопровождал

их, заламывая руки и бестолково суетясь, так что будь он обычным человеком, наверняка мешался бы под лапами и был сбит могучим псом.

— Я покажу выход на крышу нижних палат! Может, вашего камрада туда сдуло!

Брысь, гигантскими прыжками преодолевая целые лестничные марши, метнул на привидение строгий взгляд:

— Имейте в виду, граф, пожар перекинется на Башню! И если ваша Книга здесь, то самое время в этом сознаться, а то мы не выполним вашего собственного поручения!

Бывший учёный, казалось, на мгновение заколебался, но потом упрямо тряхнул кудрявым париком.

— Башне Сухаревой ещё больше века стоять, по вашим же словам! — продолжил упорствовать Яков Вилимович и, зависнув в клубах дыма, указал на одну из дверей:

— Сюда!

Мартин с разбегу снёс деревянное препятствие, и друзья высыпали на крышу. Их тут же обдало жаром: вокруг полыхал и рушился Земляной город. Горели дощатые торговые ряды. Бревенчатые избы исчезали в огненном вихре, делая его всё мощнее и беспощаднее.

Занялся один из флигелей Странноприимного дома Шереметева. Там бегали с ведрами люди, пытались потушить пламя: вероятно, в здании находились больные и немощные, кто не смог покинуть город вместе с другими

жителями. Остались и те, кто за ними ухаживал...

Тучи искр взмывали ввысь и осыпались на Башню, накаляя железную кровлю.

Савельич опечаленно молвил:

— Даже если Пафнутий не разбился при падении, у него не было шансов выжить...

— И вы тут погибнете! — вскричал граф.
— Нужно укрыться в подземелье!

— Сокровища... Не может быть, чтобы совсем не было сокровищ, — бормотал кладоискатель, перебегая от одной стеклянной колбы к другой, стирая лапками пыль, пробуя на зуб разложенные на полках и столах предметы, копошась в ветоши, царапая коготком детали железного человека...

— А ещё сиятельство! — сердился Пафнутий. — У графов всё из золота и камней драгоценных, а тут шаром покати!

«М.н.с.» добрался до закопчённого очага и со вздохом полез внутрь: кто этих сиятельств разберёт, вдруг они в дымоходах клады прячут?!

В печке пахло горелым, словно в ней недавно что-то жгли, а может, прямо сейчас жгут. Пафнутий вспомнил, что «голландка» выходит другим боком в бывший кабинет нынешнего привидения, где приятели разглядывают в телескоп Бонапарта, и закричал:

— Эй, вы там с огнём не балуетесь?

Ответа, разумеется, не получил: голосок-то у него тонкий, пойдй дозовись! А мысли сквозь старинные толстые стены не проникают.

Едкий запах между тем усилился, глаза защипало, и Пафнутий, встав на край очага, подальше от вероятного источника горения, принялся тереть их лапками. Затем в голове у него помутилось, но, прежде чем лишиться чувств, помощник юного химика успел понять причину своего состояния: уровень угарного газа превысил допустимую для грызунов норму!

Упитанное зеленоватое тельце рухнуло на металлическую пластину, которая предохраняла пол от попадания углей. От удара гладкий железный лист накренился, и бездыханный кладоискатель соскользнул в образовавшееся углубление. Прямо на сапфиры, изумруды и рубины...

Глава тридцать шестая, в которой у Альмы появляется пробозник

Альма неслась по лабиринту подземных коридоров, стремясь скорее настичь беглецов и узнать от них, что за странности происходят вокруг. Подгонял молодую овчарку и страх потерять след, так как он всё больше растворялся в горьковатом запахе дыма, словно где-то рядом неизвестные развели огромный костёр. Альма даже слышала гул и треск, какой бывает, когда огонь добирается до сухих веток и обретает силу.

Тьма постепенно рассеивалась, но видимость не улучшалась из-за густого тумана, заполнившего туннели. В горле «сыщицы» сильно першило, глаза щипало от едкой гари, голова кружилась, и Альма малодушно подумывала о том, чтобы бросить преследование и сдаться на милость жестоким обстоятельствам. Неожиданно она обо что-то споткнулась и вонзилась носом в колючие заросли, вынырнувшие из дымовой завесы.

— Не ходи туда! — раздался снизу писклявый голосок, и удивлённая «сыщица» разглядела остановившее её «препятствие» —

полосатого представителя кошачьего племени месяцев четырёх от роду.

— Почему? — растерялась молодая овчарка и даже забыла, что для начала котёнка следовало загнать на какое-нибудь дерево.

— Нешто сама не видишь — пожар там! — с укоризной произнёс малыш.

— А что горит? — смущённо продолжила беседу Альма, понимая, что упустила момент, когда нужно было выказывать собачье превосходство.

— Как что?! Москва! — сердито фыркнул кошачий подросток и потёр слезящиеся от дыма глаза. — Французов выгоняет!

«Сыщица» в недоумении уставилась на полосатую кроху:

— Каких французов?

— Знамо каких — захватчиков! — солидно пояснил малыш и добавил задумчиво: — И как они про пожар догадались? Хотя сами-то не местные... И про Бонапарта я им рассказал, а они не верили сначала!

Сердце Альмы заколотилось от предвкушения удачи:

— Кто «они»?

— Да коты! Один серо-белый, с верёвочкой золотистой на шее, другой чёрный, третий — рыжий и лохматый. Я их в Башню отвёл, к призраку.

Альма вытаращила глаза, намереваясь расспросить об этом пункте подробнее,

но потом решила, что не пристало серьёзной розыскной собаке верить в детские сказки.

— Скажи, а большого пса и крысу зелёную ты здесь не видел?

Теперь глаза вытаращил малыш:

— Нешто и такие крысы бывают?

«Сыщица» вздохнула: кажется, Мартин и Пафнутий проскочили незамеченными. Хотя... раз они котов искали, то наверняка тоже в Башню направились. Она вспомнила рассказ диггера Кости.

— А Башня, случайно, не Сухарева?

— Знамо дело! Какая ещё?! — удивилась кроха.

— Так ведь её снесли давно! — засомневалась молодая овчарка. — Ты точно уверен, что она именно так называется?

— Так же точно, как то, что меня Василием кличут! — важно ответил котёнок и снова принялся тереть слезящиеся глаза. — Хочешь провожу? — наконец спросил он.

Альма кивнула.

На холме ветер тут же взъерошил им шерсть, зато отогнал в сторону чёрные ядовитые клубы.

Каменная громада с острым шпилем возвышалась неподалёку, осыпаемая искрами пылающих вокруг неё зданий.

— Думаешь, они всё ещё там? — стараюсь, чтобы голос не дрожал от волнения и страха, поинтересовалась «сыщица».

— Может, там, а может, в подземелье

спустились! — неопределённо высказался маленький спутник и снова вернул беседу к тому, что его беспокоило даже больше пожара: — А ты совсем призрака не боишься? Или он и твой знакомый тоже?

Альма удивилась:

— Почему «тоже»?

— Коты про него «наш граф» говорили и нисколько не испугались, что он там живёт!

В памяти начинающей «сыщицы» всплыли слова гражданина в очках, когда он обращался к кому-то невидимому и ничем не пахнущему: «Это ваша вина, граф! Из-за дурацкой книги я лишился всех образцов для исследований!»

Не зная, что и думать, Альма помчалась по широкой лестнице, что вела на галерею во втором ярусе Башни. Опомнившись, вернулась за малышом, у которого не хватало силёнок скакать по ступеням так же быстро, как она. И потащила его, ухватив зубами за полосатую шкуру.

На галерее котёнок кинулся показывать путь на самый верх, приободрённый присутствием большой и смелой собаки. Пахучий след окончательно исчез, засыпанный пеплом, и «сыщица» радовалась, что у неё есть проводник (пусть и такой, какого для острастки полагалось сначала загнать на дерево) ...

Глава тридцать седьмая, в которой судьба Пафнутия выписывает неожиданный зигзаг

Драгоценные камни были холодными. К тому же в углублении совсем не пахло дымом. Оба этих фактора вкупе с приобретёнными во время Филадельфийского эксперимента необычными способностями по восстановлению здоровья оказали на «м.н.с.» живительное воздействие, и он распахнул рубиновые глазки.

В темноте оценить объём свалившегося на него богатства (точнее, богатства, на которое свалился он) было затруднительно. Тем не менее душа кладоискателя наполнилась ликованием. Ухватив передними лапками то ли сапфир, то ли изумруд, то ли рубин, Пафнутий потянул его на себя, чтобы ощупать и оглядеть со всех сторон. Но камень не поддался, словно приклеенный...

«М.н.с.» пробежал по периметру того, за что крепко держались найденные им сокровища, — чего-то большого и прямоугольного. Затем спрыгнул с неизвестного

предмета и снова обошёл его вокруг, исследуя лапками и усами. Вещь была высокой, или, скорее, толстой, поскольку напоминала... пухлый фолиант в твёрдом кожаном переплётё с золотой застёжкой и золотой же узорной отделкой по углам. (В том, что названные детали были именно золотыми, а не медными, например, кладоискатель ни на мгновение не усомнился.)

В голову пришельца из будущего закралась радостная мысль, уж не наткнулся ли он на ту самую магическую Книгу, за которой отправил их в прошлое призрак графа Брюса и существование которой он же нынешний упорно отрицал?!

Оставалось выбраться из тайника, чтобы сообщить друзьям о находке, уличить в бесполезном отпирательстве «хозяина» Сухаревой башни и принять поздравления, что он (в который раз!) самый полезный член команды. Пафнутий снова вскарабкался на фолиант и, встав на задние лапки, попробовал сдвинуть железную пластину. Однако быстро выдохся и прилёг отдохнуть, с наслаждением прижавшись щекой к прохладным граням то ли сапфира, то ли изумруда, то ли рубина...

Внезапно сверху послышались шаги и чьё-то бормотание. Голос вроде бы принадлежал его сиятельству, смущала лишь тяжеловесная поступь бесплотного духа...

Звуки приблизились прямо к тому месту, куда волею счастливой кладоискательской

судьбы угодил путешественник во времени, и Пафнутий забился в угол (на случай, если обладатель шагов и голоса окажется не тем, кто мог бы порадоваться встрече с грызуном из будущего).

Раздалось кряхтение... Видимо, человек (не призрак, к чему уже окончательно склонился в своих размышлениях «м.н.с.») присел на корточки возле тайника. Пафнутий задержал дыхание и постарался унять колотящееся со скоростью не менее шестисот ударов в минуту сердце. Главное, чтобы вырабатываемое наиважнейшим органом электричество не осветило его тёмный угол!

Наклонив металлический лист, в углубление опустились две руки в кружевных манжетах. Они вцепились в книгу и осторожно вытащили её из убежища. Снова слышались шаги — наверное, незнакомец понёс тяжёлый фолиант туда, где его удобнее читать. «М.н.с.» шустро выбрался на поверхность, пока железная пластина не встала на место и не загородила путь к свободе; удивился расставленным повсюду зажжённым свечам; огорчился, что выход из потайной комнаты-лаборатории закрыт, и юркнул под стеллаж с колбами и ретортами.

Любопытство, однако, быстро заглушило страх, и Пафнутий высунул мордочку, чтобы рассмотреть своего «освободителя». Кафтан, парик, длинный нос, высокий лоб, глаза выпуклые... Всё, как у привидения, если не

считать, что обладатель вышеперечисленных признаков крепко стоял на ногах и передвигал предметы без посторонней помощи.

— Ваше сиятельство... — робко пискнул «м.н.с.», но граф Брюс, занятый странными манипуляциями с переливанием некой жидкости из склянки в склянку, разглядыванием её в колеблющемся сиянии множества свечей и записыванием полученных сведений в книгу, добытую из тайника, не расслышал тонкого голосочка пришельца из будущего.

— Яков Вилимович! — завопил осмелевший Пафнутий, но добился совершенно непредсказуемого результата: хозяин лаборатории недовольно крикнул, схватил со стола, на котором были разложены части механического человека, железную голову, почему-то больше похожую на птичью, и запустил в ту сторону, откуда раздался писк. «М.н.с.» едва увернулся и забился поглубже, потрясённый невежливым обращением.

Граф Брюс несколько мгновений прислушивался, не возобновится ли мешающий ему звук, и продолжил учёные занятия.

— Вот так-так! — пробормотал чудом уцелевший путешественник во времени. — Кажется, случилось непредвиденное — я попал в другую эпоху!

Больше всего Пафнутия расстроил тот факт, что друзьям придётся за него волноваться, а Савельич, чего доброго, опять окрестит его «никчёмным балластом»! И это после

стольких усилий добиться расположения философа!

Приунывший «м.н.с.» снова боязливо выглянул — всё-таки он числился помощником химика, а его сиятельство явно проводил химические опыты, и пропускать увлекательное действо было бы непрофессионально с точки зрения обмена опытом!

Пафнутий с лёгкой завистью следил, как по изогнутым стеклянным трубкам из одной колбы в другую перетекает подкрашенная вода. Как она закипает, покрываясь пузырями, и вновь охлаждается, приобретая новый цвет и запах, а граф либо скрипит в книге гусиным пером, либо замирает, покусывая его кончик и вглядываясь в движение жидкостей по прозрачным сосудам...

— Эх, нам бы такую лабораторию! — размечтался «м.н.с.», забыв, что и без всякой лаборатории его маленький научный руководитель умудрился состряпать эликсир, который в очередной раз забросил «сотрудника» в опасную ситуацию. Впрочем, последний зигзаг фортуна выписала, не прибегая к волшебному средству. Не врал, значит, Брысь про свои похождения до знакомства с Вовкиным изобретением...*

* Приключения Брыся в пространстве и времени начались с падения во временную дыру в вентиляционной системе Зимнего дворца (книга «Брысь, или Кот Его Высочества»).

Исследователям Технологического института Грузии (ТИГ) удалось произвести опытным путём заряды электроэнергии посредством присоединения одного нанопровода из оксида цинка к сердцу крысы. Выработанная электроэнергия измеряется примерно в 30 пико-ампер (миллион миллионной одного ампера) тока на 3 мВ.

Глава тридцать восьмая, в которой Пафнутий видит царя и бьётся дракона

Царский сподвижник, генерал и учёный, которого теперь следовало упоминать без приставки «бывший», постоянно что-то бормотал, и Пафнутий наострил уши, надеясь извлечь важную для себя информацию.

— Ах, успеть бы, успеть! — тихо причитал Яков Вилимович, хватаясь то за склянку с мутной голубоватой жидкостью, то за другую — с красноватой, то за гусиное перо и книгу, чтобы зачёркивать написанное и выводить новые формулы.

При этом он хмурил высокий лоб (не такой морщинистый, как у знакомого Пафнутия призрака, но уже с глубокой вертикальной складкой посередине от неустанных размыш-

лений и пожилого возраста), теребил концы парика, щекотал в носу оперением «письменной принадлежности» и громко чихал (мозги прочищал, наверное), а потом снова и снова всматривался в колбы, где были заключены результаты долгих опытов.

— Ужасно вы сейчас на Вовку поведением похожи! — не удержался от восклицания «м.н.с.» и тут же прикусил язык, вспомнив, как граф чуть не зашиб его тяжёлой железной.

К счастью пришельца из будущего, его писк был заглушён решительным стуком в секретную дверь, снаружи являющую собой часть кирпичной стены. А значит, тому, кто рвался внутрь, было известно про лабораторию.

Стук сопровождался весёлым и громогласным:

— Отпирай, затворник!

Его сиятельство аккуратно прикрыл склянки куском старой ткани, а книгу не менее осторожно опустил обратно в тайник и лишь после этого нажал на кирпич сбоку от входа.

Деревянный щит отъехал в сторону, и в потайную комнату заглянул человек в походе на графский тёмно-зеленом кафтане. Роста он был богатырского, а потому ему пришлось сильно нагнуться.

— Выходи гостя встречать, а то я в твоих апартаментах аки слон в лавке посудной!

Яков Вилимович удовольствия от визита не выказал. Во всяком случае, на лице у него сохранилось озабоченное выражение.

— Пошто кислый такой? Аль от дел отвлѣк? — балагурил вельможа, развалясь в кресле и не дожидаясь ответов «хозяина».

— Ну буде, буде смурному ходить! Плесни-ка лучше зелья какого, а то в горле пересохло!

Выпив жадными глотками поданное графом питьё, гость уже серьёзное заглянул ему в печальные глаза:

— Нешто неудачу опять претерпел?

— Опробовать бы надо! — подал наконец голос алхимик. (А может, естествоиспытатель. Пафнутий пока не определился, кем считать его сиятельство после увиденных экспериментов. Впрочем, он вообще не знал, чем один от другого отличается.)

— Вот отдам концы и поступлю в полное твоё распоряжение! — беззаботно молвил гость, а граф замахал руками:

— Не шути так, Питер!

Пришелец из будущего вытаращил глаза — не сам ли Царь, чьей дружбой хвастался призрак?! Пафнутий впился рубиновыми бусинками в прославленного российского самодержца: возраста примерно такого же, что и граф Брюс, лет пятидесяти с хвостиком (как и бабушка Вовкина, на дачу к которой он не поехал), лицо круглое, щѣки пухлые, над маленьким (по человеческим меркам) ртом усы топорщатся, волосы тѣмные кудря-

вые, почти до плеч спускаются, глаза чёрные навывкате, а взгляд дерзкий и будто всё замечающий. В последнем «м.н.с.» тут же убедился.

— А что там... не крысу ли прячешь? — со смешком произнёс царь, уставившись через незакрытый проход в лабораторию прямо на то место, где скрывался Пафнутий. — Чем для опытов негожа? Али так страшна, что отбиваться пришлось? — опять хохотнул он, намекая, видимо, на железную голову, валяющуюся недалеко от временного убежища кладоискателя.

«М.н.с.» задрожал, лихорадочно соображая, в чём может заключаться использование его в экспериментах и не пора ли терять сознание.

— Изловлю потом, — кивнул его сиятельство, отсрочив Пафнутию обморок. — А тебе не мешало бы серьёзнее к пророчеству моему отнестись. Сам знаешь, не ошибался я доселе ни разу!

— М-да, пророчество, — царь Пётр побарабанил пальцами по дубовому столу рядом с креслом. — Воды опасаться, поелику от неё смерть приму... Как мыслишь сие для корабельщика?

Он метнул на астролога озорной взгляд:

— Да и не страшусь я гибели с таким учёным другом! Ведь оживишь? Не дашь сгинуть раньше времени?

Яков Вилимович опять вздохнул:

— Всё шутки тебе! День роковой между тем приближается, а эликсир не готов!

Царь опять приложился к кубку с «зельем» и успокоительно произнёс:

— Пустое! Чему быть, того не миновать!

А потом вдруг подмигнул его сиятельству:

— Не полетать ли нам на драконе твоём?

Драконе?! Пафнутий в панике выскочил из-под стеллажа и юркнул в железную голову. Пусть зубы обломает, если слопать его вздумает!

Глава тридцать девятая, в которой Пафнутий готовится к полёту на «драконе»

Граф Брюс направился в лабораторию, недовольно ворча, что не по возрасту забава, а Пафнутий, пересилив страх, снова выглянул — посмотреть, где гениальный инженер и механик держит «питомца». Однако тут же спрятался обратно: Яков Вилимович приблизился к стеллажу и... поднял с пола свой «метательный снаряд». Чтобы не вывалиться, пришелец из будущего вцепился в шестерёнки, которыми изобиловало новое убежище. Он так и не решил, лишаться ему чувств немедленно или сначала

понаблюдать, как царь и его сиятельство летать будут.

— Голову драконью переделать хочу. Помощника себе мастерю, в пару служанке моей, — пояснил граф.

— Наслышан, наслышан о бабе твоей диковинной! В народе слух ползёт, будто живая она с лица.

— Пустое брешут! Кукла механическая, — возразил польщённый изобретатель и, взяв свечу, осветил один из углов комнаты.

Пафнутий еле сдержался, чтобы не пискнуть от изумления, — девушка, что там стояла, и впрямь выглядела как настоящая, из русской народной сказки, которые ему по телевизору показывали: обряженная в кокошник, усеянный мелкими блестящими камушками, красный сарафан с богатой вышивкой и белую блузу с пышными рукавами, с толстой русой косой до пят, румяными щеками, угольно-чёрными бровями и такого же цвета опущенными пушистыми ресницами! Лишь полная неподвижность выдавала в ней не человека, а существо искусственного происхождения.

Царь восторженно крикнул и, подойдя вплотную к красавице, подёргал её за косу (видимо, проверял, надёжно ли волосы приклеены), а потом ещё и по щеке крашеной погладил.

— Хороша! Хоть сей же час на машкерад! Танцам обучена? — обернулся он к талантливому механику.

— Ни к чему ей сие умение! — ворчливо отозвался граф и потянул за рубиновую серёжку в левом ухе девушки.

Украшение оказалось подсоединённым к длинной цепочке. Яков Вилимович растянул её почти до нижнего края нарядного сарафана и отпустил. (У Вовкиной бабушки, которая скучала одна на даче, похожим образом часы с кукушкой заводились.) В то же мгновение кукла ожила: с лёгким мелодичным шуршанием приподнялись ресницы, открыв синие глаза, и графская служанка подалась вперёд, так что царю пришлось посторониться.

Двигалась она по дощатому полу легко и плавно, словно скользила, а не переступала. Царь заинтересовался секретом красавицы и не поленился опуститься на корточки, чтобы задрать ей сарафан. Ноги механической куклы, выкрашенные в белый цвет и обутые в красные, под цвет одежды, башмаки, крепились к пластине с четырьмя поворотными колёсиками, чем объяснялась гладкость «походки».

— Ох, на выдумки ты горазд! — похвалил государь, выпрямляясь во весь свой немалый рост и с восторгом наблюдая за отточенными действиями «диковинной бабы».

Пафнутий изнывал от любопытства, не смея пошевелиться, поскольку его сиятельство по-прежнему держал железную голову в руках. Обзор же сквозь «шейное» отверстие был ограничен и не позволял увидеть спектакль полностью. Хорошо хоть царь Пётр не

скупился на восклицания, и «м.н.с.» старался представить по ним происходящее.

— И кубок наполнит, и трубку набьёт! Ай да девица-мастерица!

Как только рубиновая серёжка вернулась на место, развлечение закончилось: глаза куклы закрылись, а сама она замерла на месте.

Государь хлопнул в ладоши и с воодушевлением произнёс:

— Однако стемнело изрядно! Можно и полетать, горожан не смущая. Да и погода благоволит: тепло и штиль.

Великовозрастные мальчишки, как окрестил их «младший научный сотрудник серьёзной химической лаборатории», бодро подошли к узкому окну и распахнули створку. К ужасу заключённого в ловушке маленького пленника, они полезли друг за другом сначала в оконную нишу, а затем, кряхтя и проклиная нажитый лишний вес, перебрались на железную лестницу, что крепилась снаружи к кирпичной стене. Лестница вела мимо башенных часов с одной единственной стрелкой, вокруг которой медленно вращался огромный циферблат, под самый шатёр, увенчанный шпилем с двуглавым орлом.

Оказалось, что между крышей верхнего этажа и макушкой Башни имеется площадка, а на ней... Пафнутий обмер — огромная птица металлическая, с расправленными крыльями, хвостом и телом с привязанными к нему ремнями. Наверное, чтобы удерживать безум-

ца, пожелавшего совершить полёт. Не хватало только самой важной для любого существа детали, и гениальный механик исправил недочёт, насадив принесённую им железную голову на штырь — шею «дракона».

Лишившись самого большого отверстия для обзора, Пафнутий перебрался к одной из пустующих глазниц. Мысленно поблагодарив изобретателя за любовь к деталям, «м.н.с» устроился поудобнее и приготовился обозревать окрестности с высоты птичьего полёта. Главное, чтобы по окончании забавы граф не оставил дракону голову своего недоделанного помощника, а с ней — и пришельца из будущего. Поскольку даже необычные способности не смогут заменить продуктов питания, а умирать от истощения Пафнутию совершенно не хотелось...

Краткие комментарии для любознательных

Московские обыватели судачили об умении графа Брюса превращать свинец в золото, его опытах по созданию искусственного человека и знании рецепта «живой» воды. Поговаривали, что колдун летает над Москвой на механической птице (существует легенда, что её чертежи позволили создать в начале XX века первые русские аэропланы).

Глава сороковая, в которой Мартин предполагает втешаться в Историю

Пришельцы из будущего кинулись следом за призраком, спеша укрыться от ядовитого запаха гари и обжигающего жара и отложив переживания о сгинувшем маленьком приятеле до того момента, как окажутся в безопасности.

Граф Брюс сопровождал «гостей» до самого подземелья, однако исчез сразу, едва путешественники нырнули в сырость и мрак.

— Кто-нибудь видит этого старого хитреца? — сердито спросил Брысь, пытаясь пронзить взглядом густую темноту. — Никогда не прощу ему смерти Пафнутия!

— Думаю, именно поэтому он нас тут и бросил! Боится упрёков! — горько вздохнул сердобольный Рыжий. (Лохматая шерсть под жёлто-зелёными «блюдцами» намокла от беспрерывно скатывающихся слезинок. Хотя питомца Сашиного друга уже неоднократно приходилось считать безвременно почившим, в этот раз грызуна было особенно жалко, ведь он отправился в прошлое с единственной целью — спасти их, своих знакомых котов!)

Благородный Мартин, несколько конфузясь, встал на защиту его сиятельства:

— Мы не можем обвинять теперешнего Якова Вилимовича. Не он просил нас добыть Книгу, и не он отвечает за возникший ураган и пожар. То, что произошло с Пафнутием, трагическая случайность.

Однако Брысь остался непреклонен:

— Если бы он сразу отдал Книгу, то мы бы находились тут все вместе — прятали его сокровище в другой тайник!

— Скорблю о зверье диковинном и готов во искупление выход из лабиринта подземного за пределы Москвы указать! — раздался вдруг голос привидения, и, всмотревшись, друзья различили смутные очертания парика и кафтана.

Не давая пришельцам себя перебить, граф торопливо продолжал:

— Ещё при Иоанне Четвёртом, коего прозвищем Грозный наделили, туннели под столицей прокопаны были: от Кремля за окраины ведут в самых разных направлениях. И сие подземелье потайным ходом с ними соединяется.

Савельич оживился:

— Не в них ли знаменитая библиотека спрятана?

Бывший учёный ответил уклончиво:

— Сие возможно, однако места того никто не ведает. Мы с царём Питером превелико времени потратили на поиски либерии

той! Да и государыни-императрицы Елизавета Петровна и Екатерина Вторая Великая экспедиции за ней снаряжали. Приходилось мне наблюдать, как рыскали посланники их. Успеха, однако, не имели, да и вернулись не все — многие заплутали и сгинули в граде подземном!

Мартин самонадеянно заявил:

— Где выход на поверхность, мы и так знаем! Бывали тут уже! Причём вместе с вами!

Призрак смолчал: или обиделся, или опять пытался представить себя самого через двести лет.

Его размышления прервал Савельич, изумрудные глаза которого вспыхнули азартным огнём.

— Выбраться мы всегда успеем, — обратился он к приятелям. — Вот только когда ещё такой шанс представится — катакомбы столичные изучить? Вдруг набредём на ценные артефакты? Тогда и смерть Пафнутия не была бы напрасной, — смущённый собственным воодушевлением, добавил книгочей.

Искатель приключений заколебался, а бесстрашный пёс, которого, что греха таить, книги интересовали меньше всего, выдвинул неожиданную идею:

— А может, в Кремль проберёмся да Бонапарта пугнём? Или это вмешательство в Историю? — смутился он, покосившись на философа.

Впрочем, если бы Савельич и возразил, то

остался бы в одиночестве, поскольку предложение Мартина было встречено с ликованием.

— Точно! — хором воскликнули Брысь и Рыжий. — Прогоним захватчиков!

Бесплотный дух бывшего генерал-фельдмаршала с восторгом захлопал в ладоши, огорчаясь, что его аплодисментов никто не слышит, а в темноте и не видит.

— Вельми полезная идея! — вскричал он, опомнившись. — Я укажу короткий путь!

— Прибавил ты гораздо в могучести организма! — сетовал Яков Вилимович, закрепляя ремни на располневшем царском теле. — Ну как не выдержит тебя моя конструкция и рухнешь, аки мешок с песком, да голову сломишь?

— Если только до Москвы-реки долечу да в воду бултыхнусь, иначе нарушу предсказание! — весело отвечал император. — Поелику луж, в коих смерть принять мог бы, не наблюдаю, дождей давненько не было!

Опасения гениального механика и беспечный настрой «пилота» Пафнутию не понравились. И он даже попробовал удрать, протиснувшись в глазницу дракона, однако просунуть смог только голову с розовым подвижным носом. Поскольку, как и царь, «гораздо прибавил в могучести организма» от сытой жизни в шикарных апартаментах, а похудеть от переживаний и отсутствия питания ещё не успел...

Глава сорок первая, в которой
Альма спасает
котёнка, но теряет
нечто ценное

У каменной лестницы, расположенной при входе в центральный зал, прямо в стене, котёнок Василий остановился:

— Ну вот, теперь ты сама иди, а я здесь подожду!

— Я могу опять тебя нести, если хочешь, — великодушно предложила Альма, окончательно смирившись с необходимостью терпеть подле себя представителя кошачьего племени.

— Не хочу, — лаконично ответил малыш.
— Вдруг там и вправду призрак!

«Сыщица» догадалась:

— Так ты никогда наверх не поднимался? Откуда же дорогу знаешь?

— У меня уши есть! — со взрослой солидностью заявил котёнок и для пущей убедительности подвигал крошечными (с точки зрения овчарки) пушистыми треугольниками.

— А в этом помещении что? — не удержалась от вопроса Альма, разглядев в сизом

тумане высокие, до потолка, шкафы с книгами и папками.

— Архив какой-то, — безразлично отозвался маленький проводник и поторопил: — Давай быстрее, а то жарко тут и дым глаза кусает!

Альма устремилась вверх, на ходу придумывая, как объяснит своё появление тем, кого она ищет, и успеет ли вообще сказать пару слов, прежде чем ей расцарапают морду. Всё-таки три кота — это сила, которая при появлении незнакомой собаки может повести себя агрессивно. Оставалась, конечно, надежда, что пёс Мартин за неё вступится, но вдруг она ему не понравится, во всяком случае — с первого взгляда?

Ступени неожиданно закончились, приведя «сыщицу» в ещё один задымлённый зал. Исследовав его почти на ощупь, Альма наткнулась на лестницу, на сей раз деревянную, ветхую и скрипучую, которая хранила запах беглецов, не успевший раствориться в едкой гари. А значит — она не просто на верном пути, но совсем близко от цели!

Преодолев крутой подъём, овчарка оказалась в помещении, разделённом на две части полукруглой аркой. На большом столе лежала труба непонятного назначения. Тех, кого она искала, увы, не было. Видимо, спасаясь от пожара, они уже покинули Башню...

В простенке под аркой находилась каморка, заставленная стеллажами со склянками

и колбами всевозможных размеров и форм и с кучей запылившихся железок, в которых угадывались детали механического человека. Здесь витал запах зелёнки, а точнее, крыса Пафнутия. Он явно был последним, кто обследовал эту странную комнату. Причём обследовал тщательно, не пропуская ни сантиметра!

Заинтригованная упорством грызуна, Альма обнюхала полки, стол, кафельную печь и лист металла перед ней, который, вероятно, должен был предохранять дощатый пол от попадания углей. Питомец юного химика для чего-то забирался даже внутрь очага! «Сыщица» тоже сунула туда нос, шагнув ближе и наступив на край железного листа. В то же мгновение он накренился, и Альма провалилась передними лапами в углубление, наступив на что-то холодное.

Не успев испугаться, она увидела старинный фолиант, украшенный блестящими камнями. «Тайник! — ахнула помощница следователя. — И книга наверняка важная, раз её от посторонних глаз спрятали! Уж не та ли, о которой упоминал исцарапанный гражданин в очках?»

Альма осторожно вытащила находку. Если беглецы искали именно это (а «сыщицкая» интуиция подсказывала, что так и есть), то вот она — лучшая защита от кошачьего недовольства! Ещё и спасибо скажут!

Ухватив ценную добычу зубами, молодая овчарка поволокла её вниз по лестнице.

По мере того как она спускалась, задымление становилось всё сильнее, и у Альмы тревожно сжалось сердце — уж не добрался ли пожар до Башни?! Хотя чему тут гореть?.. Стены каменные, залы почти пустые... Вдруг её пронзило — АРХИВ! Там столько бумаги — есть где огню разгуляться! И ещё там остался котёнок Василий...

Страшное предчувствие подтвердилось: архив полыхал, а у подножия лестницы её никто не встретил. «Может, убежал?» — понадеялась Альма, но тут же услышала жалобный писк, который шёл оттуда, где бушевало пламя. Бросив книгу, овчарка отважно ринулась на зов.

Малышу повезло: Альма наткнулась на него раньше, чем на то место, где он сидел и дрожал от страха, рухнули горящие останки огромного стеллажа. Схватив котёнка, «сыщца» заметалась в поисках спасения. К счастью, внешнюю галерею, хотя и целиком деревянную, ещё не полностью охватил пожар. Альме удалось добраться до лестницы, ведущей на площадь, и запрыгнуть в одну из каменных ниш в стене нижнего яруса Башни.

Между тем безжалостный огонь накинулся на старинный фолиант и сжевал его без остатка, выплюнув лишь горстку драгоценных камней: сапфиров, изумрудов и рубинов...

Глава сорок вторая, в которой Пафнутия отправляют в потём

Граф Брюс ринулся вперёд по туннелю, обрадованный возможностью принять участие в изгнании иноземных захватчиков (или тем, что пришельцы из будущего отвлеклись от расспросов о Книге).

— Эх, сюда бы папин фонарик, — смущённо пробормотал Мартин, не видя, куда идти, и не чувствуя запаха исчезнувшего во мраке призрака.

Котам тоже было неуютно в полной темноте, к тому же из их памяти ещё не изгладились воспоминания об утомительных часах, проведённых в запутанном лабиринте.

— Да, свет бы нам не помешал, — согласился Брысь.

— На стенах факелы в креплениях специальных имеются, — неожиданно сообщила крошечная тьма голосом бывшего генерал-фельдмаршала, заставив путешественников во времени подскочить на месте. — Ежели запалить один, то пёс мог бы в пасти его нести и путь освещать!

— А где огонь взять? — приходя в себя от испуга, спросил Рыжий.

Ответил ему опытный искатель приключений:

— Где-где... Наверху, разумеется! Там его сейчас больше чем достаточно.

От слов Брыся всем сразу стало жарко, словно компания уже оказалась рядом с пылающими зданиями. Даже почудилось, что в подземелье запахло палёной шерстью.

— Вместе пойдём? — осторожно поинтересовался философ, стараясь не выдать смятения.

Однако Мартин отверг помощь друзей:

— Сам справлюсь! — заявил он и, поднявшись на задние лапы, принялся водить носом по влажным кирпичам, отыскивая обещанный призраком факел.

— Нельзя нам разлучаться! — воспротивился Брысь отважному порыву благородного пса и добавил понуро: — Пафнутия уже потеряли!

— Кунштюк один опробовать хочу! — таинственно понизив голос, сообщил его сиятельство крепко привязанному августейшему другу.

Царь отозвался с живым любопытством:

— Твоё изобретение?

— Нет, итальянца Леонардо да Винчи.

— Живописца?! — изумился Пётр.

Яков Вилимович торжественно возразил:

— Не токмо! Да Винчи — хомо универсалис! Однако слуга твой покорный доработал мысль его и усовершенствовал...

Гениальный инженер и механик гремел чем-то железным, а Пафнутий изнывал от неизвестности. Да ещё загадочное слово «кунштюк» в сочетании с «опробовать» внушало серьёзные опасения за исход полёта на «драконе». Про «хомо универсалиса» помощник юного химика вообще ничего не понял, а потому не знал, следует ли бояться упомянутого графом иностранца или, наоборот, радоваться его участию в необычной затее.

— И как сие называется? — в тоне царственной особы «м.н.с.» уловил нотки сомнения.

— Движитель лопастной, винт воздушный, пропеллер, — принялся перечислять учёный и милостиво разрешил: — Выбирай, какое душе более угодно!

Пришельцу из будущего «более удобным» показалось последнее наименование, вызвавшее в памяти самолёты и вертолёты. Однако и желание покинуть «воздушное судно» тоже окрепло.

— Выпустите меня! — заверещал Пафнутий, в отчаянии скребя коготками по холодному металлу.

— Никак крыса у дракона в голове пищит? — удивился царь, а Яков Вилимович снял её со штыря, запустил руку внутрь

и вытащил за длинный лысый хвост питомца Вовки Менделеева, а точнее — младшего научного сотрудника серьёзной химической лаборатории.

Громкое звание не помогло: не разобравшись в ночи, что перед ним не абы кто, граф брезгливо отшвырнул упитанное тельце, отправив его в полёт над городом без всяких хитроумных устройств...

— Нашёл! — сообщил Мартин и снова опустился на все четыре лапы, сжимая в зубах толстую палку, один конец которой был густо обмазан смолой. И если бы «следопыту» сразу объяснили, из чего сделан факел, ему не пришлось бы шарить по кирпичной стене, словно неопытному щенку. Терпкий смолянистый дух сразу подсказал бы, где находится искомый предмет!

Проделав обратный путь по крутым ступеням лестницы, друзья с опаской вышли на улицу. Ураганный ветер тут же швырнул в них раскалённый жарким пламенем и горький от удушливого дыма воздух, заставив щуриться и кашлять. Зато полыхающие торговые ряды на площади вполне подходили, чтобы запалить факел и поскорее снова укрыться в прохладном каменном лабиринте.

— И-и-и-и, — прорвался сквозь треск погибающих в пожаре домов странный звук. Очень тонкий, так что сначала его услыша-

ли только коты. Звук приближался откуда-то сверху, и пришельцы из будущего замерли, пытаясь разглядеть его источник в клубящейся едкой мгле.

Через мгновение «и-и-И-И-И» сменилось на «А-А-А-А». Последний вопль принадлежал Брысю, когда ему прямо на спину, выгнутую по случаю неизвестной опасности, рухнуло нечто похожее на булыжник и придавило к земле...

Краткие комментарии для любознательных

Леонардо ди сер Пьеро да Вични (1452 — 1519) — один из крупнейших представителей искусства Высокого Возрождения, итальянский художник (живописец, скульптор, архитектор), писатель, музыкант, изобретатель и учёный (анатом, естествоиспытатель). Причём сам Леонардо да Винчи считал себя в первую очередь учёным и инженером. Особенно его интересовали проблемы полёта. В Милане он делал много рисунков и изучал летательный механизм птиц и летучих мышей. Кроме наблюдений, он проводил и опыты, но они все были неудачными. Леонардо очень хотел построить летательный аппарат. Он говорил: «Кто знает всё, тот может всё. Только бы узнать — и крылья будут!» Сначала Леонардо разрабатывал проблему полёта при помощи крыльев, приводимых в движение мышечной силой человека. Но затем он дошёл до мысли о постройке такого аппарата, к которому человек не должен быть прикреплён, а должен сохранять полную свободу, чтобы управлять им; приводить же себя в движение аппарат должен своей собственной силой. Это, в сущности, была идея аэроплана.

Глава сорок третья, в которой Пафнутий обвиняет графа Брюса

— Пафнутий! — растерянно воскликнул зоркий Рыжий. Даже слёзы от дыма не помешали ему распознать в «булыжнике» маленького лысохвостого приятеля, с которым они успели проститься навсегда. Кажется, грызун действительно вознамерился отобрать часть славы у Кощея Бессмертного!

Возглас потонул в царившем вокруг шуме: завываниях урагана, мощном гуле ненасытного пламени, криках отчаяния с противоположной стороны площади, где боролись с огнём постояльцы Странноприимного дома Шереметева...

— Хватай его и бежим отсюда! — раздался в лохматой голове Рыжего обеспокоенный голос «руководителя миссии», перекрыв прочие звуки.

Ну конечно! Телепатия! Опять он забыл про новые способности, а ведь именно из-за них они оказались сначала в необычной роли похищенных, а затем и посланников в прошлое!

Мартину, разумеется, легче было бы тащить увесистого грызуна, но его пасть заня-

та толстой смолянистой палкой. Философ хоть и помолодел, но ничуть не сильнее Рыжего, а крепкий Брысь сам нуждался в помощи, поскольку Пафнутий, приземляясь, ушиб ему спину. Мысли пронеслись со скоростью, не уступающей скорости разгулявшегося ветра, и Рыжий, не церемонясь, ухватил «м.н.с.» за шкурку и кинулся к Башне. Его обогнал Мартин: пёс запалил факел и теперь стремился оказаться в подземелье быстрее остальных, чтобы избавиться от ноши и помочь пострадавшему Брысю.

Призрак метался между пришельцами, лепеча слова поддержки и радуясь счастливому возвращению зеленоватого зверька. Правда, последний не подавал признаков жизни, но бывший учёный надеялся, что серо-белый кот в золотистом ошейнике, которого приятели в глаза величали именем фламандского живописца Ван Дейка, а за глаза почему-то Брысем, смягчил образованному грызуну падение с высоты и тот оклемается.

Так и произошло. Едва компания снова собралась в подвале Башни, Пафнутий открыл свои рубиновые бусинки и они засияли в отблесках огня. (По совету графа, Мартин зажёг от принесённого им факела ещё несколько. Вставить их обратно в крепления пёс не сумел, и теперь они лежали на каменном полу, освещая часть туннеля и придавая окружающей действительности дикий и страшноватый вид: на стенах колыхались чёрные тени,

а глаза присутствующих казались кровожадно-багровыми.)

На вопрос, что с ним произошло, Пафнутий сердито указал крошечным пальчиком на графа Брюса:

— Он сбросил меня с крыши!

Его сиятельство оторопел и даже обернулся — не стоит ли за спиной некто, кому адресовано ужасное обвинение. Однако в туннеле обретался только густой мрак, особенно непроглядный за границей освещённого участка.

Повисло изумлённое молчание, которое прервал Савельич (всё-таки не зря он числился философом и книгочеем!):

— Ты, наверное, что-то путаешь. Яков Вилимович — призрак, он не может оказывать физическое воздействие на предметы.

— Я не предмет! — тут же обиделся «м.н.с.». — А он не был призраком! И очень на меня воздействовал!

Давясь от возмущения, Пафнутий поведал ошеломлённым приятелям о том, как нечаянно попал в ещё более глубокое прошлое и что ему довелось там увидеть и пережить. Он рассказал обо всём: о механической кукле, как две капли воды похожей на девушку из русской сказки, о царе Петре, о «драконе», о «хомо универсалисе» Леонардо да Винчи, о жестоком поступке графа Брюса и кувырканиях в воздухе над ночной столицей, которую толком и не рассмотрел. Утаил лишь главное — обнаруженный тайник с Книгой и зага-

дочные опыты царского алхимика. По какой причине он так поступил, кладоискатель и сам затруднился бы ответить, но факт остался фактом — о важной находке никто не узнал, а воспользоваться телепатией и «заглянуть» в мысли зеленоватого питомца Вовки Менделеева друзья не удосужились. Очевидно, были уверены, что ничего особенного там не обнаружат.

— А что, удалось тогда царю Петру полетать? — завидуя грызуну, лицезревшему великого самодержца-реформатора, полюбопытствовал Савельич.

Гениальный механик, едва успевший прийти в себя от обличительных речей в свой адрес, сокрушённо покачал головой, вспоминая давние события:

— Дела государственные не позволили. Гонец прибыл с донесением, и в Питербурх государь заторопился, да и меня с собой позвал... Как-никак советником монаршим слуга ваш покорный являлся, и сенатором! Редко в Первопрестольной бывать доводилось... В Москве то бишь, — на всякий случай уточнил Яков Вилимович.

Добросердечного Рыжего больше взволновало предсказание, сделанное астрономом и астрологом своему августейшему другу:

— Пётр Первый и вправду умер от воды?
Граф Брюс печально качнул париком:

— Можно и так сказать... По осени 1724-го инспекцию он затеял — канал Ладожский

проверять, да застудился гораздо, когда матросикам помогал с корабля, на мель севшего, на берег перебираться. Много часов по пояс в реке студёной провёл...

— Настоящий Царь! — уважительно пробасил Мартин, восхищённый самоотверженным поступком государя.

Чужой подвиг напомнил друзьям о засевшем в Кремле Бонапарте. Услышав о героических устремлениях приятелей, «м.н.с.» растерялся и принялся срочно искать в голове аргументы для возражений, но от волнения не смог сосредоточиться. Впрочем, его мнения не спросили. Пришельцы из будущего и призрак из прошлого отправились прогонять захватчиков. Тяготы по переноске упитанного грызуна разделили между собой Рыжий и Савельич, поскольку Мартин снова тащил факел, а Брысь не до конца оправился от удара по спине зеленоватым «булыжником» ...

Краткие комментарии для любознательных

В ноябре 1724 года, возвращаясь после инспекции Ладожского канала, недалеко от устья Невы у селения Лахта Пётр I увидел севшее на мель судно. Вместе с другими он бросился в Неву, пытаясь стащить корабль и спасти людей. Борьба за жизнь судна и матросов продолжалась всю ночь. Переохлаждение привело к обострению уремии, которой страдал царь наряду с другими заболеваниями (к 50 годам у Петра I был целый «букет» болезней). На следующий день Пётр слёг. Болезнь продолжалась почти три месяца. Боли были такими сильными, что крики царя слышались далеко вокруг. 28 января 1725 года Пётр Великий скончался.

Глава сорок четвёртая, в которой
Альма бросается
спасать кошачью
сетью

Аобратно сколоченные из сосновых досок торговые ряды превратились в дымящиеся головешки. Та же печальная участь постигла бревенчатые избы и сарай. Каменные строения огонь пощадил больше — оставил стены. Чёрные от копоти, они таращились пустыми глазами оконных проёмов, словно хотели до конца досмотреть разыгравшуюся драму. Красивому, изогнутому полукругом дворцу за ажурной чугунной оградой повезло: ненасытное пламя лишь «надкусило» один из его флигелей.

Альма взгляделась в очертания здания — разве не эти белоснежные колонны она видела с того самого перекрёстка, где сыщицкое чутьё увело её в подземный переход?! Но вот остальное...

— Как такое возможно?! — пробормотала молодая овчарка.

Котёнок, прижимаясь к лапам своей спасительницы, объяснил, удивлённый непонятливостью взрослой собаки:

— Так там больница! В ней Люди остались, вот и потушили!

Альма перевела на малыша растерянный взгляд:

— Я не о том! Как возможно, чтобы этот дворец я сегодня уже видела, а того, что вокруг него, — нет?

Малыш подумал и предположил:

— Наверное, в подземелье, откуда вы все повылазили, воздух дурной, вот вы и заболели — не помните ничего!

— Я помню! — не согласилась «сыщица». — Вот тут, вместо Башни, улица широкая, по ней машины ездят и троллейбусы, ещё подземный переход и сквер! И домов много каменных! И Людей ещё больше!

— А французы есть? — поинтересовался котёнок.

Альма виновато потупила глаза:

— Вообще-то, я по следу шла, на посторонних не отвлекалась...

— А машины и тларебусы что такое?

— Троллейбусы большие, с электрическими усами, а машины на бензине передвигаются, — объяснила «сыщица».

Котёнок Василий наморщил лоб с тремя вертикальными полосками, так что они превратились в одну широкую:

— Не понял я ничего!

— Просто ты ещё маленький! — утешила Альма.

— У меня уши есть! — упрямо напомнил малыш. — Если бы диловины такие были, я бы знал! Вот, к примеру, летающий шар — невидаль, по-твоему?

Овчарка с уважением посмотрела на юного представителя кошачьего племени:

— Конечно невидаль!

Котёнок удовлетворённо хмыкнул и заявил:

— А я про него слышал! А маманя даже видела! Она раньше в усадьбе Воронцово жила. Так вот там целых два шара: один поменьше, а другой огромный, чтобы с Бонапартом воевать!

Альма задумалась. Разноцветные воздушные шары, похожие на гигантские перевёрнутые капли, однажды пролетали над её городом. Точнее, проплывали неспешно и величаво, так что она успела разглядеть их в подробностях: под каждым висела корзина с Людьюми. Они весело махали тем, кто находился внизу. Она им тоже в ответ помахала, хвостом. Хотела громко поприветствовать, но команды «Голос!» не было, а без неё приличной служебной собаке разговаривать нельзя. Вот если бы хозяин в тот момент рядом не стоял, она бы правило нарушила, а так пришлось молча восторг выказывать...

— Да, сверху-то я мигом бы их обнаружила! — размечталась «сыщица». — Знать бы, где эта усадьба...

— Давай маманю спросим! — польщённый интересом взрослой собаки, предложил Василий и тут же загрустил: — Если она живая... А то ведь я как про пожар сказал, так она моих младших братиков и сестрёнок, которые недавно только народились, из-под крыльца в подпол перетасщила, а изба-то наша сгорела, я сам видел...

Альма заторопилась:

— Так что мы тут сидим?! Их же спасти нужно!

Подхватив котёнка, «сыщица» понеслась к тому месту на склоне холма, где выбралась из подземного лабиринта и где неподалёку, по словам её маленького полосатого спутника, совсем недавно располагался дом с огородом и палисадником, а ещё собачьей будкой. Сторожевого пса Боцмана хозяева забрали с собой, когда накануне покинули город вместе с остальными жителями...

Глава сорок пятая, в которой друзьям приходится менять планы

Растерянность Пафнутия быстро сменилась негодованием, что на ратное дело его отправляют без ужина (а может, завтрака или, чего доброго, целого обеда — в подземелье затруднительно было определить время суток).

— Я голодный! — капризно сообщил он Рыжему, чья очередь нести грызуна ещё не закончилась.

— Все голодные! — сердито отозвался замыкающий процессию Брысь.

— Так давайте выберемся на поверхность и перекусим! — «м.н.с.» тут же сменил тон на просительный, пожалев, что не воспользовался телепатией, а высказал претензии вслух (по опыту он знал, что старший компаньон не любит, когда члены команды привередничают).

«Руководитель миссии» не смягчился, наоборот, тут же придумал задание для самого маленького участника их партизанской вылазки:

— Приближённые наверняка позаботи-

лись о своём Императоре и накрыли ему стол в кремлёвских палатах. Ты понадкусываешь всё, что Наполеону приготовили, и внесёшь свой вклад в борьбу с наглым завоевателем!

От приятной перспективы «сражения» Пафнутий повеселел и, чтобы не висеть в кошачьих зубах без всякого толку, миролюбиво обратился к графу Брюсу:

— Ваше сиятельство, а вы зачем в привидения пошли? Вам же без физического воздействия даже горбушки хлеба не погрызть!

Бывший генерал-фельдмаршал не стал вдаваться в подробности, молвил сухо:

— Сие вопреки желанию моему случилось! Не предугадал возможные последствия!

— Последствия чего? — не удовлетворился ответом скучающий от безделья помощник юного химика. — Эксперимента какого-нибудь? — добавил он невинным тоном.

Яков Вилимович с подозрением покосился на зеленоватого грызуна, пытаясь воскресить в памяти давно минувший день, куда угораздило попасть пронырливого «коллегу», — уж не видел ли он намного больше того, о чём поведал в рассказе о пережитых им злоключениях?!

Из щекотливой ситуации учёному помогли выбраться коты: они вдруг остановились, подёргивая ушами и прислушиваясь к звукам, которые сквозь толщу камня и земли мог уловить лишь их изумительный слух.

Мартин положил факел и присоединился

к товарищам, поставив торчком свои длинные треугольники.

— Стреляют опять! — осуждающе пробасил он.

— И по-французски кричат... Что-то про поджигателей, — подтвердил Савельич и обернулся к главному полиглоту и переводчику в их команде.

Брысь хмуро пояснил:

— Захватчики думают, что Москву сами жители запалили, и теперь устраивают показательные казни.

Впечатлительный Рыжий ахнул и выронил «м.н.с.». Тот собрался было возмутиться небрежным обращением, но притих, смущённый суровым выражением на физиономиях приятелей и графа.

— Показывайте ближайший выход! — потребовал Мартин у призрака, и Пафнутий догадался, что его собственная миссия по борьбе с Наполеоном откладывается. Чтобы скрыть разочарование, готовое вылиться наружу горькими голодными слезами, он принялся усиленно моргать.

— Не вздумай упасть в обморок! — строго произнёс Брысь, от внимательных жёлтых глаз которого не укрылось огорчение «м.н.с.».

Его сиятельство рассеянно пожевал кончик пышного парика, а потом, не прощаясь, растворился в воздухе.

— А ещё сия... — начал обвинительную речь Пафнутий, но договорить не успел —

расплывчатые контуры призрака снова обозначились на прежнем месте, а через мгновение привидение обрело привычные очертания.

— Мы под холмом Ваганьковским, где Пашкова дом красуется, — сообщил граф. — До Кремля рукой подать!

— Вот! — пискнул «м.н.с.», надеясь, что его возглас будет расценен исключительно как стремление быстрее изгнать Бонапарта из сердца государства российского.

На его беду, тишину каменного лабиринта вновь потревожили выстрелы. Бывший генерал-фельдмаршал ринулся в один из рукавов главного туннеля, а взволнованные «камрады» поспешили за ним.

— Я вас тут подожду! — крикнул им вдогонку «м.н.с.», передумавший выбираться наверх и радуясь, что голосок у него тонкий, а приятели впопыхах о нём забыли.

Однако крикнул он, видимо, громче обычного, потому что из темноты, поглотившей друзей вместе с факелом, донеслось сердитое:

— Пафнутий, не отставай! Я знаю, ты умеешь быстро бегать!

— Они меня бросили, а я теперь рекорды по скорости ставить должен! — проворчал помощник юного химика, но больше для себя, чем для «руководителя миссии», отдавшего суровый приказ.

Впрочем, жаловаться на несправедливую участь долго не пришлось: уже через десяток метров он наткнулся на каменную лестницу, с

нижней ступеньки которой свешивался знакомый полосатый хвост...

Краткие комментарии для любознательных

До 400 горожан из низших сословий были расстреляны французским военно-полевым судом по подозрению в поджогах.

Глава сорок шестая, в которой Апытя становится пожарницею

От дома, где жил Василий, остались несколько обугленных брёвен да покрытый копотью остов большой печи.

— Дымятся ещё! — вскрикнул котёнок.

Овчарка жалостливо лизнула его мордочку — смотреть, как горюет полосатая кроха, и представлять, что где-то в подполе под горячими развалинами замурована целая семья, пусть и кошачья, было невыносимо. Следовало хоть что-то предпринять для их спасения!

— А воды поблизости нет?

Котёнок сразу воодушевился:

— Пруды есть! В них Люди бельё стирают и собаки в жару купаются!

— Тогда давай искать, в чём воду таскать! — бодро воскликнула Альма, словно ей уже доводилось что-нибудь тушить. (На самом деле она лишь однажды, и то издалека, слышала вой пожарной сирены, но зато в сказке, которую любимый хозяин читал своей дочке перед сном, были строки, весьма подходящие к случаю: «Бежит курица с ведром, заливают кошкин дом!».)

— Я знаю, где искать! — повеселел малыш. — Где колодец!

Котёнок помчался по улице, до неузнаваемости изуродованной пожаром, и остановился возле единственного не тронутого огнём сооружения — квадратного плоского «домика» высотой в пять толстых брёвен, накрытого щитом из досок. Ещё два бревна, поставленные вертикально, поддерживали двускатную, с резьбой по краю, деревянную крышу. Между «домиком» и крышей имелась круглая поперечина с торчащим наружу железным рычагом. Но главное — поперечина была обмотана верёвкой, на конце которой болталось самое настоящее ведро!

На то, чтобы перегрызть заскорузлую верёвку, у молодой овчарки ушло всего несколько минут. Как и на то, чтобы добежать с гремящим ведром в зубах до пруда и зачерпнуть воды. Гораздо больше времени и сил потребовалось, чтобы дотащить до места хотя бы половину зачерпнутого.

Люк в подпол находился в сенях, выго-

ревших почти дотла, и «спасательница» надеялась, что сможет остудить пожарище и раскопать толстый слой углей и золы.

— Эх, кабы дождик! — мечтательно устался на небо котёнок.

Однако стремительно надвигающаяся ночь лишь добавила чёрной краски в унылую картину и ярче высветила багровое зарево над Москвой.

Стараясь не показывать малышу усталости, Альма ещё несколько раз проделала путь до пруда и назад, с сожалением отмечая, что приносит всё меньше воды. Василий носился за ней и без умолку тарахтел, с радостным ожиданием заглядывая в собачьи глаза.

Из болтовни котёнка «сыщица» узнала об обстоятельствах его знакомства с исчезнувшими котами и пришла к пугающему выводу — она очутилась в прошлом! В 1812 году, когда, по утверждению Василия, идёт война с французскими захватчиками, вторгшимися в её страну под предводительством некоего Бонапарта. Это открытие объясняло странности, творящиеся вокруг, но тем не менее было совершенно непостижимым!

К «служебной» необходимости разыскать пропавших добавился новый стимул: может, они объяснят, как случилось такое невероятное перемещение во времени, а главное — как ей вернуться к любимому хозяину?

— Перестало шипеть!

Восклицание котёнка вывело Альму из

раздумий. Она посмотрела на то место, куда вылила очередную порцию воды, и прислушалась — действительно, угли, которые раньше отзывались злобным шипением, теперь «промолчали».

— Остывают! — облегчённо выдохнула «спасательница» и опять помчалась к пруду, чтобы закрепить успех.

Наконец можно было приступать ко второму этапу, не боясь обжечь лапы, но Альма вдруг засомневалась: что, если они опоздали и семья Василия погибла? Выдержит ли котёнок такой удар после надежды, которую она ему внушила?

Овчарка осторожно скосила глаза вниз, на малыша — тот сосредоточенно смотрел перед собой. Наверное, опасался того же, что и она.

Внезапно из-под кучи углей донеслось тонкое попискивание.

— Ты слышал? — воскликнула Альма и принялась с остервенением разгребать завал, пока под лапами не оказалась пустота — широкая щель между обгоревшей крышкой люка и такой же полусгоревшей половицей. Из темноты подпола блеснули кошачьи зрачки...

Глава сорок седьмая, в которой Пафнутий проявляет хитрость

Арачная решимость, с какой Москва бросилась в огненную пучину, крепла с каждым ураганным порывом. Не ослабляя хватки, ветер строго следил, чтобы не угасал огонь: раздувал тлеющие головешки и подсыпал искры в затухающие пожары...

Великий город полыхал, объятый пламенем от окраин до древних кремлёвских стен. Зарево охватило половину неба и за десятки вёрст отражалось в глазах тех, кто оставил свой дом, а теперь угрюмо вглядывался в багровые сполохи. Но у всех, от мала до велика, к тоске по утраченному подмешивалось мстительное чувство — не владеть тебе, Бонапарт, нашей Первопрестольной!

— Хрустит там наверху что-то, — пролепетал Пафнутий, размахивая лапками, словно их движения могли облегчить Брысю подъём по крутым ступеням.

— Ты бы не трепыхался! — посовето-

вал философ, шествующий рядом. (Савельич и Рыжий призывали Брыся к соблюдению очередности, согласно которой нести раскормленное зеленоватое тельце следовало книгочею, но друг заверил, что уже оправился от «удачного приземления» Пафнутия, а потому сам тащил младшего компаньона.)

— Но ведь хрустит! — не унимался «м.н.с.», вращая круглыми мягкими ушами и тараща рубиновые глазки-бусинки.

Яков Вилимович прислушался и озабоченно изрёк:

— Пашкова дом занялся! Как бы не обрушился да выход не завалил!

Хруст и треск усилились, сопровождаемые мощным гулом. словно раскочегарилась гигантская печь, поглотив ненасытной утробой достаточно топлива.

— А долго ещё подниматься? — торопливо подметая хвостом замшелые ступени, поинтересовался Рыжий.

— Два уровня осталось! Лестницу сию преодолеее, да левее коридором возьмёте, там зело круто карабкаться придётся, — принялся объяснять призрак.

— Ваше сиятельство, — снова встрял Пафнутий, — а вы откуда эти подземелья так хорошо знаете?

За бывшего учёного ответил Савельич:

— Да он тут библиотеку царя Ивана Грозного найти пытался.

— Ничего себе! — поразился «м.н.с.». —

Это что же получается: библиотеки раньше под землёй располагались, так что и не отыскать?!

Брысь, не имея возможности подключиться к беседе, как следует потрянул грызуна, чтобы тот замолчал и не позорил глупыми вопросами пришельцев из будущего.

— Споткнулся? — участливо отреагировал Пафнутий на неожиданную встряску.

Граф Брюс назидательно поднял указательный палец, униженный перстнями с драгоценными камнями, чем привлёк ещё большее внимание кладоискателя, и торжественно молвил:

— Либерии той цены нет! Токмо сокрыто место её. Уж сколько веков на поиски потрачено.

Пафнутий оживился:

— Так вы небось сами искали, а надо было собаку розыскную подключить — они ведь миллионы запахов различают! Взять хоть Мартина нашего!

«М.н.с.» с гордостью посмотрел на вышагивающего с факелом в зубах огромного пса, словно лично наградил приятеля тончайшим обонянием. Не мешало бы, конечно, выпятить живот и откинуть назад голову, чтобы его сиятельство не усомнился в серьёзности выдвинутого аргумента, но подвешенное состояние не позволяло принять важную осанку.

— Вот прогоним Бонапарта, — увлечённо продолжал любитель сокровищ, — появится у Мартина свободное время, он либе-

рию вашу в два счёта найдёт! Ему для этого сущий пустяк нужен!

Пафнутий лукаво прищурился.

— Какой? — заинтересовался бывший учёный, не почувствовав подвоха.

— Вещь, по которой библиотеку опознать можно, книгу какую-нибудь старинную...

Брысь поперхнулся и едва не выронил младшего компаньона, по достоинству оценив хитроумную задумку.

«Ну ты даёшь!» — отправил он грызуну мысленное одобрение, вовремя вспомнив о приобретённых питомцем Сашиного друга телепатических способностях.

«Мы, крысы, твари с интеллектом!» — «м.н.с.» обнажил в довольной ухмылке верхнюю пару резцов, покрытых прочной жёлтой эмалью, и приготовился выдать тайну: даже если призрак и дальше будет упрямиться и прикидываться простачком, они и без него справятся! (Если бы Пафнутий мог представить, какая участь постигла драгоценную находку, ухмылка навсегда исчезла бы с его физиономии!)

Впрочем, Брысь, утомлённый длинным переходом, да ещё с увесистым грузом, уже прервал телепатический сеанс, пока помощник юного химика не принялся разглагольствовать о двух своих образованиях...

Глава сорок восьмая, в которой происходит знакомство с кошачьим семейством

Ты, маманя, не бойся! Собака сомной! — просунувшись в щель, первым делом сообщил Василий. — Она мне помогала вас спасать!

Альма недоумённо повела ушами, и котёнок догадался, что ляпнул что-то не то.

— То есть наоборот, — поспешил исправиться он, — я ей показал, где ведро взять, где воду черпать, где подпол, куда вы попрятались, а ещё золу раскапывал — вот, — Василий с гордостью продемонстрировал испачканные в мокрой золе лапки.

«Сыщица» вздохнула — кроха совсем, что с него взять! Да и не нужна ей благодарность. Ей бы сведения скорее получить, как до усадьбы Воронцово добраться.

Кошка, такая же полосатая, как и Василий, ловко вскарабкалась по деревянной лесенке (её соорудили хозяева, чтобы удобнее было извлекать запасы, которые хранились в подполе). В пасти кошка держала крошечного котёнка. Альма даже растерялась — она и не предполагала, что на свете

бывают такие маленькие существа! Кроме мышей, конечно.

Аккуратно положив своё дитя на половину сбоку от щели, мать семейства спустилась за следующим, таким же маленьким и беспомощным. Пока она пополняла количество меховых комочков, Василий с самоотверженностью старшего брата тщательно вылизывал младших родственников.

Остановилась кошка, когда число выложенных в ряд малышей достигло пяти. Не обращая внимания на собаку, Васькина родительница заново проделала работу, которую только что завершил её старший сын: опять облизала всех котят, после чего занялась собственным туалетом. Альма терпеливо ждала окончания ритуала, мысленно сетуя на неспешные кошачьи манеры.

Наконец, мама Василия, умытая и приглаженная, подняла взгляд на «спасательницу».

— Уж и не чаяла выбраться, — нежным голосом вымолвила она. — Не знаю, как и благодарить.

— Знаешь, знаешь! — перебил Василий. — Нам шар летательный нужен, а ты дорогу помнишь!

Мама-кошка округлила глаза, но не потому, что удивилась странному пожеланию (у собак вечно всё не так!), а потому, что рассердилась на неосторожно брошенное Василием «нам».

— Куда это ты собрался? — сердито спро-

сила она. — Не пущу! И вам не советую! — обратилась она к Альме и назидательно пояснила: — Кабы нужно было кошкам да собакам летать, были бы у них крылья! А поскольку крыльев у них нет, то, значит, им на небо только глядеть полагается!

— У Людей тоже крыльев нет, но они придумали, как в вышину подняться! — проворчал Василий и обиженно отвернулся. — К тому же я взрослый!

На последнее замечание кошка отреагировала затрепиной, так что маленький спутник Альмы покачнулся и отпрыгнул от разгневанной родительницы подальше.

— Неужели вы вправду видели воздушный шар? Просто не верится, что они есть в вашем времени! — вступила в беседу «сыщица». (Кстати, намерение Василия следовать за ней не нравилось Альме так же сильно, как и его маме. Хватит на её голову тех котов, которых надлежало отыскать в чужом, объятom пламенем городе!)

Кошка удивлённо и даже с некоторой опаской переспросила:

— В нашем времени?

Василий не удержался и опять встрял в разговор, рискуя получить новую оплеуху:

— Из подземелья они повылазили! Про Бонапарта — и то не знали!

Мать кошачьего семейства метнула на сына строгий взгляд.

— У нас над Москвой шары давно летают!

Уж лет десять точно. Они ещё при его прабабке появились, — кивнула она на непослушного отпрыска. — А в имении Воронцово, где я родилась, ещё весной Люди стали корабль летучий сооружать. По приказу нашего императора Александра Первого. Немец какой-то работами командовал. — Кошка снова принялась водить розовым язычком по шёрстке, разглаживая чёрные полосы.

— Вспомнила! — воскликнула она чуть погодя. — Его Францом Леппихом звали, а в помощь ему кучу плотников, кузнецов и швей дали, чтобы к сражению с французами успеть. Огромная такая рыбина надутая получилась, а под ней лодка на полсотни гребцов.

— Вы это своими глазами видели? — изумилась Альма.

— Нет, чужими! — фыркнула кошка. — Всё видела: и как рыбину в бальном зале дворца на полу шили, и как лаком её пропитывали, и как полосами чёрными раскрашивали, и как на столбах над лодкой развешивали, и как якорями удерживали, чтобы не улетела!

— Как же её надули, такую огромную? — продолжала удивляться Альма.

Кошка неопределённо махнула хвостом:

— Бочки какие-то вокруг стояли, а от них к рыбине рукава матерчатые тянулись.

«Сыщица» печально вздохнула — разве сможет она управиться с машиной, рассчитанной на пятьдесят человек?! Даже если Ваську в помощники возьмёт...

— Там и второй шар был, маленький, для пробы, — словно разгадав причину собачьего уныния, добавила кошка...

Краткие комментарии для любознательных

Франц Ксавье Леппих (1778 — около 1819) — немецкий изобретатель, музыкант и авантюрист. Во время Наполеоновских войн предложил идею и пытался построить управляемый аэростат для бомбардировки неприятельских войск. В проекте Леппиха содержался весьма существенный элемент новизны — нижняя ферма жёсткости, примыкавшая к баллону. Это своеобразный прототип дирижабля полужёсткого типа, у которого в качестве движущих устройств оставались крыльчатые вёсла, управляемые мускульной силой людей.

История российского воздухоплавания началась 30 июля 1803 года. В этот день французский воздухоплаватель-изобретатель Андре-Жак Гарнерен, приехавший в Россию со своим воздушным шаром, предложил взять с собой в полёт пассажира за 2000 рублей. Счастливым оказался престарелый генерал от инфантерии Сергей Лаврентьевич Львов. В шесть часов вечера воздушный шар с Гарнереном и Львовым поднялся в петербургское небо с плаца кадетского корпуса (ныне на этом месте разбит Румянцевский сад) на Васильевском острове. Аэростат полетел в сторону Финского залива, постепенно набирая высоту в 2,5 км. Вскоре ветер неожиданно переменился, и Жак Гарнерен решил опустить шар на землю в районе Красного Села. Так Сергей Львов стал первым россиянином, поднявшимся в небо на воздушном шаре. Спустя десять месяцев в небо над Москвой поднялась первая русская женщина, дочь пензенского помещика Александра Турчанинова. Благодаря рекламным полётам, проводимым французом, воздухоплавание быстро стало популярным в России. Причём воздушные шары использовались не только в развлекательных, но и в военных, а также научных целях.

Глава сорок девятая, в которой
Пафнутий
демонстрирует таланты
рассказчика, а Брысь
проявляет находчивость

Вертикальная складка на высоком графском лбу стала ещё глубже — как предположил Пафнутий, от сомнений в успехе поисков ценной библиотеки.

— Вы, ваше сиятельство, с нами не пропадёте! — хвастливо заверил «м.н.с.». — У нас опыт по розыску сокровищ имеется! Наш Ван Дейк целую Янтарную комнату обнаружил*, да и мне везло неоднократно, — с гордостью добавил он.

Бывший дипломат и сенатор заинтересовался. Правда, не достижениями маленького зеленоватого кладоискателя, а шедевром немецких мастеров.

— Кабинет, что царю Питеру прусский король Фридрих Вильгельм в дар преподнёс, когда в 1716 году мир с Пруссией заключали? — изумился Яков Вилимович.

* Эти события описаны в книге «Брысь, или Кот Его Высочества» (часть IV «Брысь и Янтарная комната»).

Остаток пути Пафнутий, несколько уязвлённый тем, что его собственные свершения не вызвали энтузиазма у слушателей, живописал историю опасных приключений Брыся, поведанную ему однажды Мартином, участником давних событий. В красочном исполнении «м.н.с.» рассказ захватил и тех, кто был прекрасно осведомлён о похождениях неугомонного авантюриста, и самого героя повествования. Так что, заслушавшись, Брысь опять чуть не выронил увесистую ношу, которая к тому же увлечённо жестикулировала.

Итоговая реплика «Вот так-то, ваше сиятельство!» совпала с преодолением последней ступени лестницы, которая привела в помещение, заставленное рядами деревянных стеллажей и дубовыми бочками. Одна из них (к счастью, пустая) загораживала выход из подземелья, но Мартин, хоть и не без труда, отодвинул её.

— Винный погреб! — констатировал философ, разглядев, что хранилось на полках под слоем мохнатой пыли.

Пафнутий подвигал розовым носом и радостно возвестил:

— А дальше — кладовые с провизией!

Аромат съестного (пусть и с примесью дыма) проник в ноздри оголодавших пришельцев и на время заслонил благородные мысли и побуждения.

Пока «гости из будущего» утоляли зверский аппетит, вгрызаясь в любезно оставленные хозяевами колбасные круги, граф вздыхал

и вздрагивал от страшных звуков, что доносились сверху и могли означать лишь одно — в доме рушились перекрытия.

— Ах, какова утрата! — сетовал призрак, прижимая кончик кудрявого парика к слезящимся глазам. — Дворец сей превеликой красоты был и усладой для взоров горожан! Зодчий Баженов вельми талантливо заказ исполнил! Да ещё с секретом!

— Каким? — тут же оторвались от поглощения чужих припасов путешественники во времени.

— Парадным фасадом здание в проулок повернул!

Савельич, более других знакомый с шедеврами московской архитектуры (из книг, разумеется), недоверчиво воскликнул:

— То есть та сторона, что на Кремль смотрит, не самая красивая?!

Пафнутий, разочарованный «секретом» (вот если бы клад с драгоценностями, а то просто дом неправильно поставили!), спросил, дожёвывая последний (судя по тому, как надулся его зеленоватый живот) кусок колбасы и грустя, что больше в него не влезет:

— А Пашков тоже сподвижник царский, раз во дворце поселился?

— Пашков-то? Капитан-поручик лейб-гвардии Семёновского полка, сын денщика царя моего, Питера. При государыне-матушке Екатерине Великой на торговле вином разбогател, вот и отстроил палаты! — поведал

бывший учёный. — Я ко времени тому уж полвека как помер, так что за возведением дома сего в нынешнем состоянии моём следил, поелику являюсь поклонником искусно проделанной работы.

Мартин громко чихнул от дыма, всё больше заполняющего погреб, и Яков Вилимович снова закручинился:

— Ах, утрата! Сгинуло чудо зодчества в огне беспощадном!

Савельич хотел потереться о высокие сапоги вельможи, чтобы утешить старика, но его голова прошла сквозь старинную обувь, напомнив о призрачности собеседника.

Пришлось ограничиться словами:

— Не переживайте, ваше сиятельство! Восстановят лучше прежнего. Брысь, то есть Ван Дейк, хотя лично мне нравится Ваня, — запутался философ с перечислением имён приятеля, — Зимний дворец сжёг, и ничего — отстроили заново!

Граф Брюс округлил глаза и стал похож на удивлённую сову.

— Это в 1837-м случится, — подхватил Рыжий. — Можете специально в Петербург наведаться!

— Нет уж, — решительно отверг Яков Вилимович предложение бывшего дворцового мышелова. — Нам бы из теперешнего пожара выбраться!

Искатель приключений, недовольный упоминанием о своём «подвиге» и тем, как

вольно обращается Савельич с его элегантною кличкой, да ещё при посторонних, сердито проворчал:

— Перекусили и выход давайте искать! Наверх нельзя — сторим, но в подвале наверняка окошки на улицу имеются.

Как всегда, отличился зоркий Рыжий, даже в сизом тумане разглядев под сводами потолка ряд застеклённых прямоугольных проёмов. Взоры присутствующих тут же переместились на «руководителя миссии».

— Как нам их разбить? — озвучил общую растерянность книгочей.

— Мартин запрыгнет на стеллаж у стены и ударит по стеклу винной бутылкой! — уверенным тоном заявил Брысь.

Восхищённый находчивостью приятеля, пёс с первой же попытки покори́л высоту (он на собачьей площадке и повыше барьеры брал, жаль, коты ни разу не видели!) и, ухватившись зубами за узкое горлышко, стянул с ближней полки запылившуюся тяжёлую бутылку...

Краткие комментарии для любознательных

Дом Пашкова, или Пашков дом — одно из самых знаменитых зданий Москвы, ныне принадлежащее Российской государственной библиотеке. Находится по адресу Воздвиженка ул. 3/5, стр.1. Пашков дом был построен в 1784—1786 годах по заказу капитан-поручика лейб-гвардии Семёновского полка Петра Егоровича Пашкова, сына денщика Петра I, предположительно, по проекту архитектора Василия Ивановича Баженова. На протяжении XX века высказывались различные точки зрения по вопросу его авторства, так как письменных свидетельств не сохранилось, и единственное, что доказывает принадлежность

его Баженову, — это архитектурная манера. После своей построй-ки Пашков дом стал достопримечательностью Москвы и считается одним из самых красивых зданий города. Оригинальность решения — въезд располагается не со стороны главного фасада, а в переулке, традиционная планировка оказывается как бы перевёрнутой. Высокий холм создаёт подножие зданию. Некогда перед особняком находился сад. Во время наполеоновского нашествия Пашков дом сильно пострадал. В настоящее время Пашков дом входит в комплекс зданий Российской государственной библиотеки: в правом флигеле расположен отдел рукописей, в левом — нотно-музыкальный отдел и отдел картографических изданий. Интересные факты: дом Пашкова описан в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» как место встречи Воланда, Азазелло и Левия Матвея; глубины Ваганьковского холма под Пашковым домом считаются одним из нескольких возможных вариантов местонахождения легендарной Либерии Ивана Грозного.

Глава пятидесятая, в которой неприятно достаётся от Мартина

В ту же секунду раздался звон разбито-го окна и посыпались осколки, едва не поранив задранные кверху физиономии.

— Предупреждать надо! — обиженно пискнул Пафнутий, в опасной близости от которого упал и разлетелся на мелкие острые брызги солидный кусок стекла.

Мартин только собирался размахнуться, сжимая в зубах увесистую бутылку, а потому растерялся не меньше приятелей. Звон повто-

рился, сопровождаемый новой порцией осколков и иностранной речью.

— Мародёры! — воскликнул призрак. — Хотят поживиться чужим добром, пока огонь на погреб не перекинулся!

— Вот негодяи! — возмутился «м.н.с.», в животе которого поместилось столько чужой колбасы, что миссия по надкусыванию наполеоновских лакомств стала казаться трудно-выполнимой.

Стукнув ещё несколько раз по стеклу, солдат неприятельской армии просунул в образовавшийся проём голову и встретился взглядом с большими карими глазами, устремлёнными прямо на него. Глаза располагались на внушительных размеров собачьей морде с оскаленной пастью, из которой торчала покрытая пылью винная бутылка.

Не имея ни времени на раздумья, ни возможности спросить совета у приятелей, пёс треснул захватчика тяжёлым сосудом. Враг «лобовой атаки» не ожидал, а потому охнул и вывалился наружу. Не давая ему опомниться, Мартин выскочил следом, предоставив друзьям и бывшему генерал-фельдмаршалу наслаждаться его грозным басистым лаем и бранью улепётывающих мародёров.

— Вот и выход! — обрадовался Пафнутий, карабкаясь вверх. Чувство сытости мешало передвигаться с присущей грызунам ловкостью, так что обогнать прыгучих котов у «м.н.с.» не получилось.

Бесплотный призрак опередил всех и, пока пришельцы из будущего выбирались из задымлённого подвала, успел изрядно намочить концы пышного парика, утирая слёзы, которые не мог сдержать при виде пылающей Москвы.

— Ах, супостат! — погрозил он кулаком в сторону Кремля, где засел Бонапарт со свитой.

Из окон белоснежного дворца, «чуда зодчества и улады для взоров», вырывалось пламя. Горел и прилегающий к дому Пашкова роскошный сад: огонь с аппетитом жевал газоны и цветники, взбирался по изогнутым стволам черешен, хрустел ветками лип и клёнов, слизывал иголки с разлапистых елей. Ветер помогал, наклоняя макушки деревьев друг к другу, чтобы вспыхивали быстрее и ярче. Багровое небо окрасило реку, и казалось, что по объятому пожарами городу несётся кровавый поток...

Путешественники во времени, потрясённые размерами бедствия, отбежали на мостовую, опасаясь, как бы от нестерпимого жара не вспыхнула их шёрстка, и беспокоясь за умчавшегося в неизвестном направлении Мартина.

К счастью, пёс вскоре вернулся, да ещё с таким довольным выражением на простодушной морде, словно его клыки напугали не парочку любителей лёгкой наживы, а половину наполеоновской армии. Радость приятеля, впрочем, имела серьёзные основания — по

пути ему удалось освободить группу жителей, которых собирались казнить за «поджоги».

— Как тебе удалось в одиночку справиться с французами?! — восхитились друзья, а бывший генерал-фельдмаршал опять проследился.

— Да их мало было: офицер и двое солдат, — скромно ответил Мартин. — Они в меня и прицелиться не успели!

Пафнутий, разочарованный скупостью изложения и переживая, что слушатели, в особенности его сиятельство, вслед за Мартином решат, что ничего выдающегося в поступке отважного пса нет, живо взобрался к приятелю на голову и, держась передними лапками за собачье ухо, поднялся в полный рост. Не забыв принять горделивую осанку, чему способствовал туго набитый живот, он воинственно пропищал, словно был свидетелем произошедшего:

— Зато драпали они так, что подошвы искрились! Небось от них и трава загорелась!

Пламенная речь «м.н.с.» потонула в треске и рёве пожара (голосок-то у него тонкий). К тому же Брысь приступил к раздаче приказов, окончательно заглушив своим звучным баритоном писк помощника юного химика.

Согласно диспозиции, разработанной «руководителем миссии», большая часть группы отправлялась в Кремль, чтобы выяснить, где укрылся главный злодей, и составить план кампании по его изгнанию. Габарит-

ный Мартин для тонкого шпионского дела не годился, так что ему надлежало патрулировать улицы: вдруг ещё где-нибудь потребуется вмешательство могучего и смелого пса.

Бывший генерал-фельдмаршал с его способностью быстро и незаметно перемещаться должен был помогать «разведчикам», а ещё быть связным между ними и Мартином.

Граф решительно потрянул париком и сменил облачение на парадный камзол со множеством сверкающих орденов — для поднятия боевого духа...

Глава пятьдесят первая, в которой

Пафнутий боится, Мартин рвётся в бой, а Наполеон ищет спасения

Пафнутий окинул генерал-фельдмаршала оценивающим взглядом и похвалил:

— Правильно, ваше сиятельство! Может, увидят враги столько орденов и сами разбегутся!

— А я бы на вашем месте рыцарем нарядился! Уж больно воинственный вид у вас был, да и пуля железо не пробьёт, — вспомнил Рыжий о необычном облачении призрака, из-за которого они не сразу признали в нём графа Брюса.

— Пробьёт, — возразил Мартин, — латы же не бронированные!

— Ой, да что вы спорите! — вклинился в беседу «руководитель миссии» и пояснил недовольным тоном: — Он же привидение! Его, кроме нас, никто не замечает, и пули бесплотному духу не страшны! Поэтому абсолютно всё равно, что на нём будет надето! Хоть шлёпанцы и халат!

Яков Вилимович, поторопившийся сменить камзол на рыцарские доспехи (хотя при жизни в его гардеробе таковых не водилось, только на одном из портретов фантазия художника придала ему облик средневекового воина), погрузился и стал преображаться, примеряя на себя удобное домашнее одеяние.

— Пусть он будет генералом! — взмолился «кладоискатель», которому сияние драгоценных камней на орденах придавало уверенности в победе и напоминало о спрятанной в тайнике Книге. А мысль о сотнях, а то и тысячах фолиантов в роскошных сверкающих окладах, что дожидались где-то в подземелье, горячила кровь и даже вернула аппетит, нарушенный сытным обедом.

С вершины Ваганьковского холма, где уже вовсю полыхал дом Пашкова, летели горячие хлопья пепла и целые обугленные куски, совсем недавно бывшие изящными предметами мебели. Один из них чуть не упал на Пафнутия, и только молниеносная реакция Брыся в очередной раз спасла его от неминуемой гибели.

— Спасибо! — пролепетал «м.н.с.», с ужасом осознавая, что не готов к решительным боевым действиям, а хотел бы немедленно заняться разведкой недр, скрывающих Либерию Ивана Грозного.

Высказаться, однако, не успел: вся компания бросилась к прудам, протянувшимся перед кремлёвской стеной на месте будущих

тенистых аллей Александровского сада (о чём поведал Савельич на правах знатока достопримечательностей).

Наполеоновские солдаты черпали оттуда воду бадьями и вёдрами и, расплёскивая второпях, передавали друг другу по живой цепи, дальний конец которой исчезал за распахнутыми воротами Боровицкой башни. Видимо, огонь добрался до зданий Кремля.

— Не до «Марсельезы» им теперь! — позлорадствовал Рыжий и на случай, если придётся пробираться через открытое пламя, намочил свой пушистый хвост.

Мартин нырнул в пруд с головой. Правда, потоки воды, которые стекали с него, когда он вылез на берег, превратились в миллионы брызг и осели на котах и Пафнутии, едва пёс отряхнулся.

— Ну спасибо! — снова пропищал «м.н.с.», но на этот раз в его тонком голосе не прозвучало ни капли благодарности.

Брысь уже передумал отправлять Мартина на патрулирование. Затея была слишком опасной. Да и Кремль вблизи оказался таким огромным и был так плотно затянут дымной пеленой, что даже крупный пёс не выделялся бы в составе их «разведгруппы». Приятель, однако, не послушался, помня лишь о главной цели любого порядочного пса — служить Людям и защищать их в беде. А беда была сейчас именно там, на городских улицах, где полыхали пожары и гремели выстрелы.

— Будь осторожен! — только и успели крикнуть друзья.

Мартин умчался, оставив после себя тяжёлый дух мокрой шерсти, который быстро смешался с запахом гари.

Беспрерывно чихая и подслеповато щуря глаза, «разведчики» побежали в Кремль. А неприятель, гремя вёдрами, на разных языках проклинал хитроумный план русских военачальников, заманивших «Великую армию» на погибель.

О том же самом мучительно размышлял невысокий плотный человек в сером сюртуке. Кусая тонкие губы, он мрачно взирал через окно второго этажа дворца — московской резиденции русских царей — на окутанные чёрной завесой купола православных храмов. Они уже не вызывали восхищённого изумления, как тогда, когда он любовался городом с высокого холма в ожидании делегации от жителей. Когда сердце России, которое он так стремился завоевать, лежало перед ним во всём своём златоглавом великолепии и казалось прекрасней Парижа и всех европейских столиц, вместе взятых.

Москва и вблизи поразила его роскошью особняков, чистотой мощёных улиц и шириной проспектов. Однако для полного торжества нужны были нарядные толпы, которые бы смиренно приветствовали победителя. Вместо них взгляд императора наткнулся на заколоченные окна и двери.

Военный оркестр старательно бил в литавры, гудел в трубы и стучал в барабаны, но звуки любимого гимна не достигали ушей — на них давила тишина. Тягостное предчувствие беды скоро подтвердилось — город охватили пожары. Подчинённые уверяли, что это дело рук тысяч поджигателей, якобы оставленных генерал-губернатором, но Бонапарта не покидало мистическое ощущение — Москва живая. Непокорная. Она борется с ним. Всё туже сжимает кольцо огня. Бежать...

— Мой Император!

Голос адъютанта, графа де Сегюра, звучал взволнованно.

— Кремль горит. Пламя подбирается к пороховому складу...

Краткие комментарии для любознательных

Великая армия (фр. Grande Armée) — название вооружённых сил Французской Империи в 1805—1808 и 1811—1814 годах. В 1812 году, на пике своего могущества, Наполеон вторгся в Россию с 10 пехотными и 4 кавалерийскими корпусами общей численностью — 390 тысяч солдат. Из них только половина были французами, остальные — поляки, немцы из германских государств Рейнского союза, немцы из Пруссии, итальянцы, испанцы, хорваты и австрийский корпус.

Глава пятьдесят вторая, в которой грузья оказываются в Кремле

Упёк из гвардейцев, торопливо передающих друг другу вёдра с водой, тянулась от Боровицкой башни влево и терялась в дымной завесе, разорванной ветром на седые клочья. Человеческая речь тоже рвалась на кусочки и долетала обрывками, из которых выяснилось, что наполеоновские солдаты заливают бочки с порохом, складированные возле здания Арсенала. Вероятно, кремлёвский гарнизон собирался вывезти их, когда по приказу генерал-губернатора Ростопчина покидал Москву, но по какой-то причине ёмкости с взрывчатой смесью остались стоять под открытым небом.

По правую сторону от ворот, на крутом склоне, обращённом к Москве-реке, располагался сад, довольно запущенный, словно ухаживали за ним от случая к случаю. Всё остальное пространство Кремля занимали здания, в основном церкви, так что ночная темнота рассеивалась не только от зарева пожаров, но и от белокаменных стен и золотого сияния десятков куполов.

— Эх, — посетовал Савельич, — столько шедевров зодчества не доживут до наших дней! Даже созданный Растрелли царский дворец! Его ещё называли Новым или Зимним.

— Зимним? — заинтересовался Рыжий на правах бывшего дворцового мышелова.

А Брысь, в пасти которого по-прежнему болтался увесистый «м.н.с.», с любопытством оглядел творение знаменитого мастера стиля барокко, где, вероятнее всего, и находился Наполеон со свитой. Наземный этаж был прорезан глубокими, закруглёнными сверху нишами, наподобие тех, что они уже видели в Сухаревой башне, а второй (он же и последний) — представлял собой изящное здание с выступающей центральной частью и украшенное лепными завитушками. Хотя острый кошачий глаз подметил, что дворец не содержится в том же великолепии, что его петербургский тёзка.

— Да-с, при матушке-императрице Елизавете Петровне выстроен был, взамен деревянного, тоже Растрелли созданного, — присоединился к беседе его сиятельство. — Хотя в Москву-то она редко навевывалась. Двор государев ещё при царе Питере в новую столицу перебрался. Потому и ветшает дворец потихоньку, да и за садом уход ненадлежащий...

Савельич возмущённо фыркнул, недовольный вмешательством в его лекцию, обогнал приятелей и встал поперёк, так что остальным нужно было либо обойти «лекто-

ра», чтобы продолжить путь, либо остановиться и дослушать рассказ. Все выбрали второй вариант: бывший учёный — потому что заколебался, не является ли чёрный кот на дороге и для призраков плохой приметой, а остальные — чтобы не обидеть книгочея.

— А в правление Екатерины Великой замышлялся грандиозный проект, и если бы императрица разрешила архитектору Баженову...

— Тому, который Пашков дом строил, где мы колбасу ели? — вклинился с вопросом Пафнутий, продемонстрировав, что в его маленькую голову помещаются сведения не только о продуктах питания. (Впрочем... возможно, именно приятные ассоциации и сыграли главную роль в повышении культурного уровня «м.н.с.».)

— Тому самому, — метнув сердитый взгляд на грызуна, подтвердил Савельич. — Так вот, если бы она позволила зодчему завершить его идею, то сейчас по всему склону до самой реки вместо сада простиралась бы царская резиденция. Для удобства строительства даже кремлёвскую стену с несколькими башнями разобрали.

Его сиятельство, не придя к однозначному выводу по поводу «плохой приметы», вздохнул:

— Да-с, я присутствовал при торжественной закладке нового дворца. Правда, уже в нынешнем моём обличье, поскольку сие в

1773 году совершалось, спустя почти сорок лет после кончины моей.

— Ну и где он, новый дворец? — снова потребовал ответа Пафнутий, и Савельич, в любое другое время проигнорировавший бы писклявый лепет «м.н.с.», в этот раз поспешил отозваться, чтобы опередить графа:

— Государыня решила, что слишком масштабная задумка, и денег из казны не выделила.

— Ходят слухи, что зодчий обиделся, а потому при строительстве дома Пашкова парадным фасадом его от Кремля отвернул, — дополнил призрак.

— Тот, где мы колбасу ели! — опять не удержался от уточнения Пафнутий, которому очень нравилось, что слову «колбаса» нашлось место в умной беседе.

— Уже совсем рядом полыхает, поспешить бы, — боязливо заметил Рыжий, поглядывая на зарево цвета его шерсти, окончательно прогнавшее темноту и, кажется, уже переступившее через высокие зубчатые стены.

— Точно! А то и мы до наших дней не доживём, не только шедевры! — охотно поддерживал «м.н.с.» (на самом деле ему хотелось исполнить миссию по надкусыванию наполеоновских деликатесов, пока они не подгорели).

Однако теперь к его тонкому голоску никто не прислушался, тем более что поблизости, перекрывая гул подступающего пожара, раздался страшный грохот.

— Это из собора Архангельского! — взволнованно сообщил Яков Вилимович. — Там усыпальница князей и царей русских: и Рюриковичей, и Романовых! Тут их хоронили, пока столицу северную не отстроили... Ах варвары-супостаты, небось гробницы разоряют!

Пришельцы из будущего, которые собрались было проскочить в ближайший подъезд царской резиденции, не сговариваясь, устремились к величественному пятиглавому зданию, откуда доносился шум. Опасения графа Брюса подтвердились: при свете факелов, возбуждённые блеском роскошного тринадцатиярусного иконостаса, неприятельские солдаты торопились набрать побольше трофеев. Кто-то разбивал крышки каменных саркофагов, рассчитывая обнаружить внутри сокровища покойных правителей, кто-то срывал драгоценные оклады с древних икон, кто-то пытался дотянуться до тяжёлых витых светильников, отливающих заманчивой желтизной.

Брысь помрачнел.

— Тут Мартин нужен! — заявил он, выплюнув «м.н.с.» и не обращая внимания на его возмущённый писк...

Яков Вилимович, который в бессильном гневе кружил между вражескими солдатами и заливался слезами, не в силах смотреть, как святыне образа падают на каменный пол под сапоги захватчиков, приобрёл суровый вид генерал-фельдмаршала и мгновенно исчез из виду...

Архангельский собор был сооружён в 1505—1508 годах под руководством итальянского зодчего Алевиза Нового на месте старого собора XIV века и освящён 8 ноября 1508 года митрополитом Симоном. С 1599 года по 1765 год при соборе состояли особые архиереи, обязанностью которых было совершать панихиды в дни поминовения князей и царей. В интерьере собора росписи 1652—1666 годов (Фёдор Зубов, Яков Казанец, Степан Рязанец, Иосиф Владимиров и др.), резной деревянный позолоченный иконостас XVII—XIX веков (высота 13 м) с иконами XV—XVII веков, паникадила XVII века. Стенопись XVI века была сбита и написана вновь в 1652—1666 годах по старым прорисам иконописцами Оружейной палаты. В октябре 1508 года Великий князь Василий III «повелел уготовить места и перенести мощи прародителей своих Великих князей Русских» в новый Архангельский собор с указанием правил захоронения. Первым здесь был перезахоронен умерший в 1340 году великий князь Иван Калита (останки перенесены из Собора Спаса на Бору в 1508 году), а последним — император Пётр II (1730). Всего в соборе 54 погребения, включая раки святых царевича Дмитрия Ивановича и Михаила Черниговского, 46 белокаменных орнаментированных надгробий 1636—1637 годов, бронзовые остеклённые футляры (1903). Во время наполеоновского нашествия, как и многие другие соборы Москвы, подвергся осквернению и разграблению.

Глава пятьдесят третья, в которой
Альма и Василий
отправляются в путь

Кошка удручённо оглядела пепелище, в которое безжалостный огонь превратил дом и подворье.

— Хозяевам некуда будет вернуться, — грустно молвила она.

— По всей улице так, — вздохнул Василий и встревоженно спросил, обращаясь к Альме: — А может, коты правду говорили и Москва вся сгорит? Ты что думаешь?

«Сыщица», занятая размышлениями, как бы тактичнее вернуть беседу к летающим аппаратам, смутилась:

— Не знаю, я ведь нездешняя...

— Ещё и нездешняя, — проворчала кошка. — Где Юг, хотя бы знаешь?

Альма уставилась в ночное небо, рассчитывая отыскать Полярную звезду, которая, по слухам, должна сиять ярче других и находиться на Севере, а уж то, что Юг располагается в противоположной стороне, молодая овчарка и сама догадывалась. Однако светящиеся точки-подсказки скрывались за плот-

ной дымовой завесой, и «сыщица» перевела сконфуженный взгляд на кошку.

— И как вы, собаки, на свете живёте?! — с чувством глубокого превосходства изрекла представительница кошачьего племени. — Ладно, Василий, проводи! — милостиво разрешила она. — Двигайтесь в южном направлении. Усадьба Воронцово большая, парком окружена — не промахнётесь. И сразу домой! — непререкаемым тоном заявила она сыну, который уже бросился выполнять поручение, опередив даже Альму («сыщица» замешкалась, чтобы лизнуть на прощание крошечные меховые комочки).

Быстро нагнав своего маленького спутника, овчарка поинтересовалась:

— А у вас кошачий секрет имеется, чтобы стороны света определять?

Василий беззаботно отмахнулся:

— Мамадя говорит, мы от рождения умные. Уж ты не обижайся! И потом — у нас в голове компас имеется, как у моряков.

Альма уважительно посмотрела сверху вниз на котёнка:

— И про компас знаешь, и моряков, и пса вашего Боцманом зовут... У вас, что ли, хозяин из корабельщиков?

— Не, это потому, что с Башней соседствуем, а уж она с морем связана: то школа в ней навигацкая располагалась, то ведомство морское! Ты, кстати, море видела?

Альма отрицательно качнула хвостом.

— Я тоже! Только мне не жалко: мы, коты, воду не очень любим, а в море её много-много, до самого горизонта. Я своими ушами слышал! К тому же пить её нельзя — солёная...

Василий уверенно мчался по улицам, ловко перепрыгивая через препятствия, которые понастроил ветер. Иногда попадались понурые жители, в молчании замершие перед тлеющими останками своих домов. Осыпанные серым пеплом, люди походили на призраков. Некоторые оборачивались в сторону центра города, где пожар ещё только набирал силу, и тихо всхлипывали:

— Я, чай, Кремль горит? Не устояла Первопрестольная наша...

Другие подхватывали так же негромко:

— Ах, натворил бед француз проклятый!

Третьи возражали:

— Говорят, это план такой был у губернатора нашего, Ростопчина, — спалить, чтобы супостату не досталась. Вроде и людей специальных оставил, и запалы подготовил...

Четвёртые не соглашались и таинственным шёпотом сообщали:

— Это комета Москву-матушку хвостом огненным задела, а дальше уж ветер постарался!

Остальные недоверчиво качали головами:

— Комета зимой ещё прочь улетела, тому семь месяцев как!

— А хвостице-то у неё какой длинный! От него и полыхнуло жаром! — не сдавались сторонники космической версии.

Василий, прислушиваясь на бегу к разговорам, сокрушённо заметил:

— Эх, никто из Людей города не понимает! А должны бы — они ведь его построили! А как беда пришла, бросили — сама, мол, Москва, себя защищай! Вот она и защищает как умеет!

Альма, признавая за столицей право на самооборону и даже самоуничтожение, всё-таки лелеяла надежду, что та пощадит воздушные шары, хотя бы самый маленький, такой необходимый для сыщицкого дела.

— А комета и впрямь была, — деловито продолжал котёнок. — Взрослые говорят, полтора года в небе крутилась — беду предвещала. Боцман наш на неё выл. Сам-то я не застал, не родился тогда ещё, а маманя рассказывала, как хозяева на пса ругались, мол, и так тошно, а тут он тоски добавляет.

Молодой овчарке и самой хотелось завывать от переживаний за оставленного рядом со злодеем хозяина и собственной неуверенности перед будущим, затянутым удушливым сизым туманом...

Краткие комментарии для любознательных

Большая комета 1811 года (официальное обозначение C/1811 F1) была кометой, видимой невооружённым глазом на небе в течение 290 дней. Комета была впервые обнаружена 25 марта 1811 года Оноре Флержер на расстоянии в 2,7 а. е. от Солнца. В апреле 1811 года открытие было официально подтверждено. Наибольшая яркость кометы была в октябре 1811 года, когда она достигла видимой звёздной величины в 0^m, став сравнимой по яркости с самыми яркими

звёздами ночного неба. В декабре 1811 года хвост кометы изогнулся от ядра на более чем 60 градусов. Она была необычайно впечатляющей, хотя близко не подходила ни к Земле, ни к Солнцу. Период обращения кометы вокруг Солнца был определён как 3100 лет. Следующее возвращение C/1811 F1 ожидается в конце пятого тысячелетия.

Глава пятьдесят четвёртая, в которой происходит неожиданная встреча

Если бы не запах гари, плотно законопативший нос молодой «сыщицы», она бы, конечно, так не опростоволосилась. Хотя вряд ли это человеческое слово подходило для описания того, что случилось с ней, овчаркой. Она, скорее всего, опростошерстилась. Оплошала, в общем! И не только не почувствовала заранее приближение того, кого разыскивала, но даже испугалась, когда он внезапно возник прямо перед ней и её маленьким спутником. Хорошо, что и для Васьки появление огромного пса явилось неожиданностью, а то совсем было бы стыдно! А так... котёнок высоко подпрыгнул, выгнул полосатую спинку, зашипел и спрятался под Альму. Ему, воспи-

танному в духе кошачьего превосходства над собаками, может быть, и в голову не пришло, что овчарка обязана всё чувствовать на расстоянии.

Мартин, к слову сказать, тоже остолбенел при виде прекрасной породистой незнакомки, и усталость от многочасового дежурства на улицах, охваченных пожаром, как лапой сняло. (А утомиться ему было отчего: дважды участвовал в спасении Людей из огня! В первый раз помог обезумевшим от горя родителям отыскать в дымящихся руинах сынишку — мальчика Сашиного возраста, а во второй — выволок из готового обрушиться дома взрослого мужчину, тот, правда, неживой оказался...)

— Как замечательно, что я тебя встретила! — воскликнуло вдруг чудесное видение, чем повергло Мартина в ещё большее смущение. От растерянности он едва смог промямлить в ответ что-то, чего и сам не разобрал.

Василий, определив по застенчивому поведению гиганта, что опасности тот не представляет, выглянул из своего «укрытия», но, смерив незнакомца взглядом, снова нырнул обратно — пусть основательнее подружатся, а то слишком здоровый.

Восхищение, которое Альма прочла в глазах того, за кем отправилась не просто в дальнюю даль, но даже в прошлое, и которое простодушный пёс не пытался скрывать, очень польстило молодой «сыщице». Тем более что внешность Мартина оправдала

все её ожидания, несмотря на явно дворовое происхождение, опалённую шерсть и чёрные пятна от копоти на симпатичной морде. Жаль, что он так сконфужен и не в состоянии продолжить беседу, потому что у неё теперь тоже в горле запершило: от дыма или ещё отчего...

— Разве ты меня знаешь? — наконец поборов замешательство, вымолвил Мартин.

— Она за тобой на воздушном шаре собиралась лететь! — пискнул осмелевший Василий.

— На воздушном шаре?! — поразился пёс и в сомнении посмотрел вверх: завеса, окутавшая город в результате пожаров, не только не рассеялась, но, наоборот, становилась всё плотнее.

Впрочем, невозможность исполнить задуманное не делала намерение менее благородным, а потому Мартин с признательностью произнёс:

— Ты отважная! Тебя за мной Брысь послал? То есть Ван Дейк?

Альма сначала оторопела, услышав странные клички, но потом вспомнила — кажется, оба эти прозвища принадлежали одному из похищенных котов. «И зачем ему два имени, — подумала «сыщица», — особенно то несуразное, которым их обычно Люди прогоняют?»

— Нет, меня твой хозяин за всеми вами отправил! — с гордостью сообщила она, словно перемещение в прошлое было явлением обыденным и входило в план розыскной работы.

— Саша?! — возликовал Мартин и надолго закашлялся, вдохнув едкий дым. Пока кашлял, успел огорчиться и даже почувствовать укол ревности от выказанного ему недоверия: неужели бы он сам не справился с поиском пропавших котов и не привёл их домой?! Кстати, граф Брюс обещал, что мальчикам «и макушки не напечёт», а питомцы уж назад вернутся! Выходит, и тут обманул...

Прямо над ухом раздалось смущённое кхыканье того, кого Мартин только что помянул недобрым словом:

— Так ведь, ежели по справедливости рассуждать, тот «я» и не я вовсе!

Мартин сердито возразил:

— Всё равно: ложь, притворство и ничего, кроме личной выгоды!

От обиды у Альмы выступили слёзы. (Скорее, конечно, от разъедающего глаза дыма, но и от обиды тоже.)

— Как вы можете так говорить! — оскорблённым тоном заявила «сыщица», перейдя от дружеского «ты» на холодно-вежливое «вы». — Я, между прочим, трачу на вас свободное время, а мой хозяин вообще жизнью рискует: остался в тёмном подземелье наедине с сумасшедшим злодеем!

(Про диггера Костю она решила не упоминать, чтобы подчеркнуть нависшую над Сергеем Анатольевичем опасность.)

Василий высунулся из-за правой передней лапы своей спутницы и подтвердил:

— И у меня никакой личной выгоды!
Меня вообще маманя послала!

Мартин, оторопевший было от несправедливых нападков, сообразил, что его новые знакомые не видят и не слышат графа Брюса, и поспешил исправить недоумение:

— Это я с привидением разговариваю, с его сиятельством. Он меня обманул, когда сюда заманивал.

Несколько мгновений Альма молча смотрела на симпатичного гиганта, оказавшегося на поверку не вполне нормальным, а потом уныло шепнула котёнку:

— Приехали!

Василий, однако, её печали не разделил, вместо этого вытаращил глаза и восторженно пискнул:

— Нешто с тем самым, из Башни?

И тут же добавил боязливо:

— Ух ты!

Глава пятьдесят пятая, в которой
Васька проявляет
непослушание, а
Пафнутий опять
недоволен

Мартин обрадовался поддержке маленького полосатого представителя кошачьих и подтвердил:

— Того самого, из Башни. Только он не помнит ничего.

— Память, что ли, отшибло? — совсем перестал бояться котёнок, потому как привидение обрело привычные человеческие черты. Несмотря на юный возраст, Василий успел заметить, что Люди во многом уступают котам. Например, могут пойти куда-нибудь — и заблудиться или вообще забыть, зачем они куда-то пошли. Его хозяйка в таких случаях хлопала себя по лбу и возвращалась в дом: иногда подобный манёвр помогал ей вспомнить, что она собиралась грядку прополоть или Боцману свежей воды в миску налить...

Сердитое кхыканье над ухом заставило Мартина дать пояснения:

— Да нет, просто этот граф ещё не дожид до того графа, который нас сюда за Книгой своей отправил!

Альма хотела скептически хмыкнуть, но её удержало упоминание о Книге — скорее всего, том самом фолианте, который погиб в пожаре по её вине. «Пожалуй, подожду более подходящего случая, чтобы сознаться, — смалодушничала овчарка, — не буду их сейчас расстраиывать».

— Вам бы поторопиться, — сухо заявил его сиятельство, раздосадованный появлением новой собаки и котёнка, не только не приспособленных к общению с призраками, но и отвлекающих могучего пса от исполнения приказов «главнокомандующего», каковым в их команде являлся серо-белый кот в золотистом ошейнике. — Там в Кремле захватчики-супостаты усыпальницу царскую рушат, в поисках сокровищ гробницы ломают. Помощь ваша супротив них требуется!

— Ой, мне бежать нужно, — сконфуженно пробормотал Мартин. — А вам бы от огня где-нибудь укрыться.

— Ну уж нет! — решительно отвергла предложение «сыщица». — У вас своё задание, у меня — своё! Я вас нашла, теперь осталось вернуть хозяину в целостности и сохранности. Так что с этого момента мы вместе!

От волнения Альма не заметила, что случайную встречу записала себе в заслуги.

— А он? — кивнул Мартин на котёнка.

— Ты домой иди! — просительным тоном обратилась «сыщица» к своему маленькому спутнику, опасаясь, что кошачий подросток проявит упрямство и уронит её авторитет в глазах беспородного красавца.

Так и произошло. Василий округлил и без того круглые глаза и воскликнул:

— Вот ещё! Нешто я тоже с захватчиками бороться не хочу?!

И, чтобы пресечь дальнейшие уговоры, помчался в сторону зубчатых кирпичных стен, очертания которых то и дело проглядывали из клубов чёрного дыма. Альма и Мартин кинулись следом, радуясь, что малышу на высоте его небольшого роста дышится не так тяжело, как им, и огорчаясь, что забота о юном храбрце и ответственность за его жизнь ложатся на них полосатым довеском к трём котам.

Его сиятельство не отставал от четверолапых, перебирая ногами в воздухе быстрее обычного и успевая рассказывать Мартину о том, что довелось ему увидеть, пока спешил за подмогой:

— Ни стыда ни совести у супостатов! Храмы в конюшни превращают, иконы саблями рубят...

Каждое слово графа добавляло ярости отважному псу, так что когда он во главе «своей» команды ворвался на территорию Кремля, то буквально клокотал от гнева. Вот только излить его оказалось не на кого: неприятель сбежал из охваченного огнём сердца Москвы и теперь

разрозненными отрядами метался по улочкам и переулкам, пытаясь найти спасение от жестокого пламени.

— А наши где? — разволновался Мартин, с тревогой втягивая ноздрами раскалённый воздух.

— Может, в соборе укрылись, — понадеялся его сиятельство.

Однако покрытое копотью пятиглавое здание хранило лишь следы варварского разграбления. Ни Рыжего, ни Савельича, ни Брыся с Пафнутием внутри не было.

— Куда же они подевались? — огорчённо спросила Альма, которая рассчитывала, что её сыщицкий долг будет вот-вот исполнен и останется только вернуться к любимому хозяину. Впрочем, ещё следовало выжить в огненной кутерьме...

— Пищит кто-то! — воскликнул котёнок и на всякий случай юркнул под Альму.

— Где пищит? — поводила ушами овчарка и восхищённым взглядом проводила Мартина. Тот ринулся в дальний угол зала, заставленного каменными саркофагами.

— У тебя отменный слух! — похвалила она и, смущаясь, добавила: — Ты и впрямь особенный...

Пёс между тем заглянул в гробницу, куски от разбитой крышки которой валялись рядом, и извлёк оттуда упитанного зеленоватого грызуна с хвостом изумрудного цвета.

— Бывают, значит, такие! — ахнул Василий.

Поставив «трофей» на край саркофага, Мартин представил его новым знакомым:

— Пафнутий! Питомец Вовки Менделеева, изобретателя эликсира перемещений.

«М.н.с.», недовольный краткостью изложенных о нём сведений, приосанился и собрался гордо поведать о двух своих образованиях, чтобы красивая и явно породистая собака, а также полосатый кошачий недомерок не зазнавались.

Однако Мартин опять всё испортил, потребовав немедленного отчёта о пропавших котах.

— Они Бонапарта преследуют, а меня тут оставили — тебя с графом караулить, — доложил Пафнутий оскорблённым тоном...

Глава пятьдесят шестая, в которой Брысь, Савельич и Рыжий вершат Историю

Пафнутий приврал — никто ему ничего не поручал. Едва призрак отправился за подмогой «в лице» могучего Мартина, началось настоящее светопреставление. С очередным порывом ветра пламя преодолело кирпичные стены, казавшиеся неприступными, и с жадностью набросилось на новые жертвы, в том числе и на бочки с порохом. Сердце столицы и всего государства российского сотрясли взрывы. Поливаемый огненными струями, Кремль мгновенно превратился в смертельную ловушку. Солдат охватила паника, и, давя друг друга, они бросились вон из собора, сталкиваясь в дыму с другими мародёрами, теми, кто грабил соседние храмы.

— Не упустить бы Бонапарта! — воскликнул Брысь и тоже выбежал наружу.

За ним, предварительно покрутив головами в поисках «м.н.с.» и не обнаружив его, устремились Рыжий и Савельич. Пафнутий же, благоразумно забившийся в угол ещё в самом начале суматохи, восклицание «глав-

нокомандующего» расслышал, но последовавшие затем действия не одобрил. Не всё ли равно, кто прогонит захватчиков: они или огонь?! Главное — враг драпает. Или Брысь собрался преследовать его до самых дальних рубежей, чтобы убедиться, что «незванный гость» ушёл и больше не вернётся? В таком случае такой увесистый груз, как он, Пафнутий, котам только помешает. Да и Мартина кто-то должен предупредить, куда все пропали. Пёс, конечно, своим собачьим нюхом и сам это выяснит, но вот по отношению к его сиятельству невежливо получится.

«М.н.с.» придумывал для себя всё новые оправдания, почему не подал никакого знака потерявшим его приятелям. Потом к отговоркам добавились объяснения, зачем он забрался в один из разрушенных французскими гусарами саркофагов. «Разумеется, чтобы спастись от огня! — втолковывал Пафнутий возмущённой его поступком совести. — Ну не для того же, чтобы посмотреть, не осталось ли тут сокровищ!» Кстати, судя по совершенно простой ткани, в которую были завернуты кости бывшего князя, а может и царя, драгоценностей в гробнице и не было...

Мартин размышлял. Точнее, старательно изображал глубокомыслие. Разедающий ноздри дым не позволял взять след, но ему ужасно не хотелось сознаваться в своей

беспомощности в присутствии породистой красавицы. Да и остальные, включая бывшего генерал-фельдмаршала, смотрели на него, усиленно хлопая глазами в ожидании ответственных решений.

— А ты местами полысел и закоптился! — нарушил затянувшуюся паузу Пафнутий таким льстивым тоном, словно объяснял, почему именно на Мартина теперь вся надежда.

«Наверное, опалённая в пожарах шерсть придаёт мне бравый вид», — заключил пёс.

— Ладно, вы тут побудьте, подальше от входа, чтобы не слишком горячо, — не очень связно начал он отдавать приказания, — а я разведваю обстановку и вернусь!

Призрак графа Брюса всплеснул руками и опять приложил концы кудрявого парика к глазам, чтобы вытереть выступившие слёзы.

— Вельми прекрасно понимаю себя грядущего, по какой причине на вас выбор пал, дабы за помощью к вам обратиться! — всхлипывая и шумно сморкаясь в невесть откуда взявшийся носовой платок с кружевной оторочкой, воскликнул его сиятельство. — Поелику вы все храбрости и отваги завидной преисполнены!

Пафнутий тут же выпятил живот и заявил:

— Да, абы кого за сокровищами не пошлешь! А Книга ваша ценности немереной!

Бывший алхимик, а также Альма стушевались. Правда, каждый по своей причине: первый

— поскольку упорно отрицал наличие упомянутого трактата, а овчарка — поскольку точно знала, что фолианта больше нет в наличии.

Единственный, кого совершенно не волновала судьба Книги, а лишь судьба снова сгинувших в неизвестности приятелей-котов, был Мартин. Не дослушав, что ответит граф на замечание Пафнутия, он выскочил на площадь и, прикинув к горячему булыжнику, чтобы оказаться ниже дымовой завесы, пополз.

— У вас есть план? — тут же раздался над ухом голос графа Брюса.

— Буду ползать, пока след наших не отыщу, — поделился пёс бесхитростной стратегией.

— А разве у вас в будущем никому неизвестно, каким путём Бонапарт из Кремля выбрался? Где он, там и камрады ваши!

Мартин смутился.

— Если только Савельичу, — неуверенно ответил он, досадуя, что вопросы по истории почему-то достаются именно ему, хотя он совершенно к ним не подготовлен!

Разглядеть кого-то конкретного в мятущейся толпе было невозможно, к тому же преследователи французского императора и сами рисковали стать жертвами либо огня, либо тяжёлых гусарских сапог с острыми шпорами, либо конских копыт, а то и просто задохнуться в густом ядовитом дыму.

Стены царского дворца облизывали языки пламени, оставляя после себя чёрные следы.

— А Бонапарт точно не погиб в пожаре?
— засомневался Брысь.

— Нет, ему удалось каким-то образом бежать отсюда, — с унынием глядя на исчезающее в огне творение великого архитектора Растрелли, отозвался Савельич. — А умер он на острове Святой Елены, куда его после войны сослали.

— Граф Брюс говорил, что подземные ходы прямо из Кремля за пределы города тянутся, — напомнил Рыжий, испуганно вращая глазами-блюдцами, в которых отражались оранжевые языки пламени. — Может, по ним Бонапарт и скрылся?

— Хм, очень может быть, — стараясь сохранять спокойствие и не показывать приятелям, что боится не меньше, чем они, рассудил искатель приключений. — Мало ли, предатель выискался, кто ему про катакомбы эти рассказывал. Где вот только нам их искать?.. Хотя... наш ход под Сухаревой башней начинался. Вдруг и тут под какой-нибудь из них?

Савельич тоскливо заметил, что башен в кремлёвской стене аж целых двадцать, сооружённых ещё в конце XV века.

— Начнём с ближней к дворцу, — распорядился Брысь, чтобы решительными действиями отвлечь приятелей от творящегося вокруг ужаса.

— Тайницкая, — тут же поделился знаниями книгочей.

— Ну вот, и название подходящее!

Прежде чем устремиться вниз по крутому склону Боровицкого холма сквозь костры из пылающих деревьев, искатель приключений поискал глазами Пафнутия.

— Я думаю, он в соборе остался, побоялся с нами бежать, — от страха вздыбив лохматую шерсть, поделился соображениями Рыжий. — Может, оно и к лучшему, сохраннее будет. Да и Мартин с его сиятельством скоро туда придут...

— Как удалось вам обнаружить этот потайной ход, граф? — кутаясь в поднятый воротник куртука, спросил французский император, как только они с Сегюром и ещё двумя адъютантами оказались в спасительной прохладе каменного туннеля, созданного, судя по всему, несколько веков назад.

— Счастливый случай, ваше величество! Три кота промчались прямо сюда, а животные всегда знают, где выход...

Краткие комментарии для любознательных

Тайницкая башня: в конце XV века Иван III задумал перестроить обветшавший белокаменный Кремль Дмитрия Донского. Для строительства новой крепости были приглашены итальянские архитекторы Пьетро Антонио Солари и Антон Фрязин (Антонио Джиларди). Строительство началось с южной стороны, которая подвергалась большей

опасности при нападении татар. Первой в 1485 году Антон Фрязин заложил стрельницу на месте Чешковых ворот белокаменной крепости 1366—1368 годов, предусмотрев внутри на случай осады колодец-тайник и скрытый выход к Москве-реке, в связи с чем башню прозвали Тайницкой. Устройство колодца на этом месте было обусловлено тем, что спуск с Боровицкого холма был здесь наиболее пологим. По легенде, основанной на воспоминаниях адъютанта Наполеона I Бонапарта графа Филиппа де Сегюра, именно через этот подземный ход Наполеону удалось выбраться из охваченного огнём Кремля. Затем солдаты маршала Даву через Лебяжий переулочек, Ленивку, Волхонку, Пречистенские ворота вывели Наполеона со свитой в ДорогомилOVO и далее к Ваганьковскому кладбищу, а оттуда они уже добрались до Петровского подъездного дворца.

Поражение Наполеона I в войне 1812 года против России привело к формированию антифранцузской коалиции европейских держав. Проиграв Битву народов под Лейпцигом, Наполеон уже не мог противостоять объединённой армии союзников. После вступления войск коалиции в Париж он отрёкся от престола 6 апреля 1814 года и отправился в ссылку на остров Эльба. Вернулся на французский престол в марте 1815 года (на сто дней). Поражение при Ватерлоо вынудило его во второй раз отречься от престола 22 июня 1815 года. Свои последние годы он прожил на острове Святой Елены в плену у англичан, где и умер 5 мая 1821 года (по основной версии — от рака желудка). Его прах с 1840 года находится в Доме инвалидов в Париже.

Глава пятьдесят седьмая, в которой Пафнутий даёт урок хитрости

Мартин полз, старательно приюхиваясь и не обращая внимания на ожоги, к которым уже почти притерпелся за целый день спасательных работ, и на графа, голос которого вторгался ему то в одно ухо, то в другое. Призрак сокрушался, что помощи от него нет, поскольку «в дыму крошечном ни обонять, ни лицезреть ничего не может». Внезапно путь Мартину перегородила куча из догорающих брёвен, и пёс удивился вопиющему нарушению противопожарной безопасности:

— Разве в Кремле не всё из камня построено?

(Хотя следовало признать, что каменные палаты полыхали с той же лёгкостью, что и деревянные терема...)

— Так то надстройка была над ямой с Царь-колоколом, — объяснил его сиятельство.

Мартин поразился ещё больше:

— А зачем колокол под землёй держать?

— Судьба у него такая, — вздохнув, поведал граф Брюс. — Спустя полгода после

кончины моей, в ноябре 1735-го, для колокольни Ивана Великого отлит был. Отец и сын Моторины с премногим старанием и умением сие грандиозное дело совершили по велению государыни-матушки Елизаветы Петровны. Десять тысяч пудов* весу в нём! В яме отливали, в яме и чеканили, а поднять не успели. В 1737-м пожар большой случился. Надстройка деревянная загорелась — вот как сейчас. Брёвна горящие в яму попадали — колокол и ну плавиться. Кинулся народ его вытаскивать, да разве ж сию махину осилить?! Тут мысль инженерная требуется! В 1796-м опять пытались колокол достать: приподняли, да обратно и уронили! Так и покоится горемыка в земле, почитай заживо погребённый...

— Мысль требуется... — сконфуженно повторил Мартин, вдруг сравнив себя с бестолковым «народом», кинувшимся очертя голову вытаскивать из глубокой ямы неподъёмную тяжесть. — Что вы там про подземные ходы говорили, ваше сиятельство? Где бы мы в Кремле на поверхность выбрались, если бы до конца по туннелю прошли?

— В башне Тайницкой, — ответил граф и воскликнул, осенённый той же самой догадкой: — Она же самая ближняя к дворцу царскому! Всего-то нужно через сад по склону спуститься...

* 1 пуд равен 16,3804964 кг, т.е. колокол весит больше 160 тонн.

Пафнутий несколько раз прошёлся по краю саркофага, куда поставил его Мартин, исподтишка разглядывая новых членов команды и придумывая, с чего бы начать более детальное знакомство. Вступление должно было быть эффектным, чтобы сразу захватить внимание обоих: и породистой собаки, и кошачьего подростка, который, впрочем, и так не сводил с него изумлённых глаз, словно грызунов никогда в жизни не видел.

— Кхм! — пискнул «м.н.с.» (как показалось ему, звучным басом).

Овчарка дёрнула одним ухом, а котёнок ещё больше вытаращил глаза.

Удовлетворившись достигнутым результатом, Пафнутий продолжал:

— Согласно химической науке, которую я представляю, в воздухе сейчас преобладает угарный газ, чрезвычайно вредный для нашего здоровья. Так что советую никому не дышать!

Для наглядности он вдохнул глубже, чтобы показать новеньким, как задерживать дыхание. Голова «м.н.с.» тут же наполнилась туманом, а точнее — им же упомянутым вредным угарным газом, и помощник юного химика рухнул обратно в саркофаг.

На дне гробницы оказалась вода, очень тёплая, даже горячая. Неведомые силы несколько раз погрузили в неё его упитанное тельце. «Наверное, хотят, чтобы я снова стал

белым», — с сожалением подумал Пафнутий, которому уже начал нравиться его бледно-зелёный облик и особенно — изумрудный хвост.

— Как бы не помер наш Кощей Бессмертный, — заговорила гробница бархатным голосом старшего компаньона и руководителя всевозможных спасательных операций. Звучал голос озабоченно.

«Обо мне беспокоится», — благодарно подумал Пафнутий, снова погружаясь в воду. Неведомые силы, вероятно, прознали, что в предках у него числятся отважные мореплаватели, а вот сообразить, что те предпочитали путешествовать по морю не вплавь, а в набитых провизией трюмах, ума неведомым силам не хватило.

Пафнутий собрался воспротивиться очередному маканию, но из-за охватившей его слабости не смог пошевелиться — неужели и впрямь помер?!

— Да нет, вон у него глазки открылись!

Оказывается, гробница умела говорить не только как Брысь, но и прекрасно копировала самого пушистого члена их команды — Рыжего.

— Взгляд, правда, какой-то бессмысленный, — присоединился к обсуждению голос породистой собаки, которую, кажется, звали Альмой.

— Он у него всегда такой! — язвительно буркнула гробница, подражая книжечю и философу.

Стерпеть последнее замечание «м.н.с.» не смог и забарахтался в крепких лапах неведомых сил, внезапно принявших очертания огромных клыков Мартина.

— Живой! — пискнул котёнок Василий, которого непонятно зачем привёл с собой пёс. Скоро придётся тетрадку заводить, чтобы имена туда записывать. Голова-то у него маленькая — поди упомни, как кого зовут!

Его сиятельство приложил к глазам длинные концы парика, а к носу — кружевной носовой платок, радуясь очередному воскрешению образованного грызуна...

Глава пятьдесят восьмая, в которой грузья бегут от огня

Подземный туннель, вход в который, замаскированный под небольшой грот, Брысь, Рыжий и Савельич обнаружили в земляной насыпи под Тайницкой башней, оказался коротким и вывел всего лишь к Москве-реке поблизости от Кремля. Видимо, в пылу погони они не заметили ответвления или проход в другие потайные коридоры был тщательно спрятан от любопытных глаз.

Промчавшись по берегу сначала в одном направлении, а потом в другом, преследовате-

ли Бонапарта поняли, что найти его в условиях разгулявшейся огненной стихии не удастся. А потому решили вернуться обратно в Архангельский собор, чтобы под защитой каменных стен вместе с Пафнутием дожидаться Мартина и графа. Однако возвращаться не пришлось: «служебно-розыскной» пёс наткнулся на них раньше.

Из-за беспокойства о грызуне, безвольно свисавшем из пасти Мартина, расспросы по поводу неожиданного появления в их команде Василия и незнакомой овчарки коты отложили до лучших времён. А к моменту, когда макания в речную воду привели «м.н.с.» в сознание, пожарная ситуация настолько ухудшилась, что думать оставалось лишь о спасении собственных жизней.

Обида Пафнутия за водные процедуры и нелестные отзывы о его персоне моментально прошла, как только он увидел во взглядах приятелей облегчение и радость. Правда, в глазах старых и новых друзей отразилась и картина происходящего вокруг, а потому «м.н.с.» сразу пожалел, что очнулся.

Зрелище было устрашающим: прямо напротив того места, где пришельцы из будущего выбрались на берег, огромным костром полыхала барка, гружёная сеном; снопы искр устремлялись в багровое небо, нависавшее так низко, словно оно готовилось обрушиться на город и закончить то, что не удастся огню; ветер вздымал волны, чёрные и масля-

нистые от толстого слоя сажи и пепла; грязная вода вскипала и пузырилась от падающих в неё раскалённых углей; объятый пламенем Кремль обжигал жаром; едкий дым заполнил подземный туннель, отрезав и этот путь...

— Нужно перебраться на другой берег, там пока горит не так сильно, — заявил «главнокомандующий» и тут же раздал приказы: — Пафнутий плывёт на Мартине, Рыжий и Савельич держатся за него по бокам!

— За меня?! — в ужасе пискнул потомок отважных мореплавателей, представив, как в него вонзаются острые крючки кошачьих когтей.

— За Мартина! — строго сверкнул глазами Брысь. — А мы с Василием вот за эту...

— Альма, — быстро назвалась «сыщица» и смело шагнула в реку. Её тут же окатило волной, а плавающая на поверхности клейкая сажа налипла на шерсть. Альма с огорчением подумала, в каком неприглядном виде предстанет перед дворовым красавцем, когда снова выберется из воды. Впрочем, все её новые знакомые имели сейчас одинаково жуткий облик. А когда обращались к невидимому им с Васькой призраку, то молодой овчарке становилось в их компании и вовсе неуютно. Собирище чумазых сумасшедших!

Переправа вплавь под сыплющимися сверху искрами и более крупными «подарками» в виде сверкающих углей, с шипением уходящих под воду и тут же снова всплывающих,

прошла под горестные стенания графа Брюса. Альме с Васькой «повезло»: они слышали только треск, гул и рёв оставшейся за спиной стены огня, но и эти звуки вскоре исчезли, так как намокли уши и в головах обладателей превосходного слуха поселилась звенящая тишина.

Выброшенные волнами на берег, пришельцы из будущего с ужасом почувствовали, что нестерпимый жар легко преодолевает водную преграду. Одна за другой вспыхивали оставленные на берегу лодки, а коварный ветер горстями и целыми охапками переносил пламя в ещё не охваченные пожаром городские кварталы.

Его сиятельство (которого уже давно грызла совесть за «себя грядущего», отправившего славных зверюшек в столь опасное путешествие) заламывал руки и причитал, глядя на обессиленных животных:

— Ах, нельзя тут оставаться, бежать бы вам, бежать!

Мартин, пошатываясь, поднялся. Прихватывая приятелей за шкирки, он заставил их встать на дрожащие лапы. Всех, кроме Пафнутия. Потомок отважных мореплавателей (теперь уже не зелёный, а чёрный) находился в обмороке. А может, и вовсе захлебнулся — выяснять было некогда.

— Ты понесёшь Пафнутия, а я — котёнка, он тяжелее, — распорядился Мартин, обращаясь к Альме, пока «руководитель миссии»

тряс головой, пытаясь вылить воду из ушей, и протирает глаза от налипшей сажи.

— Нужно добраться до усадьбы Воронцово и улететь подальше отсюда на воздушном шаре! — подал слабый голосок Василий, как только оказался в безопасности, а точнее — в мощных челюстях гигантского пса.

На воздушном шаре? — Брысь перестал трясти головой. — Неужели его сны могут стать реальностью?!

Яков Вилимович хлопнул себя по лбу. Правда, не столько потому, что и сам вспомнил о такой возможности, сколько от удивления, что о технических ухищрениях людей известно маленькому котёнку, даже не обладающему способностью лицезреть призраков!

— Я укажу путь! — воскликнул он и устремился вперёд, радуясь, что бесплотные духи не страдают одышкой...

Глава пятьдесят девятая, в которой у Пафнутия опять есть повод для огорчения

Огненное море, разливаясь, захватывало всё больше пространства, не щадя ни своих, ни чужих; ни людей, ни животных; ни простых смертных, ни того, кто грезил о славе властителя мира...

Пробираясь наугад по враждебной, превратившейся в гигантский костёр Москве, он встречал обезумевших от страха гусаров и гвардейцев — остатки его Великой армии. Они не узнавали своего императора, поглощённые единственной мыслью — уцелеть. В обмен на это они готовы были вернуть всё награбленное. Вот только Городу не нужны были ценности, ему нужны были их жизни...

Спустя несколько часов, грязный и обожжённый, в сопровождении таких же грязных и обожжённых солдат и придворных Наполеон Первый Бонапарт добрался до путевого дворца российских царей, в нескольких километрах к северо-западу от пылающей Москвы. Нестерпимый жар и тут давал о

себе знать, не подпуская к окнам и угрожая мгновенной расправой, если ветер переменится. К окнам всё равно подходили, чтобы бросить умоляющий взгляд на небо — дождя! Однако чёрные клубы дыма не собирались превращаться в тучи и вместо спасительных прохладных струй на обречённых сыпался горячий пепел...

Альма неслась изо всех сил, стараясь не отставать от могучего красавца. От сильной тряски Пафнутий очнулся и долго — сначала с недоумением, а потом с обидой — смотрел на мелькающие впереди длинные и крепкие лапы Мартина. Его, стало быть, доверили этой, как там её... Альме. Вот ведь имечко! Поди запомни! То ли дело у него: Пафнутий Владимирович Менделеев... Один раз услышишь — никогда не забудешь!

Рядом, почти наравне друг с другом, грациозными прыжками мчались Брысь, Рыжий и Савельич.

— Мы преследуем французского императора? — поинтересовался у них потомок отважных мореплавателей, в памяти которого из последних событий сохранилась лишь чёрная маслянистая волна, накрывшая его с головой.

— Живой! — обрадовался Рыжий, а «руководитель миссии» не моргнув глазом подтвердил:

— Кого же ещё! Конечно Бонапарта!

Пафнутий немного помолчал, восстанавливая мыслительные способности, потом недоверчиво спросил:

— Кого же ещё! Конечно Бонапарта!

Пафнутий немного помолчал, восстанавливая мыслительные способности, потом недоверчиво спросил:

— Он умеет так быстро бегать?

Савельич презрительно фыркнул, и «м.н.с.» догадался, что его разыгрывают. Ещё немного подумав, он проямлил:

— Если мы никого не догоняем, значит — сами спасаемся?

Извернувшись в зубах овчарки, Пафнутий посмотрел назад.

— Быстрее! — тут же заверещал он, увидев преследующее их пламя.

К счастью, ураганный ветер, дувший непрерывно почти целые сутки, стал наконец стихать, а беглецы, подгоняемые отчаянным писком Пафнутия, мчались так быстро, что вскоре оставили обжигающую стену огня далеко позади. Каменные здания сменились бревенчатыми избами, парки — огородами, а пустынные прежде улицы наполнились обозами и людьми. Теми, кто ещё не успел покинуть город и теперь торопился уйти и уехать как можно дальше от смертоносного пожара и армии завоевателей.

— Вдруг они раньше нас до шара летательного доберутся? — забеспокоился Василий, потому что огромный пёс, кажется,

собрался отдохнуть, а свою ношу опустил на дорогу, прямо в пыль, поднятую колёсами карет, телег, конскими копытами и сотнями человеческих ног.

Альма проделала то же самое с Пафнутием. Но, в отличие от котёнка, сразу вскочившего на долговязые лапки, «м.н.с.» остался лежать: при слове «летательный» силы его покинули, взор затуманился, а в ушах раздался свист, как во время недавно пережитого «полёта» над ночной «столицей вдовствующей». А говоря точнее — свободного падения с невероятной высоты!

— Далеко ещё до усадьбы? — проник в сознание Пафнутия бархатный голос руководителя операции, а призрак ответил:

— Вёрст пять, не более!

Воодушевлённые близостью цели, все снова засобирались в путь. «Конечно, — возмутился про себя «м.н.с.», снова очутившись в пасти овчарки, — им-то в воздухе кувыряться не доводилось!»

Пафнутию показалось, что он едва успел додумать фразу до конца (не из-за того, что туго соображал, а потому что почти морская болтанка прерывала умственный процесс), как граф Брюс возвестил:

— Имение Воронцово! Создание парадного въезда тоже архитектору Баженову приписывают.

Имя зодчего, а скорее воспоминания о подвале, где их компания утоляла голод,

заставили Пафнутия вострепнуться и осознать, что с того момента не только колбаса, но даже мысли о ней должны были напрочь перевариться.

Чтобы проверить ужасную догадку, «м.н.с.» попробовал вызвать в памяти любимое лакомство. Оно, к счастью, не замедлило явиться. И получилось таким огромным, что больше походило на... — Пафнутий горестно вздохнул — воздушный шар. Впрочем, на таком он бы не отказался полетать. От предвкушения обильной трапезы «м.н.с.» даже рот шире открыл и приготовился проделать в колбасном изделии добротный туннель. Но восхитительный мираж рассеялся от восклицания «старшего компаньона»:

— Опоздали!

Краткие комментарии для любознательных

Петровский путевой (подъездной) дворец на Тверском тракте (Ленинградский проспект) — путевой дворец на въезде в Москву со стороны Петербурга. Возведён в 1776—1780-х годах по проекту архитектора Матвея Казакова и представляет собой образец русской неоготической архитектуры. Екатерина II отдала приказ на строительство дворца в связи с успешным завершением Русско-турецкой войны 1768—1774 годов, он служил резиденцией для знатных особ после долгой дороги из Петербурга в Москву (отсюда его название — «путевой»). Под строительство были выделены пустующие земли, принадлежавшие в те времена Высокопетровскому монастырю. С 4 по 9 сентября 1812 года, бежав из горящей Москвы, во дворце пребывал Наполеон.

Глава шестидесятая, в которой тайное становится явным

Всё съели?! — вырвалось у Пафнутия, прежде чем он успел сообразить, что «главнокомандующий» вряд ли имел в виду опоздание к обеду. Брысь ничуть не удивился восклицанию: он давно знал, что самое почётное место в голове их маленького приятеля отведено мыслям о съестном.

— Усадьба горит, разве не видишь?! — сердито бросил он.

Пафнутий, снова поставленный Альмой на землю, внимательно посмотрел на каменный мост, который выгибался дугой над широким и глубоким рвом (хотя более крупным друзьям, а тем более Людям, мост, вполне возможно, казался мостиком, а ров — обычной канавой).

— Не вижу! — проворчал он, переводя взгляд на тёмно-розовые, с нарядной белой отделкой сооружения по ту сторону моста, расположенные симметрично влево и вправо от въездной арки: фигурные остроконечные обелиски (ещё такой же, только меньшего размера, украшал дугу арки); круглые

башни-близнецы с заострёнными кверху окнами, на макушке каждой — не шпили-шатры, уже привычные глазу, а что-то вроде беседок с колоннами вместо стен. К башням вплотную примыкали длинные одноэтажные здания.

— Кордегардии, помещения для караула, — услужливо подсказал Яков Вилимович, проследив за насупленным взором учёного грызуна.

Никакого караула, впрочем, не наблюдалось, а выкрашенные в чёрный и золотой цвет ажурные створки ворот были распахнуты настежь. Так что путешественники, перейдя через мост, беспрепятственно проникли на территорию усадьбы. От взлохмаченной ветром цветочной клумбы тремя лучами расходились широкие, обсаженные липами и клёнами аллеи. В конце центральной виднелся большой дом (или небольшой дворец), и Пафнутий, продолживший путь на голове Мартина (гораздо более удобной, чем зубы овчарки), наконец заметил то, что так огорчило Брыся и остальных: над особняком поднимался густой столб дыма.

— Может, печку топят, чтобы обед приготовить, — отказался верить в худшее «м.н.с.».

— Скоро увидим, — философски рассудил Савельич, вышагивая по усыпавшим дорожку листьям. Они ещё не успели окраситься в яркие осенние цвета и, сорванные с веток ураганом, теперь лежали зелёными грудями, с лёгким шуршанием рассыпаясь под лапами необычных посетителей. (Конечно, собак и

кошек по отдельности листьям видеть доводилось, но так чтобы вместе, да ещё в компании со странной окраски грызуном, никогда!)

Где-то в глубине огромного тихого парка журчала вода, и Пафнутий, у которого от переживаний пересохло во рту, потребовал изменить маршрут. В конце концов, новый удар судьбы следовало встретить подготовленными. (А то что столб дыма готовит именно удар, а не обед, «м.н.с.» уже с грустью предчувствовал. И, видимо, не только он. Граф тоже не торопился использовать своё умение мгновенно перемещаться в пространстве, а уныло скользил рядом.)

Журчание исходило от расположенных каскадом, поросших кувшинками прудов. Мартин и Альма, спугнув лягушек с круглых глянцевых листьев, тут же бросились в воду, а Пафнутий и коты надолго к ней приникли, наслаждаясь отсутствием маслянистой плёнки из копоти и пепла.

— Ваше сиятельство, а кому всё это принадлежит? — утолив жажду и оглядывая великолепные окрестности, поинтересовался «м.н.с.». Любитель кладов надеялся, что имение старинное, а значит, тут где-нибудь обязательно зарыт сундук с несметными богатствами, которые могли бы стать хорошей компенсацией за поджидающий впереди удар судьбы.

Ответ порадовал. Возраст усадьбы насчитывал несколько столетий. Первый владелец появился у неё ещё в XIV веке. Некий Воро-

нец, потомки которого превратились потом в Воронцовых. Правда, их род прервался, а имение стало царской вотчиной, но название сохранилось.

— При царе Алексее Михайловиче Тишайшем, при котором родитель мой в Россию на жительство перебрался, чтобы верой и правдой служить, отошла сия усадьба славному роду Репниных, подарившему Отчизне знаменитых военачальников.

— Как вы, ваше сиятельство? — уточнил приободрённый сведениями «м.н.с.».

— Как я, — загрустил призрак бывшего генерал-фельдмаршала...

Брысь, вдоволь напившись и стряхнув прохладные капельки с пышных длинных усов, посетовал:

— Жаль, что это не ваше имение и что не здесь вы спрятали Книгу!

Яков Вилимович обвёл «своих посланцев в прошлое» сконфуженным взглядом и натолкнулся на рубиновые глазки-бусинки, смотревшие на него с хитрым прищуром.

Альма уже немного привыкла к тому, что где-то рядом постоянно находится привидение. Услышав, что речь опять зашла о старинном фолианте, который она так некстати вытащила из тайника и которым пришлось пожертвовать ради спасения Василия, «сыщица» потупилась и шёпотом обратилась к Мартину:

— А что в этой Книге такого ценного, кроме камней на переплёте?

Пафнутий обеспокоенно задрал голову и с подозрением взгляделся в овчарку.

— Откуда тебе про камни известно?

— А тебе? — тут же придавил ему хвост (чтобы не удрал от ответа!) «руководитель миссии», и «м.н.с.», немного подёргавшись и поняв, что просто так не получит обратно свою выдающуюся деталь внешности, нехотя выдал секрет:

— Я их видел: сапфиры, изумруды и рубины...

Краткие комментарии для любознательных

Усадьба Воронцово (ныне Воронцовский парк) получила своё название от первых владельцев — боярской семьи Воронцовых, а та, в свою очередь, получила свою фамилию по имени первого известного её представителя — боярина Фёдора Воронца, который был хозяином этих земель во второй половине XIV века. Спустя столетие поместье стало царской вотчиной. В завещании великого князя Московского Ивана III (1479—1533) Воронцово значится среди других селений и земель, отданных его старшему сыну Василию III. При царе Алексее Михайловиче усадьба перешла во владение к князьям Репным. Активно развивалась усадьба в XVIII—XIX веках, когда имение принадлежало крупному государственному деятелю и дипломату, генерал-фельдмаршалу Николаю Васильевичу Репнину. После смерти фельдмаршала имение перешло к его внуку Николаю Григорьевичу Волконскому и его жене Варваре Алексеевне. Сейчас в парк можно попасть с разных входов, но парадным въездом в усадьбу был тот, который расположен на улице Архитектора Власова. Здесь воссоздали одно из самых красивых и древних сооружений имения Воронцово — ворота с караульными башнями. Ворота построены предположительно в XVIII веке, когда начал формироваться ансамбль усадьбы. Внешне они очень напоминают постройки архитектора В.И. Баженова в Царицыно, поэтому многие приписывают ему авторство и этого сооружения. Неизвестно, насколько это предположение близко к истине, так как архивные документы по усадьбе сгорели в пожаре 1812 года.

Глава шестьдесят первая, в которой раскрываются секреты

Яков Вилимович ахнул и сердито вскричал:
— Никому не позволено Книги той касаться!

— А я не касался! — возразил «м.н.с.». — Я упал на неё с научной целью!

И Пафнутий хмуро поведал подробности перемещения во времена царя Петра, скрытые им ранее. Эх! Не так он планировал преподнести друзьям эту потрясающую новость. Она должна была стать минутой его полного и безоговорочного триумфа! А эта, как там её... Альма, всё испортила.

Закончив повествование о загадочных алхимических опытах его сиятельства, питомец юного химика уставился на «сыщицу», всем своим оскорблённым видом требуя объяснений, как она проникла в их с графом тайник.

Пришла очередь Альмы покаяться в сокрытии важной информации. Котёнок Василий, в самом начале рассказа перебравшийся поближе к своей знакомой, теперь уселся между её лапами и с вызовом поглядывал на троих котов, в глубине души переживая, что

они сочтут его спасение из огня недостаточным извинением трагической кончины фолианта.

Узнать мнение «посланцев графа» Васька с Альмой не успели. Едва «сыщица» дошла до кульминационного момента, как Пафнутий, а с ним и призрак бывшего учёного лишились чувств и растянулись друг подле друга. Пришлось возвращать их к жизни опрыскиванием водой. Альма с Васькой хлопотали над не в меру впечатлительным грызуном, искоса поглядывая на остальных. Те (кроме Савельича, который хотя в обморок и не хлопнулся, но впал в оцепенение от известия о гибели магической Книги) суетились рядом — над пустым местом, где, вероятно, разлёгся невидимый граф.

— М-да, не суждено его сиятельству получить назад своё тело. Так и останется призраком во веки вечные, — опечалился сердобольный Рыжий. — Ох и рассердится Яков Вилимович на тебя, когда в наше время вернёмся! — посочувствовал он растерянной и подавленной Альме.

Брысь перестал плевать на неподвижно лежащее привидение.

— Ей-то что, она его не видит и не слышит! — логично заметил он, хотя и сам досадовал на случившееся: приятная и почётная роль мецената и спонсора опять откладывалась! А ведь он уже мысленно поделил Книгу на внутреннюю часть, которая должна была достаться призраку, и внешнюю, то есть пере-

плёт с камнями драгоценными, на которые должны были совершаться добрые дела от его имени. Впору присоединяться к Пафнутию. Не в смысле, чтобы рядом в обмороке разлечься, а в смысле, чтобы опять рыскать вместе с «младшим компаньоном» в поисках кладов. И эликсир Вовка наконец изобрёл самый что ни на есть подходящий для перетаскивания сокровищ из прошлого в будущее... Жаль, время сейчас такое, что не о славе мецената думать нужно, а о том, чтобы с захватчиками сражаться.

— Его сиятельство сам виноват, — вступился между тем за новую знакомую Мартин. — Сказал бы сразу, где Книга, ничего бы и не было. А то развёл секретность!

— Вот именно! — убеждённо вставил Васька, радуясь, что у доброй и красивой собаки есть такой могучий покровитель.

Призрак с кряхтением поднялся. В конце концов, может, оно и к лучшему, что Книжки больше нет и ничто не удерживает его в Башне, — подумалось Якову Вилимовичу, — столько лет неграмотное население от её поисков отваживал!

Потрясение «м.н.с.» оказалось более сильным и продолжительным, так что Мартину опять пришлось нести бесчувственного кладоискателя в зубах.

По мере того как друзья приближались к особняку, становилось очевидным, что горит вовсе не он, а что-то позади него. В

воздухе, помимо запаха гари, появилось ещё нечто странное, и обладатели уникального нюха озадаченно переглянулись.

— Химическое что-то, — вяло пискнул очнувшийся наконец помощник юного изобретателя эликсиров.

Бывший учёный подтвердил:

— Кислота серная! В сочетании с железными опилками газ выделяет, водород, которым господин Леппих оболочку аэростата своего наполнял.

— Неужели наш воздушный шар жгут?! — всполошился Пафнутий, тут же забыв, что перспектива полёта его совершенно не прельщала.

Друзья кинулись за дом и замерли, ошеломлённые увиденным: посреди двора полыхала невероятных размеров раззолоченная гондола. Нос её уже обуглился и догорал, и пламя с хрустом и треском поглощало среднюю часть, одновременно протягивая свои длинные ненасытные щупальца к корме. Вдоль стен окружающих двор зданий высились штабеля ящиков с весьма опасным содержанием, определённым бывшим генерал-фельдмаршалом как «пороховые ракеты» (вероятно, именно их должны были сбрасывать на захватчиков с летательного аппарата).

Обнаружился источник острого химического запаха — шеренги железных бочек, не менее семи десятков, и более сотни бутылей с купоросом. Повсюду валялся строительный

хлам: обрезки досок, листы железа, ящики с гвоздями, гайками и винтами, использованные малярные кисти, молотки, пилы, обрывки ткани, которую любознательный Савельич не преминул проверить на прочность и вынести вердикт:

— Тафта. Лаком пропитанная.

— А где же азростат? — в нетерпении крутил головой Брысь. Размеры гондолы предполагали шар невиданного объёма, в сотни раз превышающего те, что привиделись ему во сне! Такой не мог бесследно исчезнуть!

Мартин с Альмой приникли к земле и бок о бок принялись обследовать территорию.

— Я так думаю, на подводах всё ценное вывезли! — понаблюдав за действиями «сыщиков», изрёк котёнок. — А еростат, он ведь очень ценный!

— Да, — подтвердили вернувшиеся следопыты, — не меньше сотни подвод было!

— Это вы по количеству вот этого определили? — брезгливо указал Пафнутий на подсохшие лепёшки — следы лошадиной жизнедеятельности, тут и там «украшающие» обширный двор.

— Не только! — обиделась Альма. Впрочем, как объяснить непосвящённым, какими средствами пользуется настоящий сыщик в своей нелёгкой работе!

— Значит, ещё транспорт будет. Не могут же Люди бросить столько нужного для борьбы с врагом имущества, — заявил «руководитель

миссии», и, словно подтверждая его уверенность, слышалось цоканье копыт и человеческие голоса...

Краткие комментарии для любознательных

В ходе подготовки к войне 1812 года на территории усадьбы был организован секретный завод для строительства управляемого аэростата. Конструктивно он представлял собой шар с гондолой, оборудованной машущими крыльями, прикрепленными особыми пружинными рессорами. Оболочка шара имела форму рыбы длиной 57 м и максимальным диаметром 16 м. «Рыба» удерживалась сеткой с обручем, к которому подвешивалась гондола размером 20 м на 10 м, способная поднять в воздух до 50 человек одновременно, часть из которых были гребцами, а часть — солдатами, сбрасывающими на головы противника пороховые фугасы через люк в центре гондолы. Предполагалось также использовать ракеты образца 1807 года с радиусом действия до 1,2 км. Общая стоимость создания аэростата Франца Леппиха составила от 180 000 до 320 000 рублей, что было по тем временам колоссальной суммой, эквивалентной затратам на постройку трёхпалубного военного корабля с полным вооружением. Строительство проходило под покровительством императора Александра I и при активном содействии графа Аракчеева и графа Ростопчина, генерал-губернатора Москвы. Планировалось сделать готовый шар к Бородинской битве, однако проект завершился неудачей. Не состоялся и пробный полёт маленького шара. В сентябре 1812 года части незаконченного аэростата были эвакуированы на подводах из Воронцово в Нижний Новгород. Гондола и часть оборудования были сожжены строителями.

Глава шестьдесят вторая, в которой решается вопрос «Вместе или порознь?»

Ночти одновременно раздалось восклицание Рыжего:
— Смотрите!

Все повернули головы туда, куда указывал зоркий приятель, глаза которого опять увеличились до размеров чайных блюдец. Остальным тоже было отчего вытаращиться: незамеченный сразу на фоне объятый пламенем величественной гондолы, чуть в стороне от скопления бочек и бутылей, в воздухе парил самый что ни на есть настоящий воздушный шар! Жёлтый в чёрную полоску, он напоминал огромную толстую осу. Её лапки-верёвки цепко держали квадратную плетёную корзину, увешанную тяжёлыми на вид мешками, скорее всего с песком. Казалось, что хищное насекомое поймало добычу и теперь, не желая с ней расставаться, изо всех сил старается взлететь вместе с неподъёмным грузом.

— Что, если Люди за ним возвращаются?! — заволновался Брысь. Искателю приключений вдруг страшно захотелось ещё раз, уже в действительности, испытать тот

восторг от полёта, который он пережил во сне. К тому же воздушное путешествие можно было бы использовать для борьбы с иноземными захватчиками: вон сколько всякого добра вокруг валяется, что можно на головы наполеоновским солдатам скидывать! Жаль, что корзина совсем небольшая, едва ли превосходит в длину Мартина. Много снарядов в неё не влезет, особенно если и сам Мартин будет внутри. А ведь у них теперь ещё и Альма...

— Вот и хорошо! Пусть забирают! — категорично потребовал Пафнутий, снова вспомнив, что изначально он был настроен против подобной авантюры. Но... голосок-то у него тонкий, а потому Брысь его не услышал или намеренно проигнорировал возражения потому-ка отважных мореплавателей.

Однако и другие члены команды не спешили разделить боевой настрой «главнокомандующего» и смущённо переглядывались. Альма свою задачу по розыску пропавших выполнила и без помощи летательного аппарата и главную миссию видела отныне в заботе об их благополучии, чтобы было кого предъявить хозяину и мальчикам. Рыжий привык во всём полагаться на Брыся, но его грызли сомнения: слишком необычной выглядела затея. Савельич, как философ, вообще отвергал скоропалительные решения. Мартин... Благородный пёс готов был ради друзей рисковать своей жизнью и на земле, и в воздухе, но вот выдержит ли корзина его немалый вес, к которому

добавятся совокупные килограммы Альмы и трёх котов? Да и Пафнутия не стоило сбрасывать со счетов, даже с учётом того, что все они давно не ели. Хорошо хоть его сиятельство — бесплотный дух, а то ведь ещё нужно прихватить с собой парочку «пороховых ракет», иначе как воевать с наполеоновскими захватчиками? Единственный, кто излучал нетерпение и радость, был Васька. Как любой подросток — хоть человеческий, хоть кошачий — он рвался к подвигам. К тому же разве не ему принадлежала идея отправиться за воздушным шаром?!

Брысь без труда прочитал мысли друзей. Для этого даже не нужно было иметь телепатические способности: их физиономии оказались красноречивее всяких слов.

— Поскольку места на всех не хватит, то летим только мы с Мартином, а вы поможете загрузить в корзину побольше всякой метательной всячины и будете охранять усадьбу от мародёров! — командным тоном распорядился он, дипломатично учтя опасения и страхи каждого. — Тебя тоже касается, — суровым взглядом осадил Брысь подпрыгнувшего от возмущения котёнка.

— Ну уж нет, — хором воскликнули те, кого отстранили от боевой операции, и опять смущённо переглянулись: оставаться без силы и отваги могучего Мартина, а главное — без руководства опытного искателя приключений никто не желал. Высказаться до конца им мешал запыхавшийся голос Якова Вилимовича,

который наконец использовал свои возможности мгновенно перемещаться в пространстве и посмотрел, кто пожаловал в имение:

— Французы!

— Не подводы? — на секунду растерялся Брысь и, чтобы собраться с мыслями, лизнул подушечку правой передней лапы. Если бы времени хватило на более тщательное вылизывание, то, возможно, идея пришла бы получше, а так пришлось довольствоваться той, что осенила в первую очередь:

— Прячьтесь в корзину!

Первым отреагировал Пафнутий, быстрее всех вскарабкавшись по плетёному боку корзины на самый верх. На дне он, впрочем, всё равно оказался последним, так как приятелям потребовался лишь один опорный прыжок.

— Вы меня раздавите! — тут же возмутился «м.н.с.», лавируя между лапами, чтобы ближе подобраться к «старшему компаньону», который нёс за него персональную ответственность перед юным химиком Вовкой Менделеевым (во всяком случае, Пафнутий на это надеялся).

— Тиш-ше! — сердито прошипел Брысь и прильнул к щёлке между ивовыми прутьями. Остальные последовали его примеру. Только «м.н.с.» остался не у дел, поскольку низ корзины был сплетён особенно плотно. «Может, прогрызть небольшую дырочку?» — задумался Пафнутий и тут же заработал порицание от друга-телепата: «Я тебе прогрызу!»

Неприятель явился в усадьбу в составе целого конного отряда во главе с генералом. Вездесущему призраку удалось выяснить, что это не кто иной, как верховный судья наполеоновской армии граф Лауер, и что прибыли французы сюда не случайно, а чтобы проверить сведения относительно аэростата (враги называли его «адской машиной») и наличия в имении зажигательных снарядов. Сначала, так же как и совсем недавно пришельцы из будущего, они ошеломлённо замерли перед догорающей гондолой, потрясённые её размерами. Затем часть гусаров отправилась на поиски ополченцев, которые, по мнению генерала, непременно должны были скрываться где-то в округе. Другая часть занялась осмотром особняка и хозяйственных построек, скрупулёзно подсчитывая количество ящиков с ракетами, бочек с кислотой, бутылей с купоросом и прочих предметов, имеющих военную ценность и брошенных в спешке противником.

Маленький воздушный шар в углу огромного двора пока не привлёк внимания дотошных французов, а может, они видели, что он «заякорен» мешками с песком и никуда от них не денется, и потому спокойно и методично диктовали писарю цифры. Неприятельские «счетоводы» даже не поленились отмерить шагами расстояние от гондолы до господского дома и усердно записали в отчёт, что таковых получилось ровно сто.

Спустя некоторое время «урок математи-

ки» был прерван появлением первой группы пленных, по виду обычных мастеровых, которых, вероятно, обнаружили в ближайшей к усадьбе деревне...

Краткие комментарии для любознательных

Несмотря на беспрецедентную секретность, французы, судя по мемуарам адъютантов Наполеона, имели много сведений о «зажигательном воздушном шаре, или адской машине». В Воронцово был послан верховный судья армии генерал Лауер. В его докладной отмечалось, что здесь была обнаружена лодка, которая подвешивалась к воздушному шару, но была сожжена до вступления войск в Москву. Эта лодка находилась в 100 шагах от дворца, имела 60 футов длины и 30 ширины, в ней находилось много остатков винтов, гаек, гвоздей, крючьев, пружин и множество прочих железных снарядов всякого рода. В помещениях найдено 180 бутылей купороса, сверх этого вокруг дома 70 бочек и 6 особых чанов. В самом доме найдены столярные и слесарные мастерские и множество всевозможных инструментов и приспособлений.

Глава шестьдесят третья, в которой трузья спасают девочку, а Нанотеон пишет письмо

Один из арестованных, седой старик с растерянным лицом, постоянно оглядывался, но смотрел не на подгонявших его всадников, а куда-то вглубь парка. Под возмущённый писк Пафнутия пришельцы из будущего и Васька с трудом развернулись в тесной корзине и снова прильнули к щелям между ивовыми прутьями.

— Ах супостаты! — воскликнул его сиятельство, опередив своих четверолапых спутников. Над верхушками тронутых осенней желтизной деревьев клубился чёрный дым. С каждой минутой он становился всё гуще и устремлялся к Москве, словно желал присоединиться к тысячам других дымов. — Деревня Петровское там расположена, по всему видать — подожгли её французы!

— Ой! — ойкнул Рыжий как-то особенно жалостливо, и Пафнутий, обеспокоенно задирая голову, запричитал:

— Ну что там, что?!

По дороге, по которой недавно привели пленённых мастеровых, бежала девочка.

«Маленькая совсем, гораздо младше дочки моего хозяина», — волнуясь, определила Альма. Босиком, в длинной, почти до пят, ситцевой рубашке, со сбившимся на худенькие плечики платком, с растрепавшейся косичкой, она размазывала по чумазому круглому личику слёзы и надрывно кричала: «Деда! Деда!»

Арестованных между тем стали расставлять вдоль стены особняка, а перед ними такой же цепочкой строились солдаты. Мартин, уже видевший похожую картину на улицах Москвы, глухо зарычал и напряжился, чтобы выскочить из корзины.

— Их слишком много! — удержал Брысь благородного пса. — Нельзя, чтобы девочка это увидела. Васька, ну-ка пищи, да как можно жалобнее! — неожиданно распорядился «главнокомандующий».

Котёнок удивился, но приказание выполнил, огласив ближайšie к воздушному шару окрестности тоненьким, но от этого не менее душераздирающим пискom, так что Пафнутий не удержался и посмотрел, не придавил ли кто-нибудь Ваське хвост или лапу. Потому что если Мартин наступит своей полсотней килограммов, то и не так заверещишь!

Уловка сработала. Девочка обернулась на зов «попавшего в беду» котёнка, робко подошла к корзине и, встав на цыпочки, заглянула внутрь через просветы в плетении.

— Хватайте её! — скомандовал Брысь.

Мартин с Альмой одновременно вцепи-

лись в широкие рукава рубашки, что была на девочке, и дёрнули на себя.

Всё произошло настолько внезапно, что малышка не успела испугаться и вскрикнуть, к тому же тёплые ласковые языки, которые сразу принялись елозить по её заплаканному личику, не давали открыть рот.

«Операция» продлилась всего пару мгновений. Тем не менее один из французских гусаров то ли заметил, то ли услышал короткую суету рядом с воздушным шаром, потому что направился прямо к нему.

— Что будем делать? — опять доведя глаза до немыслимых размеров, пролепетал Рыжий. Сами-то они могли бы выпрыгнуть из корзины и умчаться, затерявшись в огромном парке, но теперь с ними маленькая девочка, которую нельзя бросать на произвол судьбы!

— Спрячьте малышку! — скомандовал Брысь и грозно распушил мех, готовясь вступить в жестокий поединок. Рыжий и Савельич последовали его примеру и тоже приняли пугающий облик. Впрочем, ни Мартин, ни Альма даже внимания не обратили на то, что происходило в «нижнем ярусе». Сомкнув спины, они сосредоточенно рассматривали в щель приближающегося врага.

Пафнутий собрался на всякий случай рухнуть в обморок, но передумал, заворожённо глядя, как синхронно ощерились Мартин и эта, как там её... Альма, обнажив ослепительно-белые огромные зубищи. По устраша-

ющего размера клыкам заструилась пенистая слюна, а где-то в глубине собачьих внутренностей зародился свирепый рык, от которого у потомка отважных мореплавателей, с одной стороны, затряслись поджилки, а с другой — захотелось самолично увидеть, как француз будет улепётывать без оглядки...

Вышло, как это часто бывает, не так, как планировали. Весёлая улыбка, появившаяся на губах неприятельского солдата, когда он заглянул в корзину, быстро исчезла, едва Мартин и Альма выпустили свой рык на свободу и лязгнули зубами перед самым носом врага. Отскочив назад, гусар выхватил саблю и, посылая проклятия в адрес «русских собак», принялся с ожесточением рубить верёвки, на которых висели мешки с песком, отсекая их один за другим.

Гигантская «оса» ожила, радостно подрагивая в предвкушении полёта, а затем, не дожидаясь, когда обрубят последние утяжелители, взмыла вверх. Задевая перекошенной на один бок корзиной сначала за каминные и печные трубы на крыше особняка, а потом за кроны деревьев, она поднялась выше и, подчиняясь воздушному потоку, устремилась на юго-запад. Снизу, словно догоняя «беглянку», долетел раскатистый звук ружейных выстрелов, означая, что с арестованными случилось страшное...

«Государь, мой брат!» — наконец вывел Наполеон, царапая бумагу остро заточенным пером, и вскочил, будто бы под ним воспламенилось кресло. Взгляд его натолкнулся на скомканные листки, валяющиеся на полу, — десятки неудачных попыток найти подходящее обращение к Александру Первому. Подцепив носком сапога ближайший комок, он яростно отшвырнул его. Письмо к российскому императору с предложением мира не должно было выглядеть как признание поражения. Только не это! Только не он! Только не от русских, этих лапотников, варваров, не пощадивших собственной древней столицы! Как он будет смотреть в глаза европейцам?! Как убедит мир, что сгубивший Москву пожар не дело рук его славных воинов?!

Нервно кривя губы, Наполеон вернулся к бюро и перечитал написанное. Да, «мой брат» — то, что нужно. Снова усевшись в кресло, он макнул перо в чернильницу и торопливо продолжил: «Прекрасного и великолепного города более не существует: Ростопчин приказал его сжечь. Четыреста поджигателей были арестованы на месте преступления. Они расстреляны...»*

* Здесь и далее выдержки из письма Наполеона I Александру I от 8 (20) сентября 1812 года. Место хранения оригинала: АВП РИ Ф. Канцелярия Министра иностранных дел. Оп. 468. Д. 6259.

Организовав в окрестностях Воронцова облаву, французы поймали 26 человек, главным образом мастеровых, среди них также были офицер и 10 ополченцев, охранявших имение. По приговору военно-полевого суда 16 из них объявили «поджигателями» и расстреляли.

Глава шестьдесят четвёртая, в которой сбывается сон

Сон сбылся, и, глядя на перепуганные физиономии Рыжего и Савельича, Брысь испытывал угрызения совести, словно был виновен в том, что когда-то ему привиделось путешествие по воздуху в компании приятелей. Он даже куснул себя за кончик хвоста, проверяя, насколько реально то, что с ним происходит. Судя по тому, что укус он вполне ощутил, окружающее не было сном. Да и восторг от полёта, который «прилагался» к видению, сейчас отсутствовал, косвенно подтверждая, что до земли действительно были сотни метров. Призрак бывшего учёного, вероятно, так высоко на своём «драконе» не поднимался, поэтому тоже оцепенел от ужаса и стал почти прозрачным. Хотя ему-то что?!

Бесплотный дух на то и бесплотный, чтобы нечему было в нём разбиваться. Вот они другое дело, от них небось и косточек не соберут. Да и собирать некому...

Паника пробиралась всё глубже под серо-белый мех, пронзая кожу на спине острыми иголками и парализуя один орган за другим. Лапы похолодели; нос высох; сердце ещё трепыхалось, но с такой бешеной скоростью, что долго не выдержит и разорвётся. Даже мысли, не желая страшной кончины, в полном составе куда-то улетучились.

Брысь поворачивал глазами, проверяя, действует ли у него хоть что-нибудь, и наткнулся взглядом на девочку. Опираясь пальцами босых ног на выступающие части ивового плетения, малышка бесстрашно перевесилась через накрённый край корзины и что-то лепетала, тыча указательным пальчиком в сторону багрового купола над Москвой и стремительно растущего чёрного облака над усадьбой Воронцово. Очевидно, рассерженные захватчики использовали найденные зажигательные смеси «по назначению».

Искатель приключений машинально отметил, что с глазами у него всё в порядке, и наострил уши, стараясь вникнуть в то, что твердил ребёнок. Мартин и Альма, которые придерживали девочку зубами за ситцевую рубашку, кажется, прекрасно её понимали, потому что выглядели не озадаченными, а всего лишь недовольными непоседливостью малышки.

— Позал! Позал! — звонко кричала та.

Брысь потряс головой, усилием воли прогоняя панику и возвращая ясность мыслей: девочка просто так мала, что ещё не в ладах с некоторыми звуками. Как же долго растут человеческие дети! Разве можно представить, например, кота, который бы, прожив на свете не менее четырёх лет, чего-нибудь не выговаривал?! Уж слово «пожар» он бы ни за что не исковеркал!

— Нужно выровнять корзину! — наконец окончательно пришёл в себя «главнокомандующий». — Мартин, сможешь затащить внутрь оставшиеся мешки и разложить их равномерно на дне?

Мартин вытаращил глаза, что должно было означать «разумеется!», и скосил их на девочку, вероятно спрашивая: «А её кто держать будет?» Потом его взгляд встретился со взглядом Альмы и надолго в нём застрял. Брысь уже начал терять терпение, думая, что влюблённый пёс (только слепой бы не заметил, что Мартин втрескался в красивую овчарку по белую кисточку на своём беспородном хвосте!) забыл о проблеме, но тут Альма перехватила зубы поудобнее, а Мартин, наоборот, осторожно выпустил свой край девочкиной рубашки. Малышка продолжала лепетать про «позал» и «деду», к счастью не осознавая опасности и совершенно не боясь высоты. В отличие от вцепившихся в ивовые прутья Рыжего, Савельича и даже Васьки,

который хоть и храбрился, но как-то неубедительно, не делая попыток высунуться из корзины и посмотреть вниз.

— А где Пафнутий?! — вспомнил Брысь о «младшем компаньоне» и снова почувствовал на спине острые иглы паники.

— На тебе, сзади прицепился, — слабым голосом отозвался Рыжий.

Брысь облегчённо выдохнул и попросил:

— Отцепите его кто-нибудь, он меня насквозь проткнул!

Мартин обхватил упитанное зеленоватое тельце зубами и потянул на себя, однако «м.н.с.» лишь крепче вонзил коготки в своего лучшего друга и притворился, что находится в бессознательном состоянии. Он и правда с минуты на минуту ждал спасительного обморока, который в этот раз вёл себя коварно и лишь дразнил звоном в ушах, кружением в голове и дрожанием во всех членах. Что не мешало, впрочем, Пафнутию не поддаваться на применение силы со стороны и продолжать цепко держаться за «руководителя миссии», ответственного за его жизнь.

Наполеон снова прошёлся по комнате, пиная бумажные комочки и обдумывая следующую фразу своего послания. Внезапно он резко повернулся и стремительно подошёл к стене, на которой висел большой портрет Александра Первого. Сузив глаза, он долго и

пристально вглядывался в лицо российского императора, пока ему не стало казаться, что тот смотрит в ответ, причём насмешливо и даже будто бы презрительно.

Ощувив новый приступ раздражения и злости, Наполеон кинулся к недописанному письму. «... Сожжены три четверти домов — уцелела лишь четвёртая часть! Такое поведение ужасно и бессмысленно! Гуманность, интересы вашего величества и этого великого города требовали, чтобы он был вверен моей охране, если русская армия оставила его незащищённым! — лихорадочно строчил он, ломая перья и разбрызгивая чернила. — Следовало бы оставить в нём администрацию, учреждения и стражу! Именно так поступали в Вене, и в Берлине, и в Мадриде!»

— Здесь не Вена, не Берлин и не Мадрид! Здесь Москва, здесь Россия! Об неё можно и зубы обломать! — слышалось вдруг Наполеону, и он в смятении обернулся, уставившись на портрет.

Ему показалось, или взгляд российского императора и впрямь изменился? Стал более жёстким, у губ залегла непримиримая складка. Была ли она раньше? Чертовщина какая-то...

Глава шестьдесят пятая, в которой друзья становятся воздухоплавателями

Оставив тщетные усилия освободить Брыся от «острых иголок паники», оказавшихся на деле цепкими коготками Пафнутия, Мартин занялся мешками с песком. Однако при первой же его попытке потянуть за одну из верёвок, к которым были привязаны утяжелители, корзина, и без того перекошенная набок, ещё сильнее накренилась, и «воздухоплаватели» завопили от ужаса.

— П-п-пусть он лучше перегрызёт верёвки и совсем освободит нас от груза! — дрожа всем телом, предложил Савельич.

— Нет-нет! — вскричал граф Брюс. — Тогда корзина взлетит ещё выше, туда, где воздух может быть настолько разрежен, что станет трудно дышать! К тому же температура наверху значительно ниже, чем внизу. Девочка замёрзнет!

— И я! — подал наконец голос «м.н.с.», вероятно привлечённый научным поворотом беседы.

— Да и мешки тяжёлые! Вдруг они упадут

кому-нибудь на голову? — привёл ещё один контраргумент сердобольный Рыжий.

— Тогда поступим так, — принял решение «руководитель полёта», смирившийся с присутствием колючего «рюкзака» на своей спине. — Мартин и все остальные, — Брысь кинул взгляд на овчарку и малышку, которая продолжала с любопытством разглядывать проплывающие внизу пейзажи, — кроме Альмы и девочки, смещаются на противоположный край.

«Воздухоплаватели» отступили туда, куда указал им Брысь, и корзина немного выровнялась. Правда, тут же возникла новая проблема: малышка, недовольная тем, что обзор ухудшился, стала карабкаться выше, а когда Альма потянула её за рубашку, не пуская вверх, то горько расплакалась и опять стала звать «деду». Да так жалобно, что у всех навернулись слёзы, а его сиятельство принялся шумно сморкаться в кружевной платок (что, впрочем, слышали только «избранные»).

— Ну хорошо, хорошо, — сдался Брысь, — летим как раньше! Просто держитесь крепче.

Мартин, не скрывая радости, вернулся на прежнее место, рядом с Альмой, чтобы вместе придерживать любознательную малышку.

— Целкофь, целкофь, делевья, делевья, лека, — старательно перечисляла девочка.

— Какая река? — заинтересовался «руководитель полёта».

— Нара, — глянув вниз, сообщил Яков Вилимович. Бывший учёный уже взял себя в руки (а может, вспомнил, что он призрак и падения ему не страшны) и теперь занимался мысленными арифметическими подсчётами и математическими выкладками, анализируя соотношение веса корзины и объёма воздушного шара и решая прочие необходимые для воздухоплавания уравнения и задачи. Даже сожаления о безвозвратно утерянной Книге с важными формулами и рецептом бессмертия отошли на задний план, настолько необычным было то, что происходило с ним сейчас благодаря его «собственным» посланцам в прошлое.

— Юди, юди, юди, мно-о-о-го юдей! — вещала между тем девочка. — Осади, осади, осади, мно-о-о-го осадей! Уски, уски, уски, мно-о-о-го усек!

— О чём это она? — растерялся Брысь.

Савельич метнул на малышку хмурый взгляд:

— Ей бы к логопеду!

— Войска внизу! — «перевёл» услышанное бывший генерал-фельдмаршал. — Люди, лошади, пушки...

— Французы? — испуганным хором воскликнули пришельцы из будущего и Васька. (Котёнок уже давно прикидывал, насколько сильно влетит ему от «мамани». Выходило, что мало не покажется.)

Яков Вилимович посетовал:

— Эх, сюда бы трубу зрительную, поелику не разгляжу никак. Слаб уж глазами-то стал!

— Наши это! — уверенно заявил книгочей. — Село Тарутино возле реки Нары расположено, а там ставка Михаила Илларионовича Кутузова, главнокомандующего. Тут произойдёт Тарутинское сражение, которое окончательно сломит армию Наполеона.

«...Я веду войну против вашего величества без всякого враждебного чувства. — Собственная фраза так растрогала Наполеона, что он даже прослезился и какое-то время сидел с прижатым к глазам платком. — Одна записка от вашего величества, полученная до или после последнего сражения, остановила бы моё движение, и я даже хотел бы иметь возможность пожертвовать выгодой занятия Москвы. Если ваше величество сохраняете ещё некоторый остаток своих прежних чувств по отношению ко мне, то вы истолкуете это письмо в хорошую сторону. Во всяком случае вы только можете быть мне благодарным за отчёт о происходящем в Москве. Я молю бога, государь, мой брат, сохранить вас в добром здоровье и благополучии.

Вашего и. в. верный брат Наполеон».

С облегчением поставив витиеватую подпись, Наполеон снова обернулся к портрету. Александр Первый загадочно усмехался...

Глава шестьдесят шестая, в которой происходит падение

Нтиськи! — вдруг весело рассмеялась девочка, а Мартин и Альма, не имея возможности привлечь внимание друзей голосом, принялись изо всех сил махать хвостами и выразительно вращать глазами.

— Что там у них произошло? — поинтересовался Брысь у его сиятельства, единственного, кто мог свободно перемещаться по корзине, не нарушая хрупкого и весьма относительного равновесия.

Яков Вилимович, погружённый в научные размышления — насколько хватит заключённого в шаре объёма газа и не пора ли им уже начать снижаться, вопроса не расслышал. Зато малышка обернулась к сгрудившимся в противоположном углу котам и пояснила:

— Мно-о-ого птисек!

Пространство вокруг шара наполнилось истошным «кр-рык, кр-рык» и хлопанием крыльев, а сама «оса» вместе с корзиной и «воздухоплавателями» оказалась внутри огромной стаи чёрных воронов. Птицы явно слетелись со всех окрестных лесов, чтобы вблизи рассмотреть диковинную «конкурентку», и были настолько гигантскими, что запросто

могли унести с собой любого из находившихся внутри плетёного короба, даже Мартина. Во всяком случае, размахом крыльев они превосходили его длину от кончика чёрного блестящего носа до белой, тревожно замершей кисточки на хвосте.

Вороны облепили воздушный шар, скользя когтями-крючьями по пропитанной лаком тафте. Они долбили «осу» мощными клювами и раскачивали корзину, то приземляясь на её верхнюю кромку, то снова шумно взлетая. Перепуганная малышка пронзительно визжала, и Альма накрыла её собой, ещё больше перекосив их ненадёжное убежище. Мартин отчаянно лаял, вложив в свой бас всю грозность, на какую был способен. Коты шипели и отмахивались от непрошенных гостей лапами с торчащими во все стороны острыми «рыболовными крючками». Даже Яков Вилимович всплёскивал руками и вопил «кыш, кыш!», забыв, что он бесплотный дух, а потому не может «физически воздействовать» на предметы. Более того, его «тело» постоянно пронзали вороньи крылья, когти и клювы! Хорошо себя чувствовал лишь Пафнутий, потому что умудрился потерять сознание, не отцепляясь от спины «руководителя полёта».

Несмотря на то что Брысь вертелся юлой, отпугивая раззадоренных неожиданным развлечением птиц, одна из них заприметила на серо-белой шкурке аппетитного зеленоватого грызуна и решила во что бы

то ни стало завладеть им. Расправив гигантские, отливающие синевой крылья и выставив вперёд могучие лапы, ворон ухватил добычу когтями и приподнял её в воздух вместе с не менее аппетитным, но тяжёлым котом.

В этот момент один из его сородичей наконец проткнул неподатливую «плоть конкурентки». Раздалось страшное шипение — это из повреждённого шара вырвалась струя газа. Необычный, никогда не слышанный ранее звук вспугнул стаю, и птицы полетели прочь, наполняя всё окрест сердитым крыканьем.

— Мы падаем, падаем! — завопил Васька, заглушив даже визг девочки.

— Не падаем, а быстро снижаемся, — поспешил успокоить всех «руководитель полёта», — и скоро благополучно приземлимся!

— Приводнимся! — поправил Брыся его сиятельство, в волнении теребя концы парика и машинально сменив облачение на рыцарские доспехи, словно боялся намочить парадный кафтан. Сверху река Нара выглядела хотя и не слишком полноводной, учитывая засушливое лето, но довольно бурной, и опасность для жизней его четверолапых спутников, а тем более для малышки, была чрезвычайно серьёзной и стремительно приближалась.

— Мешки, мешки! — опомнился бывший учёный. — Следует избавиться от мешков, поелику беда всем большая грозит!

Брысь, Рыжий и Савельич бросились к девочке и вцепились в её рубашку зубами и

когтями, освободив Альму в помощь Мартину, который уже яростно грыз толстые пеньковые верёвки...

Загадочная ухмылка на лице российского императора ввела Наполеона в состояние крайнего раздражения. Заложив руки за спину, он принялся нервно вышагивать взад-вперёд, постоянно обращая свой взор к портрету и продолжая мысленно убеждать Александра Первого в своей правоте. Во всяком случае, ему казалось, что «мысленно», пока до его слуха не донёсся собственный возбуждённый голос: «...Судя по тому, что я видел от границы до Москвы, это страна великолепная: всюду возделанные поля, всюду поселения, но из них одни опустели, другие обращены в пепел! И однако вы сами губите эту прекрасную страну! И зачем вы так поступили?! Это не мешало мне идти вперёд!»

Руки Наполеона, сомкнутые за спиной, вдруг расцепились, словно обретя собственный разум и волю, и принялись жестикулировать, подтверждая каждый выдвинутый аргумент: «...Наконец, надо же положить конец кровопролитию, надо нам идти к соглашению! Война эта вполне не политическая. Мне нечего делать в России! Я ничего от неё не требую! Я хочу уйти из неё, потому что все мои дела с Англией. Ах! Если бы мне взять Лондон! Оттуда бы я не вышел. Да, я хочу возвратиться!»

Наполеон хлопнул себя по толстым, затянутым в белые лосины ляжкам и, пользуясь тем, что его никто не видит и не слышит, заискивающим тоном произнёс, снизу-вверх глядя в лицо на портрете:

«Коль скоро император Александр желает мира, ему стоит лишь дать мне знать о том. Я пошлю к нему кого-нибудь из моих адъютантов, и мир будет скоро заключён!»

Российский император равнодушно молчал. Не дождавшись от портрета каких-либо знаков одобрения и готовности протянуть руку дружбы, Наполеон снова принялся в волнении мерить кабинет шагами. Затем, сделав несколько глубоких вдохов и выдохов и немного успокоившись, он опять впился взглядом в ярко-голубые глаза российского самодержца и мстительно проговорил: «Но если он хочет продолжать войну, так хорошо, мы будем её продолжать! Мои солдаты настоятельно просят меня, чтобы я шёл в Петербург. Ну хорошо, мы и туда пойдём, и Петербургу достанется участь Москвы!»

Выражение лица на портрете изменилось. Теперь Александр Первый хмурился и, кажется, даже покачал головой, отрицая все планы противника...

Глава шестьдесят седьмая, в которой выясняется, что есть не только «Н», но и «В»

Одна из верёвок, наконец, поддалась натиску мощных собачьих зубов и полетела вниз, увлекаемая привязанным к ней увесистым грузом. Корзина дёрнулась и хотя и поднялась немного, но перекосилась ещё больше под тяжестью оставшихся мешков. Бурлящая внизу вода была теперь хорошо видна всем «воздухоплавателям». Впрочем, им предстояло вскоре избавиться от первой части слова и стать просто «плавателями», если не утопленниками.

— Грызите, грызите! — зывал к собакам, точнее к их челюстям, Васька, храбрость которого распространялась только на противостояние наполеоновским захватчикам, но никак не на барахтанье в речной воде и борьбу с сильным течением.

Отчаянный писк котёнка отвлёк девочку. Перестав визжать, она протянула к нему ручки и схватила за хвост...

Сергей Анатольевич и диггер Костя мрачно переглянулись.

— Да, попали, — вздохнул капитан Петров и, подойдя к столу, заглянул в обувную коробку со склянками Вовы Менделеева. Взяв в руки одну из них, он внимательно прочитал то, что было написано на этикетке, — «Экстракт валерианы». Хотя юный химик и не скрывал, что использовал пустые пузырьки из-под успокоительного средства, чтобы заполнять их своими эликсирами. Красным фломастером поверх надписи детской рукой была начертана большая буква «П».

— Что за бутылочки? — спросил Костя, тоже доставая из коробки склянку. — А что означает буква «В»?

— Какая «В»? — заинтересовался следователь.

— Да какая теперь разница! — в сердцах воскликнул диггер и шваркнул пузырёк об каменный пол, угодив в подсохшую маслянистую лужицу. Поверх неё растеклась новая. А в следующее мгновение случилось невероятное, заставившее двух взрослых мужчин не робкого десятка отскочить в сторону и даже схватиться за руки.

На том месте, где несколько минут назад сначала лежала, а потом пропала овчарка, материализовалась целая куча животных, включая таинственно исчезнувшую Альму, и маленькая девочка, босая, с растрёпанной светлой косичкой, одетая в лёгкую ситцевую рубашку до пят. Все они крепко спали, что дало возможность капи-

тану Петрову и диггеру Косте немного прийти в себя.

— Чертовщина, — прошептал Костя, а Сергей Анатольевич бережно поднял малышку с холодного пола и прижал к себе, жалея, что на нём нет даже пиджака, в который можно было бы укутать ребёнка.

— Она настоящая? — с опаской спросил диггер. Словно отвечая ему, девочка пошевелилась и доверчиво обхватила капитана Петрова за шею обеими ручками, а потом, раскрыв заспанные глаза и хлопая длинными белёсыми ресницами, некоторое время вглядывалась в склонённое к ней лицо. Поняв, что лицо незнакомое, она обиженно закусила нижнюю губку и вдруг разразилась оглушительными рыданиями.

Звук несколько раз отразился от каменных стен комнаты и, вылетев в коридор, долгим эхом метался по туннелям, достигнув ушей запыхавшегося от быстрого бега мужчины средних лет, в очках, с царапинами от кошачьих когтей по всей физиономии. Он остановился, прислушиваясь.

— Ребёнок? Откуда тут ребёнок?! — недоверчиво проворчал мужчина и устремился дальше. До лестницы, ведущей на верхний уровень подземелья, оставалось ещё два поворота.

Крик малышки вывел из сонного оцепенения путешественников во времени и пространстве, заставив их подскочить и броситься

на «обидчиков». И если бы радостный визг Альмы не опередил нацеленные на незнакомцев зубы и когти, капитану Петрову и диггеру Косте пришлось бы очень туго.

— Абаськи, отики, кыса, — залепетала девочка, успокоившись при виде своих четверолапых друзей, и, серьёзно глядя в глаза Сергею Анатольевичу, пожаловалась: — Баяпат пьяхой! Деду заблал, делевню ззёк!

Следователь растерянно посмотрел на столпившихся у его ног животных и притаившегося за ножкой стола зеленоватого грызуна и вдруг осознал, что задание по поиску похищенных можно считать выполненным. А чтобы завершить «Дело № 74», не хватает последнего штриха.

— Альма, догнать! — скомандовал он, и «напарница» вместе с могучим питомцем мальчика Саши кинулись в темноту подземного лабиринта.

— Какой Баяпат, деточка? — ласково обратился Сергей Анатольевич к малышке, уверенный, что похитителю теперь не уйти от ответственности.

Пока капитан Петров пытался разговаривать странную девочку, Костя отважился потрогать одного из котов, самого маленького. Котёнок громко затарахтел, демонстрируя миролюбие и согласие на человеческую ласку, а трое других отступили обратно к столу и сгрудились над маслянистой лужицей и осколками разбитого диггером пузырька.

— Мы вернулись. Целые и невредимые. Это здорово! — констатировал Брысь в три приёма. — Но вот почему не только мы? И почему так быстро? Раньше мы от такого количества эликсира проводили в прошлом не менее двух недель!

Савельич задумчиво принялся к вязкой жидкости, разлитой поверх предыдущих, оставленных сначала ими, а потом Мартином с Пафнутием.

— Потому что все эликсиры разные! — раздался тонкий голосок «м.н.с.».

Рыжий смерил взглядом питомца юного химика и воскликнул:

— Точно! Ван Дейк, ты же сам твердил, что Вовка — гений!

Брысь прижал передние лапы к своему ошейнику, о котором совершенно забыл в пылу то погонь, то бегства.

— Получается, что жидкость, которую использовали мы, действует на всё, что окажется в наших лапах в момент обратного перемещения! Мы держали девочку, а она держала Ваську! Вот вам и результат! — возбуждённо блестя янтарно-жёлтыми глазами, предположил искатель приключений. — Осталось понять, почему мы вернулись так быстро.

— Вот! — Пафнутий продемонстрировал большой осколок пузырька, на котором красовалась этикетка.

— «Экстракт валерианы», и что? —

удивился Брысь. — На них на всех это написано!

— Букву «В» видишь? — приосанился помощник юного химика. — Вовка с недавнего времени стал писать на бутылочках то «П», то «В»!

— И что они означают? — нетерпеливо потребовали ответа коты.

Пафнутий смутился:

— Откуда мне знать...

Брысь несколько мгновений напряжённо думал, «пересчитывая» розовым языком полоски на своём хвосте.

— Перемещатель и Возвращатель! — наконец изрёк он. — Кто-то разбил возвращатель как раз там, где мы — наши эликсиры!

— Сие случайно вышло. Молодой человек склянку на пол швырнул от отчаяния и злости на обстоятельства...

Глава шестьдесят восьмая, в которой призрак глумится воспоминаниями

Посланцы графа Брюса дружно обернулись — смущённо покашливая, над каменным полом парил его сиятельство в привычном глазу пышном парике, кружевном жабо, тёмно-зелёном кафтане с золотыми пуговицами и голубой атласной лентой через плечо.

— Уж вы простите старика, что подверг вас таким опасностям! Никак не предполагал, что в столь драматический период истории нашей российской угодить изволите! — каялся Яков Вилимович.

Савельич на правах философа и книгочея проворчал, что вся история Отечества превращена Людьми в сплошную драму, так что нормальному путешественнику во времени и переместиться некуда без угрозы для жизни и здоровья!

Рыжий простодушно поинтересовался:

— Ваше сиятельство, откуда вам известно, в какую эпоху мы попали?

Ответить графу Брюсу помешал искатель приключений. Пристально вглядываясь в призрак, он объяснил друзьям:

— Потому что теперь до этого графа дожил тот, с которым мы познакомились в прошлом и который был свидетелем и участником всего, что с нами случилось!

— Я бы уточнил, что нынешнего меня с возвращением вашим новые воспоминания посетили, — сконфуженно оправдывался Яков Вилимович.

— Ага! Значит, вы, ваше сиятельство, помните, как сбросили меня с крыши! — тут же гневно вскричал Пафнутий и даже топнул левой задней лапкой.

Бывший сподвижник царя Петра Великого, извиняясь, пожал плечами:

— Сие произошло столь давно, что мне, старику, забыть позволительно.

«М.н.с.» возмущённо выкатил глазки-бусинки, собираясь излить на присутствующих новый поток пережитых им страхов, но Брысь осадил его встречным упрёком:

— Сам виноват! Нечего было по лаборатории в одиночестве шастать! Не наследил бы там, глядишь, и овчарка Книгу бы не обнаружила и не бросила её в огне!

Пафнутий на мгновение притих, переваривая услышанное: ничего себе, как хитро все стрелки на него перевели! Совсем недавно ответственность за гибель ценного фолианта полностью лежала на этой, как там её... Альме! На душе любителя сокровищ заскребли кошки, точнее — один конкретный кот, которого он считал своим лучшим другом из

всех имеющих! Мысли в маленькой голове «м.н.с.» лихорадочно заметались: следовало срочно изменить тему беседы, пока и остальные не набросились на него с обвинениями.

— Как жаль, что Мартин не тот пузырьёк выбрал! — торопливо пропищал он, обращаясь к котам. — Вот если бы мы с ним вашего эликсира отведали, то сюда бы целый воздушный шар переместился! Они с Альмой как раз его зубами за верёвки держали!

Его сиятельство зашёлся добродушным смехом, даже слёзы на глазах выступили, которые он по обыкновению утёр концами длинного парика.

— Тогда бы я непременно в воду шлёпнулся, даром что дух бесплотный! А так в корзине, как положено, приводнился и по течению плыл, пока потрясение от исчезновения вашего не прошло, поелику чересчур внезапно вы все испарились! Да ещё и девочка с вами, и Васька! Я ведь потом при штабе Михаила Илларионовича Кутузова остался, дабы упомянутое вами сражение Тарутинское лицезреть и победой над супостатом насладиться!

— И как всё было? — не скрывая зависти, спросил любитель истории Савельич.

Бывший генерал-фельдмаршал на несколько мгновений погрузился в воспоминания, словно проверяя, насколько они свежи, и как бы нехотя поделился:

— Довольно бестолково со стороны верховного командования и с беспримерной

храбростью со стороны офицеров и солдат русских. Главное, впрочем, достигнуто было: путь в южные губернии наши, богатые продовольствием, для Бонапарта отрезали. А потому пришлось супостату той же дорогой возвращаться, какой и к нам пожаловал, полностью разорённой грабежами и пожарами опустошённой.

— Разве командование может быть бестолковым? — удивился Пафнутий и задумчиво посмотрел на «старшего компаньона», словно анализируя все отданные им когда-то приказы.

Яков Вилимович вздохнул:

— Противоречия в штабе возникли. Кутузов-то считал, что цель и без всякого боя достигнута: не отважится Бонапарт с обессиленной армией своей через хорошо укреплённые наши позиции на юг прорываться. Что просто выждать надобно, когда французы по старой дороге отступать начнут. Но уж больно лакомым куском показались генералам войска захватчика, которые неподалёку от Тарутина расположились, дабы за действиями армии русской наблюдать. Две недели почти так вот друг на дружку глядели, а там и план атаки у начальника нашего главного штаба, генерала от кавалерии Беннигсена, созрел. Чуть не поссорились они тогда с Михаилом Илларионовичем. Обиду друг на друга затаили...

Граф Брюс готов был и дальше в ярких красках живописать подробности штабных

интриг и боя, очевидцем которых довелось ему стать, но из туннеля донеслось учащённое собачье дыхание, и вскоре в комнату вбежала Альма. Размахивая перед Сергеем Анатольевичем хвостом, она выразительно гавкнула два раза, и, к удивлению котов и Пафнутия, хозяин её понял.

— Догнали? Молодцы! — одобрительно воскликнул капитан Петров. — Костя, возьми коробку с пузырьками и клетку с грызуном.

«М.н.с.» пошарил вокруг глазами, но никакой клетки с грызуном не увидел, только пустую, ту, в которой его сюда злоумышленник принёс. Брысь усмехнулся:

— Полезай давай, а то мне надоело тебя таскать.

— Я, пожалуй, за вами воспоследую, дабы в благополучном возвращении вашем домой уверенным быть, — смущаясь, заявил его сиятельство.

Сначала Мартин, обогнав Альму, без всякой жалости набросился на похитителя и опрокинул того на замшелый каменный пол, прижав мощными лапами. Но потом, когда Альма умчалась докладывать об успешном задержании преступника, сжалился над поверженным злодеем и позволил ему сесть, прислонившись к стене, а сам уселся рядом, грозным рыком реагируя на малейшие движения насмерть перепуганного злоумышлен-

ника. Так что последний даже обрадовался, когда в туннеле забрезжил свет и показалась необычная процессия. Впереди вышагивала овчарка, за ней следовали три кота и молодой человек. В одной его руке был фонарик, в другой — клетка с грызуном, под мышкой он держал обувную коробку с эликсирами, а на плече юноши сидел котёнок, которого похититель (он мог в этом поклясться!) видел первый раз в жизни. Замыкал шествие следователь с маленькой девочкой на руках (и это было ещё более поразительно!).

— Я предупреждал, что добром деяния ваши не кончатся, поелику методы у вас варварские! — раздался над ухом укоризненный голос графа Брюса, и мужчина сердито нахохлился...

Краткие комментарии для любознательных

После оставления Москвы армия Кутузова расположилась в укрепленном лагере близ села Тарутина за рекой Нарой (примерно на границе Московской области к юго-западу от Москвы) для отдыха и пополнения материальной части и живой силы. Наблюдая за русской армией, недалеко от Тарутина на реке Чернишне (приток Нары) расположился авангард генерала Мюрата общей численностью 26 540 человек (согласно французским армейским ведомостям на 20 сентября 1812 года). Противоборствующие армии соседствовали некоторое время без боевых столкновений. План атаки разработал генерал-от-кавалерии Беннигсен, начальник главного штаба у Кутузова. Цель Тарутинского боя не была достигнута полностью, но её результат оказался успешным, и ещё большее значение имел успех для подъёма духа русских войск. Полагают, что именно бой под Тарутино подтолкнул Наполеона к отступлению. Отступление французов в сторону Калуги началось на следующий день после боя, 19 октября 1812 года.

Глава шестьдесят девятая, в которой друзья возвращаются готовой

Капитан Петров прижимал к себе дрожащую от холода малышку и торопливо вышагивал за диггером Костей. В голове он прокручивал разговор с девочкой.

— Какой Баяпат, деточка?

— Хланцус, — лаконично ответила малышка.

Если бы у Сергея Анатольевича не было собственной маленькой дочки, которая ещё совсем недавно точно так же забавно коверкала слова, то «показания» девочки поставили бы следователя в тупик. Но речь ребёнка он прекрасно понимал. Что, впрочем, никак не облегчало ему жизнь.

— Бонапарт. Француз, — озадаченно пробормотал он. — А зовут тебя как?

— Гьяся.

— Глашенька, значит, — опять догадался Сергей Анатольевич. — А мама-папа твои где? Девочка насупилась.

— У меня деда! Деду Баяпат заблал, делевню ззёк! — упрямо повторила она уже сказанное ранее. — Деда еластат мастелил!

Слово «еластат» расшифровке никак не поддавалось, и капитан Петров удручённо вздохнул. Что бы сие не означало, ясно было одно — вернуть ребёнка близким родственникам не получится, ввиду полного отсутствия таковых в нашем времени. То, что девочка родом из далёкого прошлого, сомнений не вызывало, хотя объяснить произошедший на его глазах феномен Сергей Анатольевич был не в состоянии. Решение же следовало принять незамедлительно, ведь малышка абсолютно реальна: шмыгает носиком, хлопает белёсыми ресницами и пахнет горьковатым дымом. Скорее бы уж выбраться из этого подземелья, согреть её и накормить!

Наткнувшись взглядом на спину ковыляющего впереди под охраной Мартина злоумышленника, капитан Петров опять вздохнул, представляя, как разочарованы будут владельцы похищенных питомцев тем, что злодей избежит наказания. Тем не менее, как юрист, Сергей Анатольевич прекрасно понимал, что предъявить данному гражданину, увы, нечего. Ведь формально никаких свидетельств того, что он причастен к преступлению, нет. И любой, даже плохонький, адвокат в пух и прах разнесёт обвинения. Подумаешь, царапины от кошачьих когтей на лице! Подумаешь, какому-то пьянице померещилось, что он тащил вместе с означенным гражданином огромного пса! Мало, что ли, котов и собак вокруг? Обувная коробка с эликсирами Вовы

Менделеева, конечно, обнаружена в подземной лаборатории, но... скажет, что нашёл, и ничего ты ему не возразишь... Вот если бы добраться до поделльников да получить у них показания о похищении... Однако капитан Петров был реалистом: может быть, когда-нибудь где-то что-то всплывёт, но не раньше...

Сдав московским коллегам злоумышленника на основании статьи об «оставлении в опасности» (а что? бросил их в запутанном подземном лабиринте и убежал, и, если бы не чудесное возвращение Альмы и других животных, они с Костей запросто могли бы там погибнуть!), Сергей Анатольевич усадил диггера с девочкой и хвостатыми путешественниками за столик в уличном кафе — поглощать заказанную в большом количестве еду, а сам отправился в ближайший торговый центр за одеждой для девочки. Да и созревшую в голове мысль хотелось без свидетелей обсудить по телефону с женой. Вопрос был очень важным и касался обретения ими сестрёнки для их дочки.

— Ты с нами или как? — наевшись, спросил Рыжий Ваську, с физиономии которого всё ещё не сходило изумление, вызванное сначала волшебным спасением от смерти в бурлящей речной воде, а потом видом преобразившейся до неузнаваемости Москвы без всяких следов пожара, странно одетых людей, машин и «тларебусов», про которые рассказывала Альма.

— Ох, попадёт мне от мамани! — растерянно пожаловался котёнок.

— Уже не попадёт, смирись! — философски заметил Савельич. — Теперь тут разве что твои очень дальние родственники обитают.

— Да, семьсот семьдесят седьмая вода на киселе! — поддакнул Пафнутий, лёжа на дне клетки, поскольку уже не мог шевелиться от обжорства.

Диггер Костя, на коленях которого сидел Васька, ласково его гладил, а потом спросил вернувшегося Сергея Анатольевича:

— Можно я котёнка себе оставляю? Он ведь не входил в число похищенных?

Пафнутий всё же дождался минуты своей славы. И даже роскошные хвосты приятелей не затмили его собственного, пусть гладкого, но зато бесподобно изумрудного! (Вовкина мама поддалась уговорам сынишки и разрешила оставить крысюка в зеленоватом обличье, пока всё само постепенно не отмоется. Впрочем, Пафнутий собирался принять меры, чтобы этого не произошло.)

Господин с местного телевидения остался очень доволен съёмками, а владельцы необычных питомцев получили в подарок не только запись передачи, но и чудесные фотографии. Большие, яркие, чёткие, на которых, казалось бы, нечего разглядывать с лупой, но Саша по

привычке, которую перенял у папы-историка, дотошно изучил снимки через увеличительное стекло. Не уверенный до конца в том, что увидел нечто странное, он упросил родителей воспользоваться услугами знакомого из научно-исследовательского института. Того самого, который однажды уже помог им обнаружить на старой пожелтевшей фотографии начала Великой Отечественной войны неугомонного Брыся*.

Через несколько дней оба семейства, Сашино и Вовкино, склонились над профессионально увеличенными фрагментами снимков: на каждом из них рядом с их питомцами проступали очертания пожилого человека в длинном кудрявом парике. Вот только одет он был каждый раз по-разному: то в тёмно-зелёный кафтан с золотыми пуговицами, с кружевным жабо на груди и голубой атласной лентой через плечо; то в рыцарские доспехи; то в алый бархатный халат, подпоясанный кушаком с золотистыми кистями...

— Граф Брюс, Яков Вилимович, сподвижник царя Петра Великого, генерал-фельдмаршал, алхимик, инженер, дипломат, сенатор и много кто ещё, — растерянно произнёс историк Николай Павлович, не зная, как реагировать на увиденное. Пожалуй, это было даже похлеще того, что их собственные питомцы запросто перемеща-

* События описаны в книге «Брысь, или Кот Его Высочества» (часть 4 «Брысь и Янтарная комната»).

лись во времени и пространстве. Они хотя бы вполне материальны. Вот: можно погладить, почесать за ухом, пощекотать животики. А это кто? Призрак?..

Глава септидесятая, в которой пора прощаться

-Ваше сиятельство, оставайтесь! Жить будете у нас с Вовкой. Смотрите, какие у меня шикарные апартаменты! — уговаривал Пафнутий графа Брюса, демонстрируя свою клетку с тренажёром, зеркалом и сантехническим лотком. — А? Что скажете? — просительно заглядывал питомец юного химика в глаза знаменитому учёному и механику, простив ему жестокое обращение на крыше Сухаревой башни, когда пришлось прочувствовать на себе все «прелести» свободного падения.

— Оставайтесь, Яков Вилимович! — поддержали идею коты-телепаты (Мартин в уговорах участия не принимал, потому что гулял с Альмой на пустыре за домом в компании с сестрёнками Петровыми, Сашей и Вовкой, чей отъезд на дачу к бабушке отложи-

ли в очередной раз на очередную субботу). — Что вам в Москве делать? В подземелье мёрзнуть? Ваську навещать? Так он вас всё равно не видит и не слышит! Да и что за него беспокоиться — ему у диггера Кости хорошо живётся, а вам одному будет грустно!

Его сиятельство в волнении менял облачения, растроганный предложением.

Точку в его колебаниях поставил искатель приключений:

— Будете с Пафнутием эликсир изобретать, чтобы тело себе вернуть. Хотя, по мне, вам призраком очень даже идёт. И о еде думать не нужно, — намекнул Брысь на непомерный аппетит «младшего научного сотрудника».

Луна успокоилась, увидев наконец сквозь щёлку в шторах на привычном месте, на подстилке рядом с гигантским псом, своего любимца, который пропадал неизвестно где несколько ночей подряд. Во сне серо-белый кот подёргивал усами и шевелил лапами, словно бежал куда-то, а может, опять кого-нибудь спасал...

Брысю на самом деле снился тревожный сон: то он пытался выхватить из огня магическую книгу графа Брюса, но раз за разом обжигал лапы и вынужден был смотреть, как пламя безжалостно уничтожает исписанные формулами листы; то тащил за изумрудный хвост «младшего компаньона», который, в

свою очередь, упирался и непременно желал дотянуться до погибающего фолианта, чтобы оторвать от переплёта хотя бы один драгоценный камешек; то почему-то (и это было мучительнее всего!) любезно показывал Наполеону выход из охваченного пожаром Кремля...

Последнее видение так расстроило Брыся, что он проснулся. В комнату заглядывала Луна.

— Я не виноват, — на всякий случай сказал искатель приключений ночному светилу.

Старая знакомая кивнула. А может, это ветер колыхнул лёгкие шторы.

Прежде чем снова заснуть, Брысь прислушался — в квартире Менделеевых тихо позвякивали склянки...

Скоро продолжение новых невероятных приключений Брыся и его друзей — «Тайна за семью печатями», где героям предстоит не только разгадывать исторические загадки, но и жертвовать собой...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие для тех, кто не знаком с главными героями	5
Глава 1, в которой Брысю снится плохой сон	7
Глава 2, в которой Пафнутий рассуждает о славе... 10	
Глава 3, в которой Брысь высказывает опасения, а Пафнутий меняет имидж.....	14
Глава 4, в которой происходит похищение	20
Глава 5, в которой начинается расследование	24
Глава 6, в которой появляются первые подозреваемые.....	29
Глава 7, в которой Мартин и Пафнутий строят предположения.....	32
Глава 8, в которой Мартина посещает странное видение	36
Глава 9, в которой Пафнутий приступает к решительным действиям	41
Глава 10, в которой Мартин и Пафнутий знакомятся с призраком	45
Глава 11, в которой Мартин и Пафнутий приступают к спасательной операции	51
Глава 12, в которой друзья доказывают призраку, что умеют думать	56
Глава 13, в которой призрак уклоняется от ответа .60	
Глава 14, в которой Мартину не нравится план	65
Глава 15, в которой происходит странный разговор 70	
Глава 16, в которой Брысь опять видит сон	76
Глава 17, в которой Брысь анализирует ситуацию..81	
Глава 18, в которой Мартин опять становится экспертом по эликсирам	85
Глава 19, в которой Савельич рассказывает о графе Брюсе	89
Глава 20, в которой Брысь даёт обещание	94

Глава 21, в которой подтверждается, что Вовка гений.....	99
Глава 22, в которой открывается зловещая правда	103
Глава 23, в которой друзья попадают в Башню	109
Глава 24, в которой опасность уже близко.....	115
Глава 25, в которой появляется Дело №74	121
Глава 26, в которой происходит встреча с призраком.....	125
Глава 27, в которой Альма продолжает расследование.....	130
Глава 28, в которой Брыся осеняет догадка, а в Башню являются новые «гости»	134
Глава 29, в которой друзья снова вместе	139
Глава 30, в которой Альма находит свидетеля	144
Глава 31, в которой друзья попадают в потайную комнату	148
Глава 32, в которой Альма становится диггером ..	152
Глава 33, в которой Пафнутий отправляется на поиски сокровищ	157
Глава 34, в которой Альма остаётся одна	163
Глава 35, в которой разгорается пожар	167
Глава 36, в которой у Альмы появляется проводник.....	173
Глава 37, в которой судьба Пафнутия выписывает неожиданный зигзаг	177
Глава 38, в которой Пафнутий видит царя и боится дракона	182
Глава 39, в которой Пафнутий готовится к полёту на «драконе»	186
Глава 40, в которой Мартин предлагает вмешаться в Историю	192
Глава 41, в которой Альма спасает котёнка, но теряет нечто ценное	196
Глава 42, в которой Пафнутия отправляют в	

полёт	200
Глава 43, в которой Пафнутий обвиняет графа Брюса	205
Глава 44, в которой Альма бросается спасать кошачью семью	211
Глава 45, в которой друзьям приходится менять планы.....	215
Глава 46, в которой Альма становится пожарницей... 219	
Глава 47, в которой Пафнутий проявляет хитрость	223
Глава 48, в которой происходит знакомство с кошачьим семейством	227
Глава 49, в которой Пафнутий демонстрирует талант рассказчика, а Брысь проявляет находчивость.....	232
Глава 50, в которой неприятелю достаётся от Мартина	237
Глава 51, в которой Пафнутий боится, Мартин рвётся в бой, а Наполеон ищет спасения	243
Глава 52, в которой друзья оказываются в Кремле	248
Глава 53, в которой Альма и Василий отправляются в путь	254
Глава 54, в которой происходит неожиданная встреча	258
Глава 55, в которой Васька проявляет непослушание, а Пафнутий опять недоволен.....	263
Глава 56, в которой Брысь, Савельич и Рыжий вершат Историю	269
Глава 57, в которой Пафнутий даёт урок химии ..	276
Глава 58, в которой друзья бегут от огня	280
Глава 59, в которой у Пафнутия опять есть повод для огорчения	285
Глава 60, в которой тайное становится явным	291
Глава 61, в которой раскрываются секреты	296
Глава 62, в которой решается вопрос «Вместе или порознь?»	302

Глава 63, в которой друзья спасают девочку, а Наполеон пишет письмо	308
Глава 64 в которой сбывается сон	313
Глава 65, в которой друзья становятся воздухоплавателями	318
Глава 66, в которой происходит падение	322
Глава 67, в которой выясняется, что есть не только «П», но и «В»	328
Глава 68, в которой призрак делится воспоминаниями	334
Глава 69, в которой друзья возвращаются домой..	341
Глава 70, в которой пора прощаться	346

По вопросам приобретения книги «Легенды Земли Московской, или... Новые невероятные приключения Брыся и его друзей» обращаться по контактам, указанным на сайте автора olgatalyshkina.ru и на сайте издательства brys-and-co.ru

Ольга Малышкина

**ЛЕГЕНДЫ ЗЕМЛИ МОСКОВСКОЙ, ИЛИ...
НОВЫЕ НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БРЫСЯ И ЕГО ДРУЗЕЙ**

Литературно-художественное издание

Маркировка согласно федеральному закону № 436-ФЗ:
6+

Текст печатается в авторской редакции

Художник О. Кагальникова

Дизайнер обложки О. Кагальникова

Верстальщик В. Жариков

Корректор О. Малышкина

Подписано в печать:

Гарнитура SchoolBookC Формат 84x108/32

Бумага офсетная. Тираж 2000 экз.

Общероссийский классификатор продукции

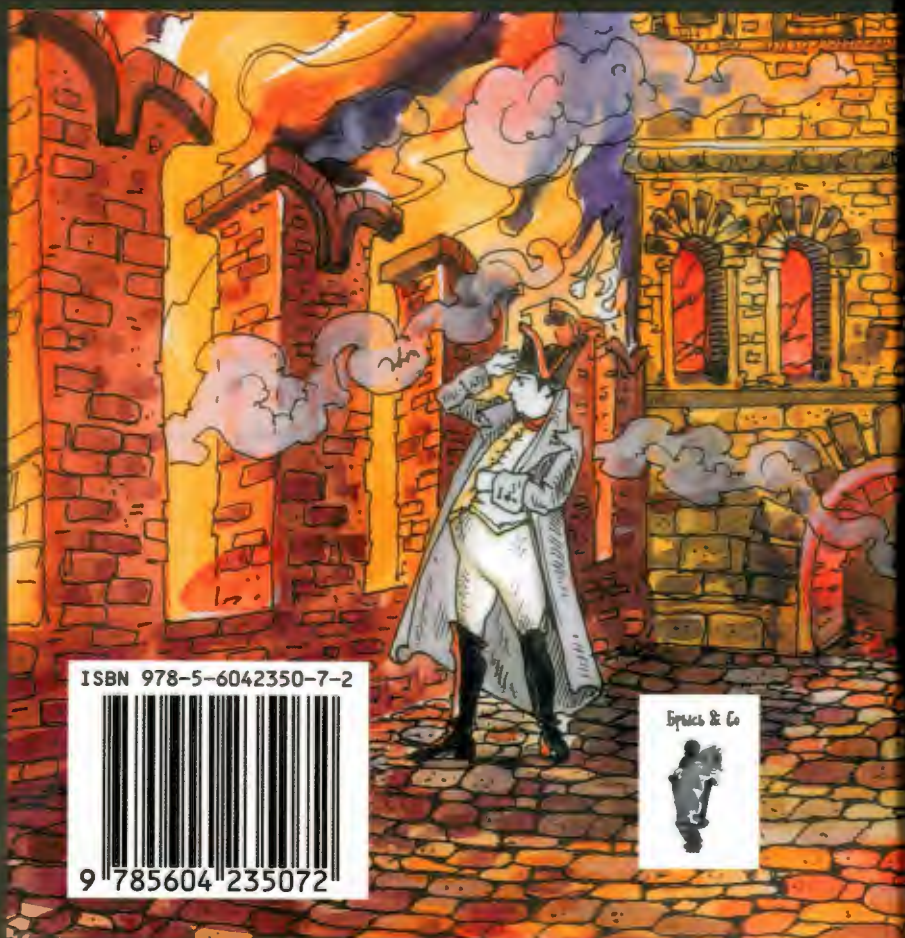
ОК 005 93, том 2, 953000 книги, брош.hs

ЕАС Изготовлено в России.

Брысь & Со

(ИП Малышкин С.В. ОГРНИП 317507400033667)

Расследование таинственного дела о похищении домашних питомцев и обувной коробки с эликсирами юного химика приводит следователя капитана Петрова и его помощницу – немецкую овчарку Альму – в московские подземелья...

ISBN 978-5-6042350-7-2

9 785604 235072

Брайс & Ко

